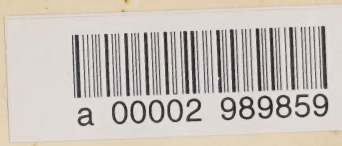
PG3467
I3
S46
1901

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
.I3
S46
1901


a 00002 989859

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/semidesiatyegody00iasi

PG3467
.I3
S46
1901

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Semidesiatye gody.

І. Ясинскаго (Максима Ѣлинскаго).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
„Т-во Художественной Печати“, Англійскій пр., д. 28
1901

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

БУНТЪ ИВАНА ИВАНЫЧА.

А. О. Новодворскому

I

ИВАНЪ Иванычъ Чуфринъ всталъ рано. Воздухъ въ широкихъ потокахъ свѣта, лившихся косо изъ оконъ, завѣшенныхъ до половины темной драпировкой, былъ нагрѣтъ и сіялъ, слегка голубой и туманный.

Подойдя къ зеркалу, Иванъ Иванычъ разгладилъ черные, шелковистые усы на своемъ красивомъ лицѣ, съ карими глазами и горбатенькимъ носомъ, вздохнулъ, улыбнулся долгой, вдумчивой улыбкой, сѣлъ на диванъ, откинувши голову, и заломилъ руки.

Онъ сидѣлъ такъ минутъ пять, повторяя:

„Свободенъ, свободенъ!“

И ему казалось, что до сихъ поръ онъ былъ въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, окруженный промозглымъ мракомъ, а теперь предъ нимъ раскрыли двери его подземелья, и онъ видитъ въ перспективѣ радужныя дали, въ дымкѣ которыхъ носятся свѣтлые призраки. Всматриваясь въ ихъ черты, онъ узнаетъ себя и ее, свою дорогую Сонечку, и свѣтъ, которымъ они тамъ вдвоемъ живутъ, радуетъ его глазъ и наполняетъ его сердце блаженной тоской.

„Ахъ!“—произнесъ онъ:—„Дѣйствительности хочется, настоящей жизни, а не грезъ!“

Но грезы были назойливы и такъ пріятны, что онъ не отгонялъ ихъ, и онѣ снова завладѣвали имъ, усыпляя его тревогу...

II

Годъ тому назадъ, онъ увидѣлъ худенькую барышню, съ золотистыми, вьющимися волосами, большими ясными глазами и малиновымъ ртомъ,— на половинѣ своей жены, Полины Марковны, учившей въ мѣстной женской гимназіи музыкѣ. Барышня поклонилась ему какъ-то бочкомъ, сдѣлавъ „очень серьезное лицо“, и продолжала начатый разговоръ. Полина Марковна предложила ей курить. Иванъ Иванычъ повертѣлся въ комнатѣ минутъ пять, спросилъ что-то и вышелъ.

За обѣдомъ жена сказала:

— А замѣтилъ?

— Что? Нѣтъ, не замѣтилъ,—отвѣчалъ онъ и притворно-вопросительно взглянулъ на жену.

— Это Сонечка Свенцицкая, нашъ феноменъ,—сказала жена въ отвѣтъ на его взглядъ.—Она получила аттестатъ и заходила проститься. На лѣто ѣдетъ въ деревню. У ней отецъ, кажется, порядочный деспотъ и съ извѣстными взглядами, такъ что его трудно передѣлать, но она хочетъ подкупить его золотой медалью, чтобъ онъ позволилъ ей вернуться осенью сюда—уроками заняться... Премилая дѣвочка, но презастѣнчивая... Впрочемъ, къ ней идетъ. Какъ начитана и хорошо рисуетъ и лѣпитъ. У меня есть одинъ рисуночекъ ея, акварель, прелесть! Показать?

— Покажи... когда-нибудь,—сказалъ онъ.

— Послѣ обѣда. Прелесть, говорю тебѣ,—убѣжденно повторила Полина Марковна и съѣла супъ. — А замѣтилъ, какіе у ней глаза? Проницательные и тихіе...

Онъ усмѣхнулся.

— Глазъ-то ужъ совсѣмъ не замѣтилъ, — произнесъ онъ.

Онъ лгалъ, что не замѣтилъ глазъ Сонечки. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился (совсѣмъ юношей), сумракъ его будней освѣтился на мгновеніе кроткимъ блескомъ этихъ глазъ, и онъ не могъ забыть ихъ ни на секунду. Тревожное чувство волновало его, было и стыдно, и досадно.

Жена сказала:

— Нѣтъ, душеночекъ, вижу, ты ужасный нелюдимъ.

И она принялась за ножку цыпленка.

— А вѣдь, пожалуй, она выйдетъ замужъ,—продолжала она.—Лозовскій за ней серьезно ухаживаетъ. Во всякомъ случаѣ это не будетъ неожиданностью. Онъ тоже умный человѣкъ и этакой шутникъ, но положительный...

Иванъ Иванычъ процѣдилъ:

— Д-да...

Съ Свенцицкой онъ не встрѣчался затѣмъ около полугода, и то впечатлѣніе, которое она произвела на него, изгладилось, хотя не совсѣмъ, потому что въ минуты разлада съ женою выплывало изъ глубины душевной сожалѣніе, что онъ слишкомъ рано закрѣпостилъ себя и что все могло бы устроиться иначе, будь онъ теперь свободенъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ обществѣ Полины Марковны.

Стоялъ сентябрь. Иванъ Иванычъ не пошелъ на службу, а забрался въ городской садъ, густой и большой, разросшійся на склонѣ крутого берега.

Высокіе вязы и дубы протяжно шумѣли. Въ остывающемъ воздухѣ крутились краснобурые листья и шуршали подъ ногами. Лучи солнца обливали землю нѣжно-янтарнымъ блескомъ.

Иванъ Иванычъ шелъ, снявъ фуражку, скорымъ шагомъ. Онъ негодовалъ на жизнь, находилъ ее пошлой.

Ему теперь двадцать три года, размышлялъ онъ, а ужъ его пѣсенка спѣта. Возврата нѣтъ. Онъ чиновно-солиденъ, хотя трепещетъ начальства, и смутился бы, встрѣтивъ въ этотъ часъ, неположенный для прогулокъ, гдѣ-нибудь на поворотѣ аллеи, Павла Кириллыча, управляющаго канцеляріей. Сослуживцы завидуютъ ему, пророчатъ карьеру, и червь крапивнаго честолюбія уже по временамъ щекочетъ его. Онъ вспомнилъ, какъ въ началѣ его поступленія на службу секретарь училъ его подавать начальнику газету, и какъ онъ сталъ ее подавать, размѣченную синимъ карандашемъ, какъ-то по собачьи изогнувъ станъ...

Деревья все шумѣли. Это былъ тихій, меланхолическій шумъ. Сверкая, проносилась въ воздухѣ паутина.

Иванъ Иванычъ сѣлъ на скамейку, влажную отъ дождя, который шелъ ночью, закурилъ папиросу, глядя вдаль, въ чащу деревьевъ, гдѣ просвѣчивало небо. Неопредѣленная тоска мучила Чуфрина.

„Ахъ, зачѣмъ это случилось!“

Полина Марковна была высокая, двадцати-шестилѣтняя 'блондинка, съ свѣжимъ лицомъ и большими, красными, сильными руками. Ему было девятнадцать лѣтъ, когда онъ встрѣтился съ нею на сельскомъ вечерѣ въ домѣ, гдѣ жилъ въ качествѣ домашняго учителя. Тогда онъ любилъ все американское, и образцомъ человѣка былъ для него дѣятельный и самостоятельный янки. Онъ даже о переселеніи въ Америку подумывалъ. Полина Марковна такъ самостоятельно хохотала, такъ краснорѣчиво отстаивала права женщины, такъ превосходно играла персидскій маршъ, такъ прямо смотрѣла на Чуфрина, не скрывая, что любуется имъ, такъ смѣло болтала съ нимъ въ темной аллеѣ и такъ искренно жаловалась, что ей, пожалуй, придется просидѣть весь вѣкъ въ дѣвахъ и ни разу не узнать, въ чемъ заключается счастье взаимной любви, что онъ сталъ ѣздить въ Анисовку и черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ

предложеніе. Полина Марковна выслушала его, зардѣвшись, схватила, въ радостномъ порывѣ, за обѣ щеки пальцами, точно онъ былъ маленькій мальчикъ, и крѣпко поцѣловала его въ губы долгимъ, ноющимъ поцѣлуемъ— съ нимъ чуть обморокъ не сдѣлался. Потомъ повела его къ матери и представила, какъ жениха, на что старуха, критически взглянувъ на него своимъ единственнымъ глазомъ и пожевавъ губами, произнесла:

— Жиденекъ онъ, Павличка, для тебя. Тебѣ мужчина нуженъ крѣпкій и въ лѣтахъ. Но, впрочемъ, твое желаніе такое, и я невольна идти вопреки. Господь благословитъ тебя!

Махнувъ рукой, она потянулась къ своей черепаховой табатеркѣ, и аудіенція кончилась.

Осенью онъ женился.

Онъ находилъ, что всѣ послѣдующіе четыре года его жизни съ Полиной Марковной неопровержимо доказали только, что поступилъ онъ неразумно. Куда дѣвалась его любовь къ Полинѣ Марковнѣ? И вообще ко всему американскому? Не этотъ-ли американизмъ, — спрашивалъ онъ себя, — былъ причиною его охлажденія къ ней? Непріятно, когда у жены сильныя руки, и она играетъ тобою, какъ мячикомъ. Она была самая безукоризненная жена, правда; домъ держала въ порядкѣ и даже въ нѣкоторомъ блескѣ; у ней служили образцовыя кухарки; умѣла принять гостей и сдѣлать такъ, чтобъ имъ не было скучно; она была умна, хотя ничего не смыслила въ поэзіи, но не смыслить въ высокомъ считалось въ то время модной добродѣтелью; зарабатывала въ годъ до тысячи рублей и ни гроша не стоила мужу, принеся еще, въ приданое, болѣе двухъ сотъ десятинъ чернозема; считалась первой музыкантшей въ городѣ, бездушной, но съ замѣчательной бѣглостью; вообще, чуть ли не во всѣхъ отношеніяхъ, она стояла цѣлой головой выше дамъ, которыхъ зналъ Иванъ Иванычъ. Наконецъ, она его любила „слѣпо“.

— Я неблагодаренъ, — говорилъ онъ себѣ: — плачу ей равнодушіемъ, скрытымъ, похожимъ на тихую ненависть. Но что же дѣлать? Она противна, какъ служба, на которую она же меня заставила поступить.

Онъ съ отвращеніемъ припоминалъ разныя мелочи, которыя, накопляясь, воздвигли между нимъ и Полиной Марковной цѣлую стѣну. По утрамъ она долго лежитъ въ постели, въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, и кричитъ оттуда нѣжнымъ голосомъ, чтобъ онъ пришелъ,— выслушалъ ея сонъ. И это каждый день, потому что ей всегда снится что-нибудь! Полина Марковна полощетъ горло такъ громко, что хоть уши затыкай. За чаемъ она много ѣстъ и когда онъ уходитъ на службу, сіяющая и красная отъ усердной ѣды, цѣлуетъ его жирными губами, отъ которыхъ пахнетъ ветчиной или сыромъ. О персидскомъ маршѣ, который прежде ему такъ нравился, онъ уже и не говоритъ. Она холодна и почти жестока съ прислугой. Разглаживаетъ себѣ пальцами брови!!

Случались и ссоры между ними. Иванъ Иванычъ рвалъ на себѣ волосы. Полина Марковна кидалась на постель, лицомъ въ подушки, или на диванъ, и плакала. Къ обѣду или чаю она выходила съ красными глазами и лицомъ, покрытымъ багровыми пятнами. Ссоры вызывались несогласіями въ отвлеченныхъ вопросахъ. Чѣмъ сильнѣе втягивался Иванъ Иванычъ въ чиновничью жизнь, съ ея сплетнями, интригами, попойками, послѣобѣденными снами, картами и проч., тѣмъ ревнивѣе оберегалъ онъ клочки идеала, оставленнаго ему въ наслѣдство ранней молодостью. Губы его дрожали и онъ говорилъ:

„Все стерплю, хорошо; но *этого* — нѣтъ! — *Этого* нельзя!“

Однако же, когда приходило время спать, супруги заключали миръ.

„Нѣтъ, никуда отъ нея не уйдешь, нигдѣ не спрячешься!“—прошепталъ Иванъ Иванычъ и всталъ.

Послышались голоса и шорохъ листьевъ. Шли съ правой стороны. Голоса становились яснѣе, звенѣлъ молодой женскій смѣхъ, мелодично замирая въ тихомъ шумѣ, которымъ осень наполняла желтѣющій садъ, а ему вторилъ мужской хохотъ. Показалась парочка. Иванъ Иванычъ узналъ Лозовскаго и Свенцицкую.

Лозовскій въ черной пуховой шляпѣ своей походилъ на итальянскаго бандита, такой онъ былъ бородатый, черноглазый, и такая у него была походка — твердая и самоувѣренная. Свенцицкая разцвѣла за лѣто. Тиролька съ огромными полями и розовыми лентами бросала на ея сверкающее молодостью лицо горячую тѣнь. Золотые волосы, мягко кудрявясь, падали до плечъ и развѣвались вѣтромъ. Во всей ея фигурѣ, тонкой и соразмѣрной, была бездна чего-то милаго, какой-то своеобразной граціи, чего-то, что не встрѣчается у другихъ...

Иванъ Иванычъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза.

„Она. А вотъ ея женихъ“,— думалъ онъ, и приподнялъ фуражку.—„Узнаетъ его или нѣтъ Свенцицкая?“

Лозовскій отвѣтилъ на его поклонъ по-пріятельски, бросивъ ему радостный взглядъ. Свенцицкая „сдѣлала серьезное лицо“ и кивнула головой, бочкомъ, какъ и въ тотъ разъ. Онъ слышалъ шумъ ея платья, и ему казалось, что мимо проходитъ сама весна, существо идеальное, недосягаемое, но все-таки вѣдающее, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ нѣкто Иванъ Иванычъ Чуфринъ.

Садъ казался пустыней. Природа засыпала, слабо борясь еще съ дремотою... Молодой человѣкъ долго съ завистью смотрѣлъ вслѣдъ исчезнувшей парочкѣ.

Цѣлую недѣлю затѣмъ онъ просиживалъ у открытаго окна часы и угрюмо молчалъ, а въ душѣ его сла-

гались грезы, ему снились золотые, несбыточные сны. Свенцицкая стала бывать у Чуфриныхъ и вмѣстѣ съ Лозовскимъ, вѣчно радостнымъ и ликующимъ. Разговоры велись о томъ, что денегъ въ Россіи мало, и урожаи плохи, и мужикъ голодаетъ, и классицизмъ вреденъ (онъ только-что вводился), и Некрасовъ великій поэтъ, и Фурье великій „соціологъ“, и свобода совѣсти—залогъ благоденствія народовъ, и провинціальная среда заѣдаетъ. Въ нѣкоторыхъ фразахъ Сонечки Иванъ Иванычъ узнавалъ фразы, заимствованныя ею изъ журналовъ. Онъ отвѣчалъ оттуда же, а Сонечка только притихнетъ бывало. При Свенцицкой онъ заботился, чтобъ произвести хоть небольшой эффектъ, оживалъ, глаза его горѣли, и пальцы рукъ слегка дрожали, онъ смѣялся (немного ненатуральнымъ смѣхомъ), шутилъ, разсказывалъ анекдоты, былъ странно „ласковъ“ съ Лозовскимъ.

Встрѣчи съ Свенцицкой случались на улицѣ или въ тусклыхъ корридорахъ театра. Чуфринъ упразднилъ послѣобѣденный сонъ и „сдѣлалъ привычку“ ходить по городу, „безъ всякой цѣли“. Вотъ виднѣется каменный домъ купца Переканаѣва, съ дочерьми котораго занимается Сонечка, а вонъ квартира генеральши Онупренко, „чопорной аристократки“, у которой Сонечка тоже даетъ уроки. Невольно проходилъ мимо этихъ домовъ Иванъ Иванычъ. Завидѣвъ вдали женскую фигуру, похожую на Сонечку Свенцицкую, онъ прибавлялъ шагу и досадовалъ, если ошибался; но какъ былъ онъ счастливъ, когда не ошибался! „А, здравствуйте!“ Онъ осыпалъ ее вопросами — о здоровьѣ, урокахъ, о прочитанныхъ книгахъ. Разговаривая, они доходили до зеленаго палисадника съ тополями; тутъ жила Сонечка. Она толкала калитку и прощалась. Зимній день догоралъ; голубоватый снѣгъ сверкалъ розовыми искрами; небо затягивалось холодными облаками; морозъ лютѣлъ. Но Ивану Иванычу было

тепло. Улыбаясь, шелъ онъ назадъ, и видѣлъ на снѣгу слѣды ногъ Сонечки рядомъ съ слѣдами своихъ.

Въ театрѣ весь сезонъ давались плохо обставленныя пьесы, и мѣстную „интеллигенцію“ привлекалъ своей удивительной игрой только актеръ Шарамыкинъ, талантъ, которому случай не далъ возможности прогрѣмѣть на всю Россію, но который былъ выше Шумскаго, по мнѣнію Ивана Иваныча (а Шумскаго онъ не видалъ). Сонечка тоже восхищалась Шарамыкинымъ. Когда явленіе его кончалось, Сонечка покидала ложу и медленно бродила по корридору. Иванъ Иванычъ зналъ это, угадывалъ, какъ и почему волнуется душа дѣвушки. Молчаніе корридора глухо нарушалось напряженными голосами актеровъ и актрисъ, которые ссорились на сценѣ, хохотали, говорили „въ сторону“. Сонечка шла возлѣ Ивана Иваныча въ своемъ темномъ платьѣ, наклонивъ русую головку.

Послѣ одной встрѣчи съ нею онъ вернулся домой въ странномъ восторгѣ. Онъ подмѣтилъ взглядъ Сонечки, горячій и любящій, точно обнимавшій его украдкой. Когда глаза ихъ встрѣтились, Сонечка покраснѣла. Но уже было поздно. Она быстро ушла отъ него, отвѣтивъ, однако, на его рукопожатіе. Иванъ Иванычъ всю ночь не спалъ, а изъ сумрака на него ласково смотрѣли глаза дѣвушки—совсѣмъ близко, совсѣмъ близко.

А Лозовскій? что съ нимъ? Подозрѣваетъ онъ что-нибудь, или ничего не подозрѣваетъ? Чуетъ-ли опасность? И если въ самомъ дѣлѣ Сонечка любитъ... то какъ же относится она теперь къ Лозовскому?

Лозовскій, какъ нарочно, зашелъ къ Ивану Иванычу на другой день, когда онъ сбирался дѣлать послѣобѣденную прогулку. Иванъ Иванычъ встрѣтилъ его съ маленькимъ недоумѣніемъ. „Зачѣмъ пожаловалъ?“ подумалъ онъ.

Войдя въ гостинную, Лозовскій, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ съ критики новой книжки „Дѣла“,

гдѣ печатался романъ, интересовавшій всѣхъ художественнымъ исполненіемъ и жгучими вопросами, которыхъ касался, а Иванъ Иванычъ сталъ спорить съ гостемъ. Спорилъ не горячась, думалъ: „нѣтъ, едва-ли онъ что-нибудь подозрѣваетъ“ и еще думалъ о Сонечкѣ, которая, пожалуй, возвращается ужъ съ урока, и на ея бархатной шляпкѣ, на розовыхъ отъ холода щекахъ и на длинныхъ рѣсницахъ прищуренныхъ глазъ бѣлѣютъ и таютъ снѣжинки. Онъ нетерпѣливо взглянулъ въ окно, на бѣлый, какъ молоко, день. Лозовскій, между тѣмъ, зѣвнулъ, и произнесъ, глянувъ на Ивана Иваныча немного сверху и искоса, такъ какъ затылокъ его упирался въ спинку дивана, а руки были заложены въ карманы брюкъ, и ему трудно было повернуться:

— Небось, каждый день гуляете?

— Я? — спросилъ Иванъ Иванычъ съ испугомъ. — Нѣтъ, не каждый день, — сказалъ онъ и точно такъ же, искоса и сверху, посмотрѣлъ на Лозовскаго.

— Ну, погода сегодня! — началъ Лозовскій, помолчавъ. — А вотъ герой романа любитъ этотъ бѣлый тонъ, этотъ серебряный сумракъ, располагающій къ мечтамъ. А вы?

Иванъ Иванычъ нахмурился.

— Видите-ли, дружище... — началъ Лозовскій.

Онъ крѣпко пожалъ ему руку и посмотрѣлъ въ глаза.

— Уходите? А вы, кажется, начали о чемъ то?

— Да, — произнесъ Лозовскій съ усиліемъ и спросилъ: — А все таки чѣмъ романъ кончится, а?

— Не знаю.

— А я знаю! — подхватилъ Лозовскій. — Н-да, я увѣренъ, — продолжалъ онъ, идя изъ гостиной въ залу: — что мечтательный герой кончитъ какой-нибудь гадостью.

— Илья Петровичъ, — сказалъ Иванъ Иванычъ слегка дрогнувшимъ голосомъ: — герой хорошій человѣкъ...

— Дрянь,—возразилъ Лозовскій презрительно.

— Ошибаетесь,—сказалъ Иванъ Иванычъ:—дрянь—филистеръ, который фигурируетъ въ романѣ въ качествѣ дѣльца и развивателя. Барышня его не любитъ, а онъ лѣзетъ къ ней съ своимъ законнымъ бракомъ... Дрянь и даже свинья, — заключилъ Иванъ Иванычъ.

Лозовскій пытливо взглянулъ на него.

— Вы противъ законныхъ узъ? Чтоже такъ? Неудача? А я, представьте, жениться хочу. Сказать на комъ?

— Ваше дѣло.

— На общей знакомой нашей.

Чуфринъ молчалъ.

— На Сонечкѣ Свенцицкой. Все давно слажено у насъ, и отецъ далъ согласіе.

— Вѣрю.

— А непоѣхать ли намъ къ ней?

— Неловко,—мрачно сказалъ Иванъ Иванычъ.

Лозовскій продолжалъ:

— Неловко? Съ женихомъ? Иванъ Иванычъ, вѣдь я женихъ. Слышите? Никому я еще этого не говорилъ, Иванъ Иванычъ, вы первый!

— Нѣтъ, я не поѣду, — сказалъ Чуфринъ и голосъ его пресѣкся.

— Напрасно!—произнесъ Лозовскій.

Онъ ушелъ, посмѣиваясь въ бороду.

Иванъ Иванычъ чуть не заболѣлъ.

„Какъ же это, — думалъ онъ: — „неужели то, что было вчера — сонъ, плодъ воображенія“!? Онъ похудѣлъ, осунулся.

По цѣлымъ днямъ въ лихорадочномъ волненіи онъ поджидалъ случая увидѣть Сонечку. Но Сонечка ни разу не встрѣтилась. Можетъ быть, она избѣгала встрѣчъ. Наконецъ, онъ отправился прямо къ ней.

Онъ узналъ ее изъ корридора по тѣни, которую от-

брасывала ея фигура на бѣлую занавѣску окна. Она сидѣла неподвижно, точно въ печальномъ раздумьѣ.

Иванъ Иванычъ робко вошелъ.

Сонечка широко раскрыла глаза.

Ярко горѣла стѣнная лампа и освѣщала ее. На дѣвушкѣ была сѣрая блуза, стянутая кожанымъ поясомъ съ стальной пряжкой, и бѣлые воротнички. Отъ этого скромнаго наряда повѣяло на Ивана Иваныча чѣмъ-то строгимъ. Онъ посмотрѣлъ на нее почти умоляющимъ взглядомъ.

Она улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ.

— Вы все рисуете?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, мажу...—отвѣчала Сонечка, глянувъ на неоконченный этюдъ женской головки, висѣвшій въ простѣнкѣ.

Иванъ Иванычъ всталъ, подошелъ, внимательно и даже съ восторгомъ осмотрѣлъ все и горячо похвалилъ. Сонечка открыто не признавала за своими произведеніями достоинствъ. Иванъ Иванычъ сталъ прочить ей славную будущность. Она краснѣла и качала головой, хотя можно было видѣть, что и она раздѣляетъ эти надежды и что ей нравятся похвалы Ивана Иваныча.

— Вы черезчуръ хвалите меня, Иванъ Иванычъ. Я не стою. Или, можетъ, льстите?

— О, нѣтъ, что вы!—воскликнулъ Иванъ Иванычъ съ огорченіемъ.—Вѣдь вы удивительная... Какая тутъ лесть... Я смотрю на васъ и дышать не смѣю отъ благоговѣнія... Право, какая ужъ тутъ лесть!

— Молчите...

Онъ замолчалъ; но чувствовалъ, что не можетъ удержаться въ границахъ, и потому горѣлъ желаніемъ излить душу — начистоту. Сонечка, потупивъ глаза, чистила палитру. Неопредѣленная улыбка ея глазъ исчезла. Разговоръ клеился плохо.

„Нѣтъ, скажу прямо и сразу“,—думалъ Иванъ Ива-

нычъ и не приступалъ... Между тѣмъ въ передней послышались знакомые твердые шаги Лозовскаго, и тотъ вошелъ въ комнату безъ доклада, вдругъ распахнувъ двери.

— А, честная компанія!—сказалъ Лозовскій съ веселымъ смѣшкомъ, кланяясь манерно, по-приказчичьи, и пронизавъ взглядомъ Ивана Ивановича и Сонечку.

Иванъ Иванычъ подалъ ему руку, которая дрожала, но и у Лозовскаго дрожала рука.

— Какъ поживаете?

Лозовскій только усмѣхнулся—„поживаю отлично“, и обратился съ вопросомъ къ Сонечкѣ.

— Не раздумали?

— Раздумала, — отвѣтила она нерѣшительно; и вообще Ивану Иванычу показалось, что появленіе жениха испугало ее.

— Это мы въ театръ собирались, — объяснилъ Лозовскій Ивану Иванычу.—Какъ же это вы?—обратился онъ опять къ дѣвушкѣ.

— Раздумала, повторила дѣвушка.

— Шарамыкинъ роль какую играетъ! Матушка-а!— протянулъ Лозовскій съ дѣланнымъ увлеченіемъ, все въ той же манерѣ приказчика.

„Что онъ все шутитъ“— подумалъ Иванъ Иванычъ, а у самаго щеки разгорѣлись отъ прилива какого-то непонятнаго пока, но уже радостнаго чувства.

— Ну, не хотите въ театръ, такъ будемте чай пить,— сказалъ Лозовскій и грузно сѣлъ на кровать. — Прикажите!

Сонечка вышла распорядиться по хозяйству. Въ походкѣ ея было что-то робкое и застѣнчивое, и тутъ, въ этой застѣнчивости, Иванъ Иванычъ опять угадывалъ точку душевнаго соприкосновенія своего съ дѣвушкой.

По уходѣ Сонечки, взгляды мужчинъ встрѣтились, и никто не потупилъ глазъ. Оба молчали. Началась

какая-то нѣмая ссора. Иванъ Иванычъ раскрылъ ротъ, чтобъ сказать что-нибудь рѣзкое и обидное, но ничего не сказалъ и только отвернулся, опустивъ глаза. А Лозовскій опрокинулся на подушки и захохоталъ.

Вернулась Сонечка.

Лозовскій не всталъ и лежалъ на кровати, продолжая хохотать. Иванъ Иванычъ былъ блѣденъ.

Но что это съ Сонечкой? Она вспыхнула и сказала:

— Встаньте, Илья Петровичъ. Вы ведете себя невыносимо. Что за вывѣска близости, которой нѣтъ? Встаньте сейчасъ же!

Лозовскій поспѣшно привсталъ.

— Даже еслибъ и близость была,—отшутился онъ:— то при семъ кавалерѣ мнѣ ложиться на вашу постель не подобаетъ, это я понимаю и приношу милліонъ извиненій... А оправданіемъ мнѣ да послужитъ то обстоятельство, что Иванъ Иванычъ уморилъ меня со смѣху! Право! Я поневолѣ упалъ въ изнеможеніи на ваше ложе...

Онъ поклонился и мелькомъ взглянулъ на Ивана Иваныча.

Сонечка продолжала:

— Что вы ломаетесь, Илья Петровичъ? Какъ надоѣло все это!...

Голосъ ея дрожалъ отъ обиды и гнѣва.

Лозовскій махнулъ рукой и вздохнулъ глубокимъ вздохомъ.

— Вотъ что, Сонечка,—сказалъ онъ:—мнѣ надо съ вами поговорить въ серьезъ. Извините, что я васъ „Сонечкой“... По старой памяти... Уму-разуму вѣдь два года училъ... Такъ ужъ прикажите господину Чуфрину уйти, онъ лишній тутъ, по крайней мѣрѣ, сегодня...

— Я и самъ уйду, — проговорилъ Иванъ Иванычъ, повинуясь взгляду Сонечки.

— Простите,—сказала она, протягивая ему ласково руку: — приходите въ другое время, вамъ-то я буду

рада, а теперь у насъ съ Ильей Петровичемъ что-то обострилось... Увѣряю васъ, мы сегодня поссоримся.

— Просто за чайкомъ потолкуемъ,—объяснилъ Лозовскій, расправляя плечо, точно послѣ гимнастики, и нетерпѣливо посматривая на дверь.

Иванъ Иванычъ ушелъ и сталъ въ передней надѣвать шубу и калоши. Лицо его горѣло. Онъ напрасно силился сообразить, что можетъ выйти изъ сегодняшняго его визита. Чувствовалось, что сдѣланъ какой-то шагъ, но назадъ или впередъ — онъ еще не смѣлъ опредѣлить.

Было темно. Горничная не показывалась, и выходъ изъ передней въ корридоръ можно было отыскать только ощупью.

Вдругъ отворилась дверь, и къ Ивану Иванычу подошла спѣшнымъ шагомъ Сонечка. Онъ узналъ ее инстинктомъ, стремительно, объятый неизъяснимой радостью, протянулъ онъ къ ней руки, губы ихъ встрѣтились, и она прошептала:

— Милый, милый, люблю васъ крѣпко, люблю!

У него словъ не хватило, чтобъ отвѣтить. Опустившись на колѣни, въ восторгѣ, въ уничиженіи, онъ поцѣловалъ ея платье. Онъ не спросилъ, какъ поступитъ она относительно Лозовскаго. Вопросъ этотъ упразднился. Вѣдь она же, эта дѣвушка, это божество, любитъ его, и никого больше!

Онъ ушелъ, пьяный отъ счастья, онъ не вѣрилъ, чтобъ блаженство, будучи такимъ огромнымъ, могло переноситься такъ легко, и съ радостнымъ страхомъ ждалъ, что онъ изнеможетъ подъ его тяжестью, и оно его раздавитъ.

А бѣлая улица молчала. Одиноко вдали мигалъ фонарь, тополи чернѣлись въ сумракѣ ночи. Но никогда міръ не казался Ивану Иванычу прекраснѣе и жизнь отраднѣе.

III

Воспоминанія Ивана Иваныча были прерваны появленіемъ Полины Марковны, наполнившей кабинетъ запахомъ духовъ.

Молодая женщина была одѣта въ бѣлое платье. Въ маленькихъ ушахъ, плоскихъ и прижатыхъ къ черепу, сверкали сережки. Русая коса была тщательно заплетена и сложена на затылкѣ. Лицо—присыпано пудрой, чтобъ скрыть багровыя пятна, — а грудь, слегка декольте, согласно требованіямъ лѣтняго сезона, украшена свѣжей розой.

Иванъ Иванычъ не зналъ, какъ ему быть. Вчера еще онъ непремѣнно нахмурилъ бы бровь и спросилъ бы: „вамъ что угодно, сударыня?“ потому что до вчерашняго дня онъ былъ въ ссорѣ съ женой. Поссорился-же онъ съ ней изъ-за Сонечки, мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ эта дѣвушка призналась ему въ любви. Онъ плохо вѣрилъ, что Полина Марковна, разъ узнавши, что сердце его несвободно, согласится на разъѣздъ и первая предложитъ эту мѣру, какъ самую естественную. И не ошибся. Когда, по требованію Сонечки, онъ все разсказалъ женѣ, Полина Марковна поблѣднѣла, схватила лампу, съ силой бросила ее на полъ и стала рыдать. Затѣмъ, вскочивши, съ кулаками направилась къ мужу, крича: „Подай мнѣ эту тварь! я разорву ее, задушу“! Но сама вскорѣ устыдилась своего крика, и скорбь ея стала тише, хотя, можетъ быть, острѣе и болѣзненнѣе; часъ просидѣла она безмолвно. Наконецъ, заключила она все обильными слезами, перемѣнила два носовые платка и часто нюхала уксусную соль.

Цѣлую недѣлю она не обмѣнялась съ мужемъ ни словомъ, но выходила къ обѣду и, если Ивана Иваныча не было дома, угрюмо ждала его, пока не простывалъ супъ. Она приказывала все убирать, а когда

Иванъ Иванычъ возвращался, опять накрывала столъ и, во время ѣды, вздыхала глубоко и протяжно. „Если это такъ будетъ вѣчно, думалъ Иванъ Иванычъ, то отчего же намъ и не разъѣхаться“, и написалъ ей въ этомъ смыслѣ письмо, опасаясь личныхъ объясненій. Вообще онъ трусилъ жены, и чѣмъ больше трусилъ, тѣмъ больше не любилъ. Она, прочитавъ письмо, захотѣла, однако, переговорить съ нимъ лично, и когда на вопросъ ея, серьезно-ли это онъ, или, можетъ быть такъ—можетъ быть, это временная прихоть молодого мужчины, которую она, пожалуй, могла бы еще стерпѣть и простить, — онъ отвѣчалъ, что, конечно, серьезно, то она пожала плечами и произнесла: „ну, это посмотримъ!“ Въ тонѣ, какимъ это было сказано, было столько самоувѣренности, столько „американскаго“, что Иванъ Иванычъ почувствовалъ страхъ, почти ужасъ и, въ свою очередь, грубо закричалъ на жену, и сталъ увѣрять ее, что даже изъ ада вырвался бы для Сонечки. Жена вела себя на этотъ разъ сдержанно и заключила бесѣду фразой, что пока она видитъ только, какъ онъ губитъ дѣвушку, въ городѣ всѣ уже объ этомъ говорятъ; шила въ мѣшкѣ не утаишь. Онъ сознавалъ, что былъ неосторожень, но въ отвѣтъ постучалъ кулакомъ по столу, а жена саркастически улыбнулась и ушла.

Конечно, онъ давно бы могъ бросить жену и уѣхать съ Сонечкой въ Петербургъ, какъ это и было порѣшено между ними; но мѣшали разныя обстоятельства, а главное — не было денегъ. Какъ ни свысока относился онъ къ службѣ, однако сталъ хлопотать о переводѣ въ столицу, и одинъ важный баринъ написалъ ему, что, пожалуй, лѣтомъ для него очистится тамъ незначительное мѣстечко. Иванъ Иванычъ былъ и тому радъ и ждалъ назначеннаго срока, какъ манны небесной. Сонечка, съ своей стороны, медлила. Она поджидала поры экзаменовъ, когда уроковъ бываетъ много и

платятъ дорого, чтобъ собрать рублей полтораста — „себѣ на приданое“. Кромѣ того, оба ожидали съ горячимъ нетерпѣніемъ отвѣта изъ одной редакціи, куда послали большую поэму, совмѣстно сочиненную и озаглавленную: „Деревня“. Поэма должна была принести, по крайней мѣрѣ, тысячу. Однимъ словомъ, условлено было вмѣстѣ жить и уѣхать, но когда именно — никто изъ нихъ этого навѣрное не зналъ. Поэтому, когда Полина Карповна вдругъ сдѣлала визитъ Сонечкѣ и обошлась съ ней дружески, поцѣловала и предложила свои услуги по части снаряженія бѣгства съ нею Ивана Иваныча, съ которымъ тоже круто измѣнила обращеніе и стала привѣтлива и пріятельски-любезна, какъ сестра, то Иванъ Иванычъ сначала несказанно этому удивился, а потомъ и несказанно обрадовался. И вотъ какимъ образомъ состоялось его примиреніе съ Полиной Марковной. Раздумывая теперь, какъ ему быть съ нею, т. е. отнестись-ли, по старой памяти, какъ къ женѣ, и лицемѣрно улыбнуться и даже поцѣловать у ней руку, онъ былъ смущенъ ея, очевидно, изысканнымъ, хотя и „простенькимъ“ туалетомъ и пудрой, скрывавшей знакомыя пятна — признакъ сильнаго душевнаго волненія. Встревоженно взглянувъ на нее, онъ забылъ всякую „политику“ и, даже не поздоровавшись, спросилъ, ожидая услышать что-нибудь непріятное:

— А что?

Полина Марковна поднявъ брови, какъ-бы въ минутномъ недоумѣніи, отвѣчала съ улыбкой:

— Ничего, другъ мой.

Она сѣла рядомъ, поправивъ платье и заложивъ ногу за ногу съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ нѣсколько циничесой непринужденности, какую позволяютъ себѣ при мужчинахъ только ихъ жены.

Иванъ Иванычъ сказалъ:

— Когда ты вошла, мнѣ показалось, что хочешь

сообщить что-нибудь неожиданное... У тебя видъ взволнованный...

— Я? — произнесла Полина Марковна и приложила платокъ къ лицу. — Нѣтъ, мой другъ. Но, конечно, не могу же я быть равнодушна. Но вотъ что: ты завтра рѣшительно уѣзжаешь? или, можетъ быть, послѣ завтра?

Она опять приложила платокъ къ лицу.

Онъ отвѣчалъ:

— Завтра...

— Въ которомъ часу? Утромъ?

— Утромъ.

— На тройкѣ?

— Да, на почтовыхъ.

— Съ колокольчикомъ?

— Вѣроятно, — произнесъ онъ съ усмѣшкой и прибавилъ:—что, однако, за вопросъ?

Полина Марковна сдѣлала видъ, что не слышитъ. Мечтательно устремивъ глаза въ пространство, она начала:

— Мы тоже тогда съ колокольчикомъ ѣхали... Помнишь? Музыкальный былъ такой... Ты спалъ у меня на колѣняхъ. А голова у тебя была кудрявая, я тебя сама завивала къ вѣнцу...

— Помню,—отвѣчалъ Иванъ Иванычъ.

Полина Марковна продолжала:

— Я хочу васъ провожать. Понимаешь?

— Ты очень милая женщина и твое великодушіе меня поражаетъ...

Она взяла его за руку и наклонилась къ нему.

— Милый мальчикъ, — заговорила нѣжно Полина Марковна: — нѣтъ жертвы, которой я не принесла-бы тебѣ! Клянусь! Все готова отдать. Теперь отдаю жизнь— безъ тебя жизнь могила. Сердце умретъ. А безъ сердца что за жизнь? Но, отдавая все,—конечно, не безъ борьбы,—я... я счастлива твоимъ счастьемъ.

Голова ея уперлась въ его плечо, а влажные глаза

искали его взгляда. Онъ улыбнулся ей, онъ былъ благодаренъ и понималъ, что гнать ее отъ себя сухимъ обращеніемъ было бы безжалостно наканунѣ такого событія, которое осуществлялось, преимущественно благодаря ея неожиданной безкорыстной помощи (она дала ему денегъ).

Однако, улыбнувшись, онъ поспѣшилъ перевести взглядъ съ жены на портретъ Сонечки, висѣвшій прямо на стѣнѣ.

— Милый,—продолжала Полина Марковна,—хочу я тебя попросить...

— О чемъ?

— У меня есть еще девятьсотъ рублей,—сказала Полина Марковна, опуская глаза:—возьми въ дополненіе къ тѣмъ... Душоночекъ! Вамъ понадобятся съ Сонечкой. Въ Петербургѣ, все дорого...

Ему стало душно.

— Нѣтъ, мы больше не возьмемъ... Такихъ денегъ скоро не отдать, а взять ихъ такъ—не похоже-ли на грабежъ? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, спасибо!

— Возьми!

— Нѣтъ.

— Милый!

— Нѣтъ и нѣтъ!—сказалъ онъ рѣшительно.

Полина Марковна подкрѣпила свою просьбу поцѣлуемъ. „Неужели ей надо возвратить поцѣлуй?“ Онъ привсталъ, крѣпко пожалъ ей руку, въ знакъ того, что поцѣлуи неумѣстны, возможна только дружба. Полина Марковна вздохнула и сказала:

— Ну, какъ знаешь, Ваня. Но, можетъ быть, Сонечка возьметъ.

— И Сонечка не возьметъ... Зачѣмъ намъ?—возразилъ онъ.—Обстановокъ заводить не будемъ. Новой жизнью совсѣмъ заживемъ.

Полина Марковна ничего не отвѣтила и продолжала сидѣть на диванѣ. Иванъ Иванычъ отвернулся и смот-

рѣлъ въ окно, въ садикъ, и все думалъ: „ахъ, когда-бы ужъ скорѣе!“ Въ молчаніи прошло пять минутъ. Онъ слышалъ, какъ Полина Марковна вышла изъ кабинета, но не повернулъ головы. А когда снова пересѣлъ на диванъ, чтобъ еще помечтать, то увидѣлъ на полу истрепанную и изгрызенную розу, только-что украшавшую собою грудь Полины Марковны.

IV

Мечты и воспоминанія Ивана Иваныча перестали теперь развиваться послѣдовательною цѣпью. Все это еще было такъ недавно, что казалось настоящимъ. Звуки милыхъ рѣчей жили вокругъ него, какъ живутъ для любителя музыки лучшія мѣста концерта, пока онъ возвращается изъ театра домой и пока ляжетъ и заснетъ. Воспоминанія вспыхивали непрерывно, брежжа точно лучи свѣта, и загарались образы, мерцали картины...

Стояла ранняя весна; уже въ началѣ марта рухнулъ снѣгъ, на улицахъ и въ оврагахъ зажурчали и запѣнились ручьи... День былъ ясный, солнечный, небо синее-синее, въ бѣлыхъ облакахъ. Вѣяло тепломъ, жизнетворнымъ и освѣжающимъ, щебетали птицы въ радостной тревогѣ. Иванъ Иванычъ, какъ школьникъ, скрылъ отъ жены, что идетъ за-городъ, надѣлъ длинные сапоги, взялъ пледъ и вышелъ. Сонечка медленно шла по площади, что передъ богоугоднымъ заведеніемъ, улыбнулась ему издали и остановилась, поджидая его. Въ рукахъ у нея былъ красный зонтикъ. Онъ ускорилъ шагъ.

— Куда же?

Въ отвѣтъ онъ подалъ ей руку. Теперь онъ не робѣлъ, какъ тогда, зимой. Они смотрѣли кругомъ съ восхищеніемъ, подъ талымъ снѣгомъ имъ чудились

почки цвѣтовъ, готовыя распуститься. Они шли, довѣрчиво и любовно прижимаясь другъ къ другу.

Кончилась площадь, промелькнула рѣшетчатая ограда, изъ-за которой смотрѣли на нихъ и ухмылялись желтолицые душевно-больные, въ колпакахъ и халатахъ. Они тоже гуляли. За богоугоднымъ заведеніемъ потянулись новенькіе домики по обѣимъ сторонамъ шоссе, оно блестѣло подъ лучами солнца, само прямое, какъ лучъ. Телеграфные столбы терялись въ свѣтлой дали. Направо чернѣетъ рѣка, недвижно лежащая въ своихъ бѣлыхъ еще берегахъ. Завтра она, можетъ быть, тронется. Лѣсъ кудрявится, какъ растрепанная тучка, и тоже ждетъ-не-дождется пробужденія. Мягкими, волнистыми линіями уходитъ поле въ необозримую даль. Чернѣютъ пятна около телеграфныхъ столбовъ и вокругъ деревьевъ, что выстраиваются въ двѣ линіи надъ шоссейными канавами, подъ рыхлымъ снѣгомъ уже реветъ и шумитъ вода. Прохладнѣе, чѣмъ въ городѣ, но все-таки тепло, и воскресли какія-то мушки и вьются и жужжатъ на праздникѣ жизни. И вотъ одна изъ нихъ сейчасъ сѣла Сонечкѣ на щеку.

— Вы, кажется, совсѣмъ не смотрите на меня, Иванъ Иванычъ?

— То и дѣло смотрю, но только по старой привычкѣ украдкой!

Въ ея лицѣ есть что-то необычайно привлекательное, и онъ давно хотѣлъ опредѣлить что̀ именно. Онъ всегда рѣшалъ въ томъ смыслѣ, что тайна Сонечкиной обаятельности прежде всего въ ея глазахъ. Онъ и теперь это высказалъ, но замѣтилъ, что въ выраженіи этихъ удивительныхъ глазъ, свѣтло голубыхъ съ синими искорками, добрыхъ и открытыхъ, и умныхъ, — такихъ, что никакъ не солжешь подъ ихъ взглядомъ, есть еще что-то особенное, похожее и на грусть, и на робость, точно Сонечка или постоянно хранитъ воспоминаніе о чемъ-нибудь печальномъ и

горькомъ, или ждетъ какой-нибудь бѣды, безсознательно ждетъ, угадываетъ ее своими тонкими нервами. Это открытіе встревожило его. Сонечка сама рѣшилась тогда разсказать ему „всю подноготную свою“, и ему показалось, когда онъ выслушалъ ее, что онъ нашелъ ключъ къ объясненію робкаго „цвѣта“ ея глазъ (такъ она сама выразилась).

V

Рано стала помнить себя Сонечка. Она бѣгала по дорожкамъ сада съ маленькими дворовыми дѣвочками въ посконныхъ рубашкахъ. Въ домѣ тогда было много солнечнаго свѣта, и вообще все раннее дѣтство ея представлялось ей непрерывнымъ весеннимъ днемъ. Огромныя собаки и куры ходили по зеленому двору, огромные гуси шипѣли, вытягивая свои шеи, кабанъ казался ей чудовищемъ.

Пріѣзжали огромные люди съ дымящимися чубуками, съ красными лицами и черными усами, обѣдали, пили, что-то писали мѣломъ на зеленомъ столѣ и смотрѣли въ карты, изъ которыхъ потомъ няня Агафья дѣлала Сонечкѣ санки и вырѣзывала лошадокъ. Эта нянька умѣла говорить сказки о Жаръ-Птицѣ, Иванѣ-Царевичѣ, Бабѣ-Ягѣ Костяной-Ногѣ, и Сонечка любила ее, а иногда бивала ногами, на что Агафья ласково только замѣчала, уклоняясь отъ ударовъ:

— Ахъ, баловница...

Кромѣ няньки, отъ которой періодически пахло водкой и которую тогда усылали, причемъ папаша кричалъ и ругался, были и другія слуги: Грунька Рябая-Форма, толстая дѣвка, съ добрымъ, испорченнымъ оспою лицомъ и огненными волосами, и Машка Аршинъ, высокая красивая брюнетка, съ чахоточнымъ румянцемъ на бѣлыхъ щекахъ. Всѣ онѣ боялись папаши, и изъ ихъ бесѣдъ Сонечка заключила, что на

свѣтѣ существуетъ конюшня, страшное мѣсто, гдѣ тиранятъ слугъ...

Въ присутствіи отца она затихала, что ему нравилось, и онъ говорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Посмотри, Зиночка, всѣ меня боятся. Но отчего на тебя никто не обращаетъ вниманія? Даже эта крошка—и та тебя въ грошъ не ставитъ... Слышишь?

— Ахъ, Поль,—отвѣчала мамаша:—ты мужчина...

Она поднимала на него глаза и кротко улыбалась.

— Поль, ты не думай, впрочемъ,—говорила она:—я ее сѣку... когда она заслуживаетъ это...

— Травинкой! Нѣтъ, розгой!—замѣтилъ папаша и, однажды, подойдя къ Сонечкѣ, сдѣлалъ бѣлые глаза.

— Зачѣмъ,—крикнулъ онъ:—часы трогала?

— Я не трогала...

— Лгать? Гдѣ ремень!

— Поль! произнесла мамаша.

Папаша затопалъ ногами.

— Не мѣшайся, матушка! Позволь хоть часъ заняться воспитаніемъ... Она вретъ. Кромѣ нея, никто не могъ. Такъ ты не трогала?

Крупныя слезы закапали изъ глазъ Сонечки.

— Нѣтъ...

Папаша ударилъ ее. Дѣвочка заплакала. Мамаша упала на колѣни и протянула къ мужу руки.

— Поль!

Онъ посмотрѣлъ на нее воспаленнымъ взглядомъ, махнулъ рукой и вышелъ, а мамаша бросилась цѣловать Сонечку, первый разъ узнавшую, что такое несправедливость. Мамаша утѣшила ее, подаривъ коробку изъ-подъ сургуча, а вечеромъ Машка-Аршинъ жгла на сальной свѣчкѣ сахаръ и капала на синюю бумагу, такъ что выходили превкусные черножелтые цвѣточки и птички; Агафья же сказала новую сказку.

Но отца дѣвочка стала болѣзненно бояться. Когда онъ изрѣдка цѣловалъ ее, — въ именины и большіе праздники, причемъ лицо его было гладко выбрито, и отъ него пахло виномъ,—глазки ея пугливо метались.

— Медвѣженокъ, кукла! Пзрь! — ласкался къ ней отецъ.

— Ахъ, Поль! блаженно улыбалась тогда мамаша.

Проходили мѣсяцы, годы. Выростала Сонечка. Поочередно смѣнялись дѣтскіе радости и восторги дѣтскими скорбями и страданіями.

Странно, что она не помнила, какъ выучилась грамотѣ. Должно быть, это далось ей легко. Осталось только воспоминаніе о томъ, какъ она, при помощи Машки, впервые написала на бумагѣ имя матери „Зинада“ вмѣсто „Зинаида“, и какъ та бросилась обнимать ее и кормить вареньемъ. Отецъ взялъ дѣвочку подъ свою опеку, и началось скучное и мучительное зубреніе таблички умноженія, изъ которой одно только и выучивалось: „пятью пять двадцать пять, пятью шесть тридцать“, молитвъ „Вѣрую“ и другихъ, устрашавшихъ своей непостижимостью, писаніе палочекъ,ноликовъ и, въ концѣ-концовъ, — слезы, слезы... Потому что папаша серьезно взялся за воспитаніе дочери, билъ ее линейкой по рукамъ, рвалъ за уши, запиралъ въ кабинетѣ и задавалъ трудные уроки, напирая на катехизисъ и грамматику Востокова, съ ея безконечными исключеніями — объ именахъ, кончающихся въ единственномъ числѣ на *енокъ* и имѣющихъ во множественномъ *ята*, и другихъ мудреныхъ вещахъ.

Папаша самъ прибиралъ по утрамъ въ кабинетѣ, раскладывалъ въ порядкѣ всѣ вещи, и губы его торопливо шевелились, шепча молитвы, а грудь по временамъ поднималась и падала отъ религіознаго напряженія. Онъ былъ одѣтъ въ грязножелтенькую фланель съ синими каемочками. Этотъ коренастый человѣкъ, молящійся и сметающій со всѣхъ предметовъ

пыль гусинымъ крыломъ, наводилъ ужасъ на домочадцевъ, и всѣ молчали въ домѣ, всѣ ходили на цыпочкахъ, не смѣя проронить слова, потому что никогда не бывалъ папаша такъ сердитъ, какъ въ эти утренніе часы общенія его съ небомъ.

Грозная сцена запечатлѣлась въ памяти Сонечки.

Папаша пріѣхалъ поздно ночью и сообщилъ мамашѣ, что „графъ“ прислалъ письмо съ приложеніемъ жалобы крестьянъ на него, что онъ, будто, добра господскаго не жалѣетъ, лѣсъ тайно продалъ, а мужиковъ и бабъ тиранитъ.

— Неужели, Поль?

— Что „неужели“?— возразилъ папаша, и сказалъ сквозь зубы:

— И красть нечего... Хорошъ графъ отъ ста душъ! А лѣсъ цѣлъ, хотя, конечно, подчищенъ...

— Поль, — спросила мамаша: — что еще графъ пишетъ? Не отказываетъ?

— Конечно, нѣтъ...

— Такъ чего-жъ тебѣ безпокоиться?

— Не твое дѣло, Зиночка, — строго замѣтилъ папаша.

Сонечка, спавшая въ отсутствіе папаши, въ мамашиной спальнѣ, спрятала голову подъ одѣяло, боясь, что ее увидятъ. Она стала повторять мысленно урокъ о томъ, что „Единъ Богъ во святой Троицѣ“, спуталась, заснула и проснулась рано въ сильномъ страхѣ. Первымъ движеніемъ ея было одѣться и взяться за книжку. Она думала, что въ домѣ еще спятъ и она успѣетъ доучить урокъ. Но уже всѣ встали, хотя сумракъ наполнялъ комнаты, сгущаясь по угламъ и въ складкахъ портьеръ, и странно соединяясь съ трепетнымъ свѣтомъ, разливаемымъ тамъ и сямъ огарками. Мамаша у окна въ своихъ креслахъ точно замерла. Глаза ея были широко раскрыты, тонкія блѣдныя руки какъ-то безучастно скользнули по головкѣ и плечамъ

подбѣжавшей къ ней дѣвочки, а губы почти беззвучно сказали:

— Тише, дѣточка...

Сонечка юркнула въ дѣтскую. Нянька сидѣла насупившись, блѣдная, и изъ-подъ коричневаго платка на морщинистую шею выбивались серебристыя косички. Грунька безсмысленно смотрѣла въ уголъ. Лицо ея точно вспухло, красное-красное, а подъ однимъ глазомъ налилось багровое пятно. Сонечка поняла, что это папаша сдѣлалъ. Въ домѣ творится что-то необычное. Изъ кабинета доносятся мѣрные звуки строгаго голоса. Жгучее любопытство всколыхнуло грудь Сонечки. Дрожа, пробралась она въ темный корридорчикъ, заваленный мотками нитокъ и крестьянскими полотнами, въ столовую, въ переднюю и прильнула къ замочной скважинѣ.

Папаша смахивалъ съ краснаго сукна, которое покрывало его письменный столъ, послѣднюю пыль. Одѣтъ онъ былъ, по обыкновенію, въ свою фланелевую куртку. Глаза его обращались къ кіоту, освѣщенному лампадой, и губы такъ быстро шептали „Отче нашъ“, что Сонечкѣ онѣ показались одаренными самостоятельной жизнью, тѣмъ болѣе, что онъ вдругъ сказалъ, повернувшись къ дверямъ:

— Почеркъ твой. Писано моими чернилами. Чернила красноватыя... Моя бумага тоже. Почтовая въ косой клѣткѣ, въ Кіевѣ куплена! Ни у кого не достанешь, ни у попа, ни у жида. Признавайся!

Сонечка глянула въ сторону и увидѣла Машку: она стояла недалеко отъ дверей на низенькой табуреткѣ, поднявъ кверху худыя руки, обнаженная по поясъ. Бѣлые бока ея были изборождены темными полосами, а наклоненное лицо, на которое падалъ свѣтъ отъ лампадки, смягченный сумракомъ угрюмаго зимняго утра, было блѣдно и, вмѣсто глазъ, виднѣлись черныя ямы.

„Отче нашъ, иже еси“... — раздался шепотъ папаши и свистнулъ въ воздухѣ ремень, Машка покачнулась, но не издала ни звука.

— Скажи-жъ ты мнѣ, голубочка,—началъ опять папаша, шагая по кабинету и посматривая на дѣвку: — чего ты надѣялась отъ письма? Развѣ неизвѣстно тебѣ и всѣмъ хамамъ и хамкамъ, вродѣ тебя, что графъ первый мой пріятель и наплюетъ на всѣ ваши жалобы?

Сонечка не дождалась, чѣмъ кончится... Головка ея горѣла, зубы стучали. Ей было стыдно и мучительно страшно, и она чуть не крикнула, захлебываясь отъ яростнаго, мстительнаго чувства, но не посмѣла, расплакалась и побѣжала назадъ. Что это за борьба такая, что за безумная трагедія разыгрывалась тогда въ кабинетѣ папаши? Откуда эта покорность въ Машкѣ, которая повинуется, когда ей приказываютъ стоять, поднявши руки, и что означало это молчаніе, горделивое и презрительное, потому что вѣдь она не молила, не кричала, — лишь вздыхала иногда медлительно и глубоко? Прибѣжавъ къ матери, Сонечка спрятала голову въ ея колѣни и, цѣлуя ея руки, стала упрашивать вступиться за Машку Аршинъ.

— Тише, дѣточка! — сказала мать, прижимая ее къ груди:—Машка заслужила...

— Мамочка!

Мамаша серьезно произнесла:

— Лучше не сердить папашу...

Машку куда-то отправили. Прощаясь, она цѣловала Сонечку и прошептала на ухо Агафьѣ, что у ней уже заготовлена бумага „до самого царя“, на что старуха испуганно замахала на нее рукой и взглядомъ указала на Сонечку...

Половина матери представлялась Сонечкѣ не такой мрачной... Мамаша, съ ея скромными чепчиками, между которыми былъ и парадный (съ золотыми колосьями), съ ея варенъями и соленьями, съ тихими пѣсенками, об-

рывки которыхъ долго звучали въ ушахъ Сонечки, и быть можетъ, будутъ звучать всю жизнь, съ примѣтами и вѣрою въ дурной глазъ и наговоръ, съ ея удивительнымъ незлобіемъ и покорностью судьбѣ, до сихъ поръ рисуется ей въ какомъ-то сіяніи. Она водила Сонечку по праздникамъ въ церковь. Отецъ Павелъ, въ сверкающей ризѣ, тряся остренькой бородкой, уронивъ въ изнеможеніи руки и вперивъ глаза въ самую верхушку иконостаса, блестѣвшую въ синемъ столбѣ солнечнаго свѣта, читалъ молитвы умирающимъ голосомъ, а мамаша набожно крестилась. Пальцы ея долго останавливались на лбу, а затѣмъ уже, быстрѣе, переходили на перси и плечи, и губы улыбались въ экстазѣ. Когда діаконъ кадилъ въ ихъ сторону и кланялся, онѣ тоже кланялись. По возвращеніи изъ церкви, Сонечка съѣдала мамашину просфору и читала вслухъ евангеліе или житіе какого-нибудь святаго или святой.

Этихъ житій, грубо напечатанныхъ, на сѣрой бумагѣ и съ суздальскими гравюрами, чрезвычайно занимавшими Сонечку, было у мамаши многое множество. Она покупала ихъ у книгоношей. Сонечка знакомилась съ разными малоизвѣстными сторонами жизни святыхъ. Она узнала, что св. Антонію являлся врагъ человѣческій (онъ же князь тьмы) въ образѣ нагой прелестницы, а Марія Египетская ходила по воздуху, когда, наконецъ, отмолила свои грѣхи. Левъ встрѣтилъ въ пустынѣ святую Ѳедосью и привѣтствовалъ ее поклономъ. Были мученики и мученицы, которыхъ жгли, кололи, стругали, рѣзали, а они все прославляли Христа и, наконецъ, умирали, созерцая разверстыя небеса. Сонечка такъ настраивалась, что когда чувствовала за собой какой-нибудь грѣхъ, то, ложась въ постель, трепетала, потому что боялась найти подъ одѣяломъ врага человѣческаго, съ хвостомъ, рогами и огромнымъ улыбающимся ртомъ, какъ это случилось однажды, кажется, съ преп. Иларіономъ.

На половинѣ мамаши собирались бѣдныя дворянки-сосѣдки, и Сонечка любила ихъ общество, играла съ ними въ короли, слушала ихъ сказки, которыя были занятнѣе и вычурнѣе Агафьиныхъ, и влюблялась то въ ту, то въ другую, такъ-что, бывало, слѣдомъ ходитъ за любимицей и во всемъ ей подражаетъ.

Лѣтомъ, въ особенности безъ папаши, Сонечка часто навѣдывалась въ садъ и бѣгала по дорожкамъ и оврагамъ. Ей нравился зеленый сумракъ старыхъ деревьевъ, ихъ гулкій шумъ, безпорядочный крикъ птицъ. Она широко раскрывала глазенки, прислушиваясь къ говору природы, дышавшей на нее медовымъ запахомъ липы, сочной зеленой травы, сыростью перегнивающихъ на землѣ листьевъ, подъ которыми, если отвернуть ихъ, бѣгаютъ крохотныя козявочки, извиваются червячки, страшные и не страшные, или ползутъ паучки, красные какъ кровь. На прудѣ, затянувшемся у крутого берега ряской, плавали, среди широкихъ плоскихъ листьевъ, цвѣты, точно бѣлыя звѣзды..

Когда вечеръ спускался на землю, и въ его розовомъ сумракѣ тонули дали, Сонечка забиралась на мезонинъ и садилась у открытаго окна. Передъ ней лежалъ садъ, мрачный, огромный, и тихо дышалъ, засыпая. Онъ уходилъ подъ гору, теряясь въ оврагѣ, откуда подымался туманъ. Направо темнѣла деревня, съ облакомъ пыли надъ нею, полная вечернихъ звуковъ—мычанія коровъ, блеянія овецъ, бреха собакъ и звонкаго крика бабъ. Налѣво бѣлѣла церковь, окруженная вѣнкомъ деревьевъ, облитая огнемъ догорающаго солнца. Прямо, за оврагомъ, разстилалось поле, необозримое, мягко сливающееся гдѣ-то далеко-далеко съ палевыми небесами. Кротостью и миромъ вѣяло отъ этихъ картинъ.

Но вотъ зажигались звѣзды въ потемнѣвшемъ небѣ. То были свѣчки, которыя держали въ рукахъ хороводы ангеловъ. Какъ ласково мигали они, какъ нѣжно дула

ночь въ лицо Сонечки! Точно надъ нею парили крылья незримыхъ существъ! А въ саду было тихо. Недвижно стояли деревья и спали. Спала деревня. Спала церковь, бѣлая, какъ привидѣнье.

Дѣйствительность и сказка сливались для Сонечки въ одинъ міръ, волшебный и странный. Она часто воображала себя маленькой царевной съ золотой короной на головѣ. Живетъ себѣ царевна да поживаетъ, ѣстъ миндаль и конфекты, и всѣ вокругъ нея веселятся, и ей самой весело. Но злой волшебникъ хватаетъ царевну и уноситъ въ мрачный замокъ. Онъ мучитъ ее, задаетъ уроки изъ грамматики Востокова и требуетъ, чтобъ она сказала милліонъ именъ, кончающихся на *енокъ*. Царевна ломаетъ руки, въ отчаяніи ходитъ по заламъ замка, и шлейфъ ея платья шумитъ. Она не знаетъ столько именъ, она плачетъ. А волшебнику только этого и надо, потому что каждая слезинка ея, падая на землю, превращается въ жемчужину. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она въ заточеніи. Когда настанетъ конецъ ея тоскѣ, ея мукамъ? Что дѣлается въ ея царствѣ? Кто утѣшаетъ мамашу? Не умерла-ли няня Агафья? Ахъ, какъ золъ волшебникъ, особливо по утрамъ, когда молится и размахиваетъ ремнемъ! Царевна оставалась въ плѣну, окруженная летучими мышами, шипящими змѣями, кривляющимися карликами, и единственнымъ утѣшеніемъ ея была надежда, что когда-нибудь кто-нибудь разобьетъ страшный замокъ и спасетъ Сонечку, и она побѣжитъ, свободная, съ веселымъ крикомъ, по необъятному полю, что ночью кажется сѣдымъ и что днемъ волнуется, какъ золотой туманъ.

Не помнила Сонечка и того, когда начала она рисовать. Но, кажется, Машка Аршинъ и тутъ была ея первой наставницей; она обводила углемъ на стѣнѣ очертанія тѣни отъ Груньки Рябой-Формы, и получались фигуры, которыя забавляли и восхищали Сонечку

наравнѣ съ Агафьиными лошадками и санками. Когда подросла, она завела альбомчикъ, крошечную книжечку, сшитую золотымъ шнуркомъ, и всю разрисовала чернилами. Обиліе темъ было поразительное. Лица изображались въ профиль, съ палочкообразными носами и руками, похожими на куриныя лапки. Машка, дававшая барынѣ умываться, Агафья, пьяный Ванька Беззубый, лошади, домъ, окруженный деревьями, пожаръ. Потомъ натурализмъ смѣнился идеализмомъ, и была сдѣлана новая книжечка, въ которую заносились святые ангелы и черти съ длинными кренделеподобными хвостами. Упадокъ выразился въ сильномъ подражательномъ направленіи—тонъ задавали суздальскія картинки. Дошло даже до сниманія ихъ при помощи папиросной бумаги. Но искусство вновь расцвѣло, и появился рядъ оригинальныхъ и болѣе совершенныхъ композицій.

Въ мезонинѣ, съ незапамятныхъ временъ, валялась, среди всевозможнаго хлама, масляная картина. Она была прорвана, небольшая, квадратная, мягкаго, золотистаго тона. Сонечка смахнула съ нея пыль. Картина изображала Елисавету съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ, кудрявымъ и цвѣтущимъ, съ личикомъ, обращеннымъ съ недоумѣніемъ къ своей нянѣ, между тѣмъ, какъ рука его протягивалась прямо къ зрителю, ладонью впередъ и, казалось, выходила изъ полотна... Елисавета, въ темной шелковой одеждѣ, собравшейся въ красивыя складки на рукавахъ и колѣняхъ, заботливо и опасливо смотрѣла на него. Но удивительнѣе было изображеніе Богоматери, въ темнозеленомъ платьѣ и въ головномъ уборѣ, ниспадавшемъ прозрачной дымкой до рукавовъ. Глаза ея были опущены, и ихъ мягкій свѣтъ чувствовался за шелкомъ рѣсницъ, разливая радость на ея прекрасномъ лицѣ, молодомъ и проникнутомъ кроткой величавостью. Внизу, лѣвѣе, у ногъ Маріи, полулежалъ, опираясь на локоть, Іоаннъ Креститель, и въ его взглядѣ обращенномъ къ матери,

проступала ревнивая тревога. Сонечка часто бѣгала на мезонинъ, посмотрѣть на картину, пока графъ не потребовалъ ее въ Петербургъ, напрягала всѣ усилія, чтобы воспроизвести что-либо подобное, прежніе альбомы ея стали казаться ей гадкими...

Ей исполнилось десять лѣтъ. Папаша рѣшилъ отдать ее въ пансіонъ, и разлучилъ съ мамашей и всѣмъ, что ей было такъ близко и дорого.

Уѣзжая, она горько плакала. Было холодное утро, хмурилось небо.

VI

Сонечка разсказала Ивану Иванычу о своемъ дѣтствѣ, о своемъ пансіонскомъ и гимназическомъ житьѣ-бытьѣ, а Иванъ Иванычъ разсказалъ о себѣ. Узнавъ другъ друга ближе, они еще болѣе сошлись, и часто говорили, что умерли бы съ тоски, если-бъ разстались. Явилась жажда знать всѣ тайны другъ друга, и Иванъ Иванычъ принесъ ей свои альбомы съ карточками друзей и знакомыхъ, сувениры, полученные отъ родныхъ, причемъ, однако, медальонъ съ портретомъ жены не показалъ, а бросилъ въ каминъ (вскорѣ послѣ ссоры съ Полиной Марковной), тетради съ стихами, нѣсколько нумеровъ газетъ, гдѣ были помѣщены его статейки. Сонечка порылась въ своей шкатулкѣ и показала ея достопримѣчательности — русый локонъ покойной мамаши, карандашную копію съ св. семейства, „что на мезонинѣ“, сдѣланную давно и достаточно уродливую, болѣе двадцати карточекъ подругъ, начатую поэму, которая сообща доведена была ими до конца подъ названіемъ „Деревня“, и пачку писемъ, въ числѣ которыхъ были и отъ Лозовскаго, по прочтеніи ихъ Иваномъ Иванычемъ, сожженныя Со-

нечкою (Иванъ Иванычъ съ улыбкой смотрѣлъ на это ауто-да-фе). Иванъ Иванычъ теперь находилъ, что Лозовскій не такой уже сухой человѣкъ, а Сонечка утверждала, что „онъ буржуа въ кожѣ семинариста, который совершенно доволенъ своимъ учительскимъ мѣстомъ и навѣрное скоро опустится до окружающаго его уровня, да такъ этого и не замѣтитъ, а все будетъ хохотать и ломаться". Въ письмахъ онъ упрашивалъ Сонечку „оставить заоблачность", „наплевать на поэзію" и, сдѣлавшись поскорѣе его женой, заняться въ гимназіи обученіемъ подростающаго поколѣнія, „чтобъ толкъ вышелъ, а не однѣ фантазіи".

— Каковъ тонъ,— съ сердцемъ говорила Сонечка.— Фантазіи — хорошо, да отчего же не попробовать? Не знаю, чѣмъ кончу, а только не сгибну безслѣдно...

Чувствуя на себѣ восхищенный взглядъ Ивана Иваныча, она краснѣла и улыбалась ему, полузакрывъ лицо рукою, ладонью наружу.

— Нѣтъ, а согласись, Ваня,—продолжала она, оправляясь: — онъ все третировалъ меня свысока и хотѣлъ, чтобы я слѣпо принимала его мнѣнія и убѣжденія, а когда я спорила, онъ сердился — потому что онъ въ душѣ деспотъ, это ужъ пари держу!—и поднималъ на смѣхъ, что мнѣ дорого... А вотъ ты такъ мой! — прибавляла она ласково, и Иванъ Иванычъ „уступалъ" и „соглашался".

— А какъ ты познакомилась, однако, съ Лозовскимъ?— спросилъ онъ Сонечку послѣ ея исповѣди.

— Ты забылъ, Ваня, что онъ былъ учителемъ моимъ?... Вотъ такъ мы и познакомились, — сказала Сонечка, прекращая на этомъ мѣстѣ свои признанія и часто цѣлуя его въ лобъ.

VII

Иванъ Иванычъ и не замѣтилъ, какъ стрѣлка часовъ съ десяти передвинулась до одиннадцати, а солнечный лучъ скосился и сталъ освѣщать край стола и часть подоконника. Изъ мечтательнаго забытья вывела его горничная, просунувшая въ дверь два письма. Иванъ Иванычъ вскочилъ и съ тревожнымъ недоумѣніемъ схватилъ ихъ и принялся вертѣть въ рукахъ и разсматривать штемпеля. Письма были изъ Петербурга, и адресы писаны незнакомой рукой. „Отъ кого-бы"?—спрашивалъ себя Иванъ Иванычъ. „Ахъ, да, изъ редакціи, а это отъ Ширкова". Онъ вскрылъ конверты и не ошибся. Письмо Ширкова, извѣщавшаго, что хотя онъ и обѣщалъ, однако, къ величайшему сожалѣнію, никакъ не можетъ устроить по своему, и вчера еще ваканція была замѣщена протеже главнаго начальника, — не произвело на Ивана Иваныча впечатлѣнія. „Чортъ съ нимъ, сказалъ онъ вслухъ, пожалуй, этакъ и лучше", причемъ не могъ не вспомнить съ благодарностью, что главною причиною такого равнодушія его къ служебному поприщу въ Петербургѣ была Полина Марковна. Но второе письмо, редакціонное, до того взволновало его съ первыхъ же строкъ, что онъ два раза принимался его читать. Редакторъ началъ съ похвалъ поэмѣ и въ особенности хвалилъ мѣста, принадлежавшія Сонечкѣ, но въ общемъ „вещь" не одобрялъ, находилъ ее непродуманною, „сцементированною" изъ ряда стихотвореній, имѣющихъ между собою мало общаго и, въ концѣ концовъ, совѣтовалъ разбить ее на отдѣльныя небольшія „піески" и не спѣшить печататься, а дать стихамъ вылежаться да быть цензурнѣе. Тонъ письма былъ официальный, но и ласковый, какимъ говорятъ съ людьми, „подающими надежды". Спрятавъ письмо въ портфельчикъ, Иванъ

Иванычъ сталъ одѣваться, чтобъ сейчасъ же бѣжать къ Сонечкѣ и сообщить ей вѣсть о стихахъ и предложить переработать поэму по рецепту редактора.

Одѣвшись, онъ, однако, подумалъ, что редакторъ можетъ еще и ошибаться; хвалитъ же онъ, между прочимъ, Сонечкину строфу объ ивѣ, совсѣмъ, правду сказать, плохенькую, и вышелъ въ сравнительно хорошемъ расположеніи духа.

Было жарко. Во многихъ домахъ были закрыты ставни. Вяло шли люди. Вяло проѣхалъ парный извозчикъ. Тополи были сѣры отъ пыли, и небо, блѣдно-голубое, утомительно блестѣло.

Сонечка была дома. Она раскраснѣлась—только что пришла. Увидѣвъ Ивана Иваныча, дѣвушка побѣжала къ нему, схвативъ его за обѣ руки и прижимаясь подбородкомъ къ его груди, а глаза ея искрились, и въ нихъ стояли слезы.

— Что съ тобой? — въ волненіи спросилъ Иванъ Иванычъ, цѣлуя Сонечку и снова, уже съ большимъ волненіемъ, вглядываясь въ ея глаза; обнявъ за талію, онъ повелъ ее къ дивану.

Она все прижималась къ нему. Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, и она сначала слегка сопротивлялась, это онъ въ первый разъ позволялъ себѣ. Она обняла руками его шею и, тряхнувъ головой, такъ что бархатка перестала держать ея золотые волоса, и они разсыпались, душистые и тяжелые, и ударили его чуть-чуть по лицу, сказала шопотомъ, глядя ему въ глаза своимъ прекраснымъ, не то робкимъ, не то испытующимъ взглядомъ:

— Любишь?

— Сонечка, что за вопросъ?—сказалъ онъ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, что съ тобой, дорогая? — спросилъ онъ съ новымъ приливомъ безпокойства, почувствовавъ, что сердце ея бьется неровно.

— Оставь меня, Ваня, не разспрашивай, — сказала она, силясь подавить слезы смѣхомъ и вскакивая съ его колѣнъ. — Все это пустяки, милый, — продолжала она, наклоняясь, чтобы спрятать отъ него плачущее лицо.

И выбѣжала.

Иванъ Иванычъ вздохнулъ.

„Что это?“ подумалъ онъ, теряясь въ догадкахъ.

„Ѣхать! ѣхать! какъ можно скорѣе!“

Дорожный сакъ уже былъ купленъ, и въ комнатѣ пахло сыромятной кожей.

„Надо помочь ей уложиться!“

Сонечка вошла, извиняясь за свои слезы. Сама обняла его по-прежнему, и только тяжело дышала.

— Такъ повтори — любишь?

— Да, Сонечка.

— И никогда не бросишь?

— Сонечка!

Сонечка пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— А то знаешь, милый, меня сегодня обидѣли, — начала она.

— Кто-жъ тебя обидѣлъ?—спросилъ онъ гнѣвно.

Она прикрыла его губы рукой.

— Ну, ну, не сердитесь, милостивый государь, пожалуйста!—сказала она.—Мнѣ,—продолжала она:—генеральша сказала, что я могу бросить тѣнь на ея безподобныхъ дочерей... Какъ вамъ нравиться это... а?

Иванъ Иванычъ поблѣднѣлъ, взялъ руку Сонечки, крѣпко прижалъ къ губамъ и сказалъ:

— Прости, я виноватъ: бываю часто. Но завтра, наконецъ, уѣзжаемъ...

— Завтра?—вскрикнула Сонечка.—Неужели завтра? Боже мой, завтра!

— Полина Марковна хорошая женщина,—произнесъ Иванъ Иванычъ, задумчиво глянувъ въ пространство.— Она дала денегъ.

— Она хорошая,—сказала Сонечка.—Ну такъ завтра? Повтори!

— Завтра.

— Полина Марковна! Надо ее расцѣловать... А за генеральшу не сердись—я ужъ забыла. Ахъ, такъ завтра! Навѣрное, завтра?

— Завтра, голубочка,—отвѣчалъ Иванъ Иванычъ,— завтра! И если хочешь—сегодня!

Сонечка поцѣловала его, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Милый, забудь,—кричала она:—мои слезы, ради Бога, забудь!

— Но еще не все, Сонечка,—сказалъ Иванъ Иванычъ:—стихи твои хвалятъ.

Она вырвала письмо и стала читать, сидя на колѣняхъ Ивана Иваныча; онъ перебиралъ ея волосы и ждалъ съ любопытствомъ, что она скажетъ. Дочитавъ письмо, она улыбнулась Ивану Иванычу лукавой и хорошей улыбкой и произнесла:

— О, милый, да, мы будемъ писателями! Не правда-ли?

— Конечно, конечно,— сказалъ Иванъ Иванычъ съ усмѣшкой.

Сонечка внимательно посмотрѣла ему въ лицо, онъ смутился и скосилъ глаза.

— Неужели, милый, ты недоволенъ?—спросила она.

— Другъ мой, тебя хвалятъ,—сказалъ онъ, краснѣя:— но меня... о моихъ строкахъ редакторъ отзывается, какъ о холодныхъ и реторичныхъ... Ты вообще удивительно талантливая головка!

Сонечка покраснѣла, въ свою очередь, и подумала: „А вѣдь несправедливо—у него прелестные стихи“.

— Милый, нечего огорчаться. Поэма *наша*... И, наконецъ, ты, пожалуй, будешь силенъ въ романѣ. А романъ, право, выше стиховъ!

— Но стихи—языкъ боговъ, возразилъ Иванъ Иванычъ.

— Милый, а поцѣлуй — какой это языкъ? — произнесла она, приближая свои глаза къ его глазамъ.

Онъ сжалъ ее въ сильномъ объятіи. Тогда глаза ея опустились въ тревогѣ.

VIII

Иванъ Иванычъ ушелъ отъ Сонечки, удивляясь высотѣ своего счастья.

Въ канцеляріи, куда онъ зашелъ выправить отставку, онъ сталъ разговаривать съ начальникомъ на равной ногѣ, даже свысока, и испугалъ этимъ секретаря и всю чиновную братью; да и самъ начальникъ отъ него слегка попятился и поспѣшилъ подписать свидѣтельство безотлагательно. Онъ этого ничего не замѣтилъ, далъ сторожу три рубля на прощанье и запѣлъ: „трамъ-трамъ-ти-ра-рамъ“ чуть не въ предѣлахъ самой канцеляріи. Оттуда зашелъ за подорожной, и долженъ былъ придти домой, но какъ только узелъ его съ Сонечкой завязался до того прочно, что развязать его уже казалось невозможнымъ дѣломъ, онъ почувствовалъ отвращеніе къ дому. Сидѣть такъ болѣе или менѣе спокойно въ кабинетѣ и мечтать, какъ сегодня утромъ, онъ не могъ бы больше. „Даже, рѣшилъ онъ, обѣдать дома я не въ состояніи“, и пошелъ въ клубъ, гдѣ пообѣдалъ въ обществѣ какого-то консисторскаго чиновника, двухъ офицеровъ и актера Вѣнцеславова, гладко-выбритаго, задумчиво-величаваго и съ великолѣпными черными волосами. Послѣ обѣда онъ сталъ пить кофе и подшучивать надъ лакеемъ; вообще былъ веселъ. Расположеніе его духа не измѣнилось даже отъ появленія въ обѣденной залѣ Лозовскаго, устремившаго на него насмѣшливые глаза. Вспомнилъ онъ, прихлебывая кофе съ коньякомъ, какъ огорчило его утромъ письмо редактора и какъ онъ позавидовалъ

Сонечкѣ, и ему сдѣлалось стыдно и смѣшно теперь. Сонечка порекомендовала ему беллетристику. „Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ займусь прозой и изображу въ этакой большой повѣсти всѣхъ этихъ скотовъ". Онъ посмотрѣлъ на окружающее окомъ собственника, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ передъ собою уже созданные имъ самимъ типы и образы во всей ихъ жизненной правдѣ.

„Куда же теперь?" спросилъ онъ себя, очутившись на улицѣ. „Конечно, къ Сонечкѣ."

Она встрѣтила его поцѣлуемъ.

— Свободенъ совсѣмъ?

Иванъ Иванычъ молча показалъ отставку.

— И ѣхать можно?

— Онъ показалъ подорожную,

— Сегодня, а!?

— Поѣдемъ—произнесъ онъ съ лѣнивой улыбкой, какъ бы говоря: „чего ужъ такъ спѣшить, успѣемъ и завтра!" Сонечка такъ это и поняла и замолчала.

— Смотри, у меня на дорогу сто рублей! сказала она.

— А!?! — весело протянулъ Иванъ Иванычъ

Сонечка приказала поставить самоваръ.

— Не почитать ли намъ, Сонечка, пока? — предложилъ Иванъ Иванычъ, зѣвнувъ, и посмотрѣлъ на толстую книгу, лежавшую на столѣ.

Но дѣвушка затрясла головой.

— Нѣтъ, ужъ ради Бога не будемъ читать! —крикнула она съ веселымъ испугомъ. — Умными книжками мнѣ еще Илья Петровичъ жизнь отравилъ!

Онъ засмѣялся.

— Ну, давай говорить глупости...

— Давай.

— Будемъ мечтать!

Онъ описалъ дорогу въ Петербургъ, въ которомъ былъ однажды вмѣстѣ съ Полиной Марковной. Сначала перекладными, а потомъ и чугункой. Описалъ

пріѣздъ въ столицу, первыя впечатлѣнія отъ Невскаго, отъ дворцовъ, отъ набережныхъ, отъ Исаакія, отъ Эрмитажа, въ которомъ есть такая удивительная старушка, что никакъ не вѣрится, что это нарисовано, и какъ близко ни подходи, всѣ поры видишь, всѣ морщиночки, а краски—ни слѣда. Онъ старушку только и запомнилъ. Описалъ маленькую квартирку на Петербургской сторонѣ, съ цвѣтами, простенькой мебелью, и одну комнату взялъ себѣ, другую сдѣлалъ общею, а изъ третьей устроилъ нѣсколько фантастическую мастерскую для Сонечки—съ Рембрандтовскимъ свѣтомъ. Сонечка слушала все это съ тихой радостью и находила, что большое счастье быть женой Ивана Иваныча.

Подали чай. Сонечка сѣла къ столу, для удобства откинувъ рукава, и Иванъ Иванычъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на ея руки, тонкія и круглыя, съ розовымъ оттѣнкомъ бѣлой кожи, съ голубыми жилками.

Свѣтъ заката падалъ прямо на лицо Сонечки. Золотыя кудерки на вискахъ ползли назадъ, вмѣстѣ съ волнистыми прядями, почти русаго цвѣта, и открывали ея бѣлый лобъ, теперь невозмутимо гладкій, и алыя уши. Чуть замѣтный пушекъ тушевалъ нѣжный очеркъ ея лица, и на одной щекѣ, гдѣ было родимое пятнышко, неровно разливался румянецъ, а другая была блѣднѣе. Яркія губы улыбались, и глаза сіяли мягкимъ блескомъ.

Иванъ Иванычъ не спускалъ взгляда съ Сонечки.

— Сонечка, знаешь что?

— Что, милый?

— Пойду я домой, и притащу къ тебѣ чемоданъ... Что ужъ тутъ, Сонечка... отчего не сократить срока?— спросилъ онъ робко, и еще боязливѣе прибавилъ: — ужъ отъ тебя уѣдемъ чуть свѣтъ...

Сонечка закрыла глаза рукой и, подавъ ему не глядя другую руку, сказала чуть слышно:

— Хорошо.

Черезъ минуту она начала:

— А мы эгоисты, Ваня!

— Тутъ эгоизмъ извинителенъ, — отвѣчалъ Иванъ Иванычъ.

— Вѣдь надо же проститься съ Полиной Марковной...

— Напиши ей письмо.

Они оба замолчали.

Въ окно, прикрытое колыхавшейся занавѣской, изъ цвѣтника тянуло жасминомъ и резедой, и долеталъ изрѣдка уличный шумъ пробудившагося отъ послѣобѣденной спячки города. То былъ, казалось, совсѣмъ другой міръ, враждебный юнымъ влюбленнымъ и преслѣдующій ихъ злословіемъ, міръ, съ которымъ они порвали сегодня окончательно и закрѣпили этотъ разрывъ взаимнымъ союзомъ. Сонечка, вспоминая, какъ грубо оскорбила ее генеральша, и съ любовью глядя на своего „мужа“, говорила себѣ:

„Но онъ—мой, и я—его, и намъ нечего стыдиться. Рубиконъ перейденъ, мы скоро будемъ въ Римѣ“...

Однако же, по мѣрѣ того какъ продолжалось ихъ безмолвное созерцаніе огромнаго счастья, выпавшаго на ихъ долю и казавшагося имъ какой-то перспективой наслажденій, которая будетъ развертываться передъ ними вѣчно, — чувство, похожее на недоумѣніе или даже на страхъ, стало шевелиться въ ея груди точно это было угрызеніе совѣсти, еще не сознаваемое и едва зародившееся. Взглядъ ея сталъ безпокоенъ и въ немъ опять промелькнулъ грустно-боязливый оттѣнокъ.

— Сонечка, я вижу, ты хочешь цѣловаться! началъ Иванъ Иванычъ.

Но внезапная восковая блѣдность разлилась на ея лицѣ, глаза ея широко раскрылись, и она привстала, отстраняя его рукою и прислушиваясь къ разговору

въ передней, гдѣ кто-то тихо, надтреснутымъ баскомъ, спрашивалъ:

— Она дома, и у ней гость?

— Отецъ!!—сказала она вздрогнувъ.—Отецъ!

Она сдѣлала Ивану Иванычу знакъ, какъ бы приглашая его исчезнуть.

IX

„Отецъ!?“—подумалъ Иванъ Иванычъ.

„Какъ отецъ? Какой отецъ? Ахъ, да! Ну куда же дѣваться?.. Въ окно? Зачѣмъ же въ окно, когда можно въ другую комнату, въ темную, гдѣ стоитъ рукомойникъ? Но лучше буду сидѣть такъ, будто я хорошій знакомый, пришелъ по порученію жены... А главное, и двинуться съ мѣста нельзя, вонъ дверь отворяется“, заключилъ онъ въ тоскѣ.

Вошелъ Свенцицкій, внося съ собой запахъ дорожной пыли и сѣна, потирая руки, улыбаясь и поглядывая исподлобья на дочь и Ивана Иваныча, которые при видѣ его еще болѣе поблѣднѣли.

— Дочурка моя, радость моя! — началъ Свенцицкій и крѣпко поцѣловалъ Сонечку въ лобъ.

Это уже былъ сѣденькій старикъ, и ноги его плохо сгибались у колѣнъ, но загорѣлая красная шея свидѣтельствовала объ его здоровьѣ.

Вопросительно остановилъ онъ взглядъ на Иванѣ Иванычѣ, и Сонечка, водя въ тревогѣ пальцами одной руки по ладони другой и стараясь смотрѣть отцу прямо въ глаза, сказала:

— Мой другъ...

— Твой другъ? — переспросилъ отецъ, погладивъ свою голову и наклонивъ ее наискосокъ къ Ивану Иванычу: — пріятно познакомиться съ другомъ моей

дочери. Честь имѣю видѣть Илью Петровича Лозовскаго?

Ноги подкосились у дѣвушки. „Онъ все знаетъ“, подумала она, „онъ тридцать разъ видѣлъ карточку Ильи Петровича“.

Она опустилась на стулъ и стала торопливо подчивать отца, проливая чай на скатерть. Старикъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Не трудись, дочурка; до чаевъ я не охотникъ... Отчего же вы, любезнѣйшій, не пожаловали до сихъ поръ къ намъ въ гости, а ужъ какъ мы ждали! Но Магометъ не идетъ къ горѣ...

Онъ взялъ Ивана Иваныча за руку и крѣпко сжалъ, точно тисками, пронизывая его сѣрымъ злымъ взглядомъ.

— Другъ моей дочери! повторилъ онъ съ наслажденіемъ и сѣлъ возлѣ Ивана Иваныча.

— Дѣйствительно другъ вашей дочери, — началъ Чуфринъ пресѣкающимся голосомъ и смолкъ, и въ головѣ его поднялся сумбуръ, какъ у пьянаго.

— Слышалъ,—сказалъ Свинцицкій, и ноздри его плоскаго носа дрогнули; Сонечка знала, что это не къ добру.

А Иванъ Иванычъ, скрывая улыбкой двусмысленность своего положенія, думалъ, что самое лучшее было бы, если бы Сонечка не называла его своимъ другомъ; тогда и хитрость какая-нибудь удалась бы; теперь же, главное, надо уйти поскорѣе, подъ благовиднымъ предлогомъ, взять на почтѣ лошадей, вызвать ночью Сонечку потихоньку (при помощи горничной, которой заплатить десять рублей) и увезти.

— Но я не столько другъ Софьи Павловны, сколько моя жена.

— Жена?—протянулъ старикъ.—Илья Петровичъ!

Иванъ Иванычъ засмѣялся, стуча зубами.

— Я не Илья Петровичъ. Я Чуфринъ!

— Чуфринъ! Ха-ха-ха!—засмѣялся въ свою очередь,

Свенцицкій. Чу-фринъ! Чуф-ринъ!! Ахъ ты дочурка, дочурка!

Онъ больно взялъ ее за подбородокъ, а она боязливо скривила въ улыбку безкровныя губы.

Она думала:

„Скажемъ ему прямо, что любимъ другъ друга и хотимъ жить вмѣстѣ, Ваничка? Начни... Не хитри съ нимъ, Ваничка, онъ хитрѣе тебя... Ваничка!

Борьба нужна, а бороться я не въ силахъ одна! Я гадкая, не люблю его. И боюсь... Умру, если ты не поддержишь меня".

Отецъ казался ей всемогущимъ. Это не былъ одинъ человѣкъ для нея. Надъ нею чернымъ кошмаромъ тяготѣла теперь власть милліоновъ такихъ отцовъ, горой стоящихъ другъ за друга, ревниво оберегающихъ свои роли владыкъ и образующихъ нѣчто незыблемое, роковое, жестокое; и въ виду этой безчисленной арміи, правильно построенной, съ хорошо организованной командой, съ опытными военачальниками и традиціоннымъ главнымъ вождемъ, она считала себя ничтожной и слабой... Бороться съ такой силой!

„Ваничка!"

Иванъ Иванычъ, укрѣпившись въ увѣренности, что придуманный имъ только что планъ бѣгства самый лучшій, пуще всего боялся этой открытой борьбы, и чтобы старикъ не догадался какъ-нибудь, въ чемъ дѣло, готовъ былъ наврать съ три короба.

— Сегодня я видѣлъ Илью Петровича...

Но старикъ едва только услышалъ о Лозовскомъ, сдѣлалъ утомленное лицо—„надоѣла мнѣ вся эта комедія"—и оборвалъ его:

— Лозовскій — женихъ, которому я далъ письменное согласіе. Онъ имѣетъ права на невѣсту. Но вы—милостивый государь?.. Гораздо приличнѣе было бы, если бы здѣсь бывала ваша супруга.

Иванъ Иванычъ всталъ и сказалъ:

— Сейчасъ она будетъ...

Свенцицкій скрипнулъ зубами, кивнувъ ему головой на искосокъ—къ дверямъ.

Сонечка встрепенулась.

„Такъ нельзя,—подумала она.—На чистоту лучше!“

Блѣдная и измученная, она крикнула:

— Ваня, стой!

Иванъ Иванычъ такъ и ахнулъ.

„Все испортила... Что же дѣлать теперь?“ — Онъ остановился передъ нею, играя шляпой и съ дикимъ недоумѣніемъ поглядывая на Свенцицкаго, который сталъ улыбаться ему совершенно по пріятельски. Мысли его опять спутались, точно въ хмелю, и былъ моментъ, когда онъ ничего не ощущалъ, кромѣ какого-то нытья въ груди да шума въ ушахъ. Онъ машинально подалъ руку дѣвушкѣ и очнулся наконецъ, когда услышалъ свой собственный вопросъ, сказанный имъ какъ бы сквозь сонъ:

— Софья Павловна, что съ вами?

— Неужели *вы* такъ уйдете?—спросила она.

— Софья Павловна... скоро... — прибавилъ онъ; но мучительное подозрѣніе мелькнуло въ умѣ дѣвушки.

Она поднесла руки къ блѣднымъ вискамъ и зашаталась.

Ивану Иванычу нестерпимо больно было видѣть свою дорогую Сонечку, изнемогающею отъ страха за грядущее, и въ то же время онъ злился на нее, она разрушаетъ его планы, не хочетъ понять, что большой откровенностью можно сгубить счастье. Хорошо еще, что старикъ съ тугой сообразительностью, другой на его мѣстѣ уже все уразумѣлъ бы. Рѣшивъ поступить послѣдовательно и обнаружить силу характера, Иванъ Иванычъ, скрѣпя сердце, быстро отступилъ отъ дѣвушки и подалъ руку Свенцицкому. Сонечка еще разъ окликнула его, и она знала, что ежели

онъ не вернется и оставитъ ее одну съ отцомъ, она не увидится съ нимъ больше. Но онъ, опасаясь новыхъ безтактностей съ ея стороны, ушелъ, раскланявшись съ нею. „Потомъ извинюсь“. Но *потомъ* все его поведеніе показалось ему безуміемъ.

На дворѣ еще стояла кибитка, въ которой пріѣхалъ Свенцицкій, лошади были запряжены. Иванъ Иванычъ, взявъ извозчика, отправился на почтовую станцію, заказалъ къ часу ночи тройку и поѣхалъ домой, упросить Полину Марковну сейчасъ идти къ Сонечкѣ и сидѣть возлѣ нея, чтобъ той не было скучно и страшно. Но Полины Марковны не засталъ. Это его очень огорчило и даже взбѣсило. Ворча, онъ вытащилъ чемоданчикъ и сунулъ въ него нѣсколько рубахъ, пальто зимнее и пару платья. Пересчиталъ деньги, одѣлся по-дорожному, и въ ботфортахъ и съ сакъ-вояжемъ черезъ плечо присѣлъ къ столу и написалъ нѣсколько прощальныхъ писемъ знакомымъ, на всякій случай и Полинѣ Марковнѣ. Было восемь часовъ. Онъ нетерпѣливо сталъ ходить по комнатамъ, въ ожиданіи срока. Въ глубинѣ души онъ смутно сознавалъ, что надѣлалъ немало промаховъ, но въ чемъ они заключаются, не могъ опредѣлить, да и не старался. Настроеніе у него было во всякомъ случаѣ не радостное, и останавливаясь передъ окнами, онъ съ тревогой всматривался въ сумракъ вечера, пронизываемый огнями. Въ слабомъ шумѣ, которымъ городъ заявлялъ о своемъ существованіи, ему чудились вздохи, чьи-то слезы и чьи-то стоны, упрекомъ отдававшіеся въ его груди. Онъ не могъ дольше ждать—не хватало терпѣнія—и бросился опять къ Сонечкѣ на квартиру.

„Ахъ, Сонечка, Сонечка! что ты надѣлала, право!“

Онъ представилъ себѣ, что было бы, если бы старикъ не пріѣхалъ такъ неожиданно... Не вышло бы этого тяжелаго недоразумѣнія... Онъ вздыхалъ, и въ немъ все трепетало, какъ у игрока, поставившаго на

карту огромный капиталъ и ожидающаго съ тоской и азартомъ, чѣмъ кончится его рискованный шагъ.

На поворотѣ улицы онъ столкнулся съ парочкой. Высокій мужчина велъ подъ руку плотную даму. Онъ прошелъ мимо, и оглянулся; то были Лозовскій и Полина Марковна. Но ему некогда было ворочаться назадъ, чтобъ удостовѣриться, они ли это, да и надобности не представлялось, какъ ни страненъ былъ на его взглядъ этотъ новый союзъ. „А можетъ, и случайно встрѣтились“, заключилъ онъ и мгновенно забылъ о нихъ, потому что начался знакомый зеленый полисадникъ, и въ воздухѣ разлился запахъ жасмина. Жадно взглянулъ Иванъ Иванычъ на окна Сонечки. Тамъ горѣлъ огонь. Сердце его забилось съ облегченіемъ. У калитки онъ встрѣтилъ Машу, горничную Сонечки.

— Проводите меня, пожалуйста, къ барышнѣ, или вызовите въ садикъ.

— Ахъ, баринъ!..—прошептала горничная.

— Что такое?

— Онѣ уѣхали, — отвѣчала она, вздыхая: — то-есть, ихъ увезли... Вы какъ ушли, папенька и говоритъ: „не умѣла пользоваться свободой, теперь я тебя подъ запоръ, голубушка“... А барышня такъ и упали. Зубки и сцѣпили... А папенька взяли ихъ на руки и сейчасъ, то-есть, въ кибитку, а сами сѣли и кричатъ: „пошелъ!“ А я кричу имъ: „вещи какъ же?“ а они рукой махнули и кричатъ: „опосля!“

„Все погибло“, подумалъ Иванъ Иванычъ.

— А это кто же тамъ въ барышниной комнатѣ?— спросилъ онъ, не понимая, какъ это онъ такъ равнодушенъ къ постигшему его горю.

— А хозяйка... барыня...

Иванъ Иванычъ пошелъ и удостовѣрился. Хозяйка, „отставная офицерша“, съ любопытствомъ поздоровалась съ нимъ, и онъ выслушалъ отъ нея опять разсказъ о томъ, какъ увезли Софію Павловну. Онъ вспо-

мнилъ Сонечку, всѣ ея клятвы и увѣренія, что̀ было утромъ, и сказалъ хозяйкѣ:

— Пустяки...

— Что пустяки?—спросила она и гнѣвно посмотрѣла на него.

— Пустяки... что увезли... не надолго... Она моя!..

Онъ произнесъ это, но вдругъ ему стало совѣстно, съ какой стати онъ говоритъ о Сонечкѣ съ этой бабенкой.

— До свиданія!

Отставная офицерша, однако, не отпустила его такъ легко и прочитала цѣлую лекцію о жестокости и бездушіи мужчинъ, погрозила ему пальцемъ и сказала:

— Попробовали бы со мной что-нибудь подобное... я знаю васъ!.. Знаю, какіе пустяки были!..

Онъ какъ-то глупо засмѣялся и ушелъ. Сердце сжалось. Правда, правда, что-то разорвалось между нимъ и Сонечкой, легла бездна... и раздѣлила ихъ.

Онъ прошепталъ:

„А пожалуй, и дѣйствительно все погибло... Но кто виноватъ?“

Онъ горько улыбнулся.

Но въ сущности Иванъ Иванычъ онъ еще не вѣрилъ, что его романъ такъ скоро кончился. Лишь постепенно ужасъ сталъ леденить его сердце и нарасталъ, какъ лавина. Чувство одиночества обнимало его. А когда онъ пришелъ домой, блѣдный и съ лицомъ, искаженнымъ тоской и отчаяніемъ, и увидѣлъ Полину Марковну, посмотрѣвшую на него спокойнымъ взглядомъ, сознаніе, что онъ понесъ громадную утрату, невознаградимую, и что онъ во всей той сценѣ съ Свенцицкимъ игралъ самую низкую, глупую и презрѣнную роль труса, пронизало его умъ. Все стало ясно. Онъ понялъ, что Свенцицкій былъ предупрежденъ кѣмъ-нибудь. Злость закипѣла въ немъ. Кѣмъ? Онъ пристально взглянулъ на жену. Во всей ея фигурѣ было какъ бы разлито спокойствіе торже-

ства. „Она, это она и Лозовскій!“ рѣшилъ онъ въ изступленіи, вспомнивъ и то, какъ она называла Сонечку „тварью“, и какъ лицо ея было покрыто пятнами, когда она цѣловала „по-родственному“ эту дѣвушку и давала ему взаймы денегъ, и какъ двусмысленно вела она себя утромъ сегодня; подбѣжавъ къ ней, онъ поднялъ надъ ней кулаки и яростно прохрипѣлъ, захлебываясь отъ ненависти къ ней:

— Прочь отъ меня, прочь, змѣя!

Но сейчасъ же ослабѣлъ, опустилъ въ изнеможеніи руки, поникъ головой и почувствовалъ, что въ немъ что-то умираетъ и уже больше не воскреснетъ. Злость прошла и уступила мѣсто горькому отчаянію. Онъ упалъ на стулъ и, закрывъ лицо руками, рыдалъ. Полина Марковна молча смотрѣла на него нѣкоторое время. Но потомъ подсѣла къ нему и стала ласково разспрашивать его и утѣшать. Слезы мужа тронули ее, и она цѣловала его въ голову и обнимала, точно мать, болѣющая о сынѣ и прощающая ему всѣ обиды; и онъ не сопротивлялся.

Іюль 1881
„Вѣстникъ Европы“, 1882.

ВСХОДЫ

А. К. Шеллеру (А. Михайлову)

I

Занималась заря. Сонная рѣка зыблилась.

Молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ велъ подъ руку по отлогому берегу двухъ дѣвушекъ. Одна была одѣта въ кисейное платье съ широкими рукавами. Коса змѣилась по ея спинѣ. Другая, выше первой и стройнѣе, была въ кофточкѣ, расшитой серебряными шнурками. Черты лица у ней были неопредѣленныя, дѣтскія, алый ротъ добродушно улыбался.

Впереди по дорогѣ, которая тянулась отъ пристани къ городу, шли попарно еще молодые люди. Одни напѣвали, другіе громко спорили.

Направо отъ нихъ неподвижно лежалъ, дремля въ сумракѣ разсвѣта, огромный садъ. Налѣво, по ту сторону грязнаго канала бѣлѣли дома. Въ прозрачой тишинѣ блѣднаго утра странно звучали веселые голоса молодежи.

Начался городъ. Изъ окна двухэтажнаго дома высунулась голова старухи и опять спряталась. Улицы были пустынны.

Молодые люди мало-по-малу разошлись въ разные

концы. Они кричали другъ другу: „До завтра!“, „до свиданія!“

Обѣ дѣвушки и молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ продолжали путь.

Они болтали и называли другъ друга: „Пьеръ“, „Мэри“, „Фаничка“. Молодой человѣкъ поворачивалъ свое красивое лицо то къ одной спутницѣ, то къ другой, и онѣ украдкой смотрѣли на него съ загадочной тоской.

Небо алѣло.

На выѣздѣ, за городомъ, стоялъ барскій домъ. Кругомъ высились старые тополи. Верхушки ихъ золотило солнце.

Мэри и Фаничка пожали руку Пьеру, и онъ приподнялъ шляпу. Онъ былъ все время возлѣ нихъ, пока въ отвѣтъ на звонокъ, не раздались на дворѣ тяжелые шаги.

Дѣвушки торопливо оглянулись на него и исчезли въ раскрывшейся калиткѣ, вдругъ бросившей ослѣпительный лучъ. Когда калитка захлопнулась и тѣнь снова окутала Пьера, онъ побрелъ назадъ.

Городъ просыпался, и дома, улицы, сады, церкви утопали въ блескѣ золотаго утра; дулъ свѣжій вѣтерокъ, пастухъ рѣзалъ воздухъ звуками своего рожка.

II

Пьеръ шелъ. У крылечка домика, выкрашеннаго свѣтлой краской, онъ постучалъ въ дверь.

Занавѣска у окна заколыхалась, и изъ форточки выглянула его сестра, молодая женщина, въ ночномъ чепчикѣ, изъ подъ котораго на блѣдныя щеки ползли темнорусые локончики.

— Ты, Пьеръ? — спросила она тихимъ голосомъ. —

Что такъ стучишь! Мы всю ночь промучились съ Шурочкой. Сейчасъ.

Громыхнувъ осторожно желѣзнымъ болтомъ, она впустила брата.

— Шурочкѣ хуже?

— Сеня вчера даже гимнастикой съ ней не занимался. Пьеръ, если она умретъ, я съ ума сойду!

Губы у ней задрожали.

Въ концѣ галерейки была дверь, обитая клеенкой. Молодая женщина, готовясь проститься съ братомъ, начала разспрашивать его, было ли весело... Она всегда разспрашивала его; ей хотѣлось знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Кто былъ да кто?

Онъ назвалъ имена.

— А Мэри и Фаничка? — продолжала она и, сквозь слезы — слѣдъ недавняго горестнаго волненія—бросила на него лукавый взглядъ, который раздражилъ его.

— Были.

Сестра вздохнула.

— Ну, спи, не сердись.

Онъ вошелъ къ себѣ, жмурясь отъ солнечныхъ лучей, опустилъ штору и откинулъ одѣяло. Когда онъ легъ, ему показалось, что его несетъ волна. Чудился лѣсъ, озаренный огнемъ костра, блескъ рѣки; сквозь синій дымъ мелькали смѣющіяся лица дѣвушекъ, друзей, все куда то плыло, быстрѣе и быстрѣе... Пьеръ заснулъ.

III

Въ домѣ, что на выѣздѣ, была терраса съ трельяжемъ изъ дикаго винограда. Прямо виднѣлись группы деревьевъ. Позади, въ глубинѣ раскрытыхъ настежъ стеклянныхъ дверей — въ полусумракѣ обрисовывалась мебель гостиной и тускло сіяла бронзовая люстра.

Пробило двѣнадцать.

Полная дама лѣтъ пятидесяти, съ короткой шеей, съ глубокими складками по обѣимъ сторонамъ носа, багровыми щеками и коричневыми мѣшками подъ глазами на выкатѣ, осанисто сидѣла въ креслахъ стариннаго фасона и курила изъ чубука. Свинцовый взглядъ ея былъ устремленъ въ садъ.

Старушонка суетилась около дамы. Когда трубка гасла, она подносила зажженную спичку.

Большой котъ терся у ногъ.

Это была Нина Сергѣевна Лоскотина, мать Мэри и Фанички. Она поджидала ихъ къ чаю и завтраку.

— Антипьевна, узнай!—сказала она нетерпѣливо.

Антипьевна вернулась, вбѣжали обѣ дѣвушки. На нихъ были свѣжія шумящія платья и гладкіе воротнички. Дѣвушки обратились къ матери съ громкимъ восклицаніемъ. Никогда этого не дѣлали, а теперь обрадовались, увидѣвъ ее. Имъ захотѣлось поцѣловать у ней руку. Но Нина Сергѣевна уклонилась отъ поцѣлуевъ и холодно посмотрѣла на нихъ. Дѣвушки смутились и заговорили о томъ, „какой, maman, этотъ лѣсъ за Десной—прелесть!“ Нина Сергѣевна продолжала смотрѣть на нихъ, и онѣ замолчали. Мэри, отойдя къ чайному столу, гдѣ блестѣли стаканы и серебряныя ложечки, бросила сестрѣ строгій взглядъ. Она боялась матери. Фаничка въ отвѣтъ безпечно улыбнулась, поднявъ черную бровь и опустивъ глаза.

—⁂—

IV

Пьеръ—Рубанскій—проснулся въ часъ. Въ комнатѣ царилъ полусумракъ жаркій и душный. Молодой человѣкъ пытливо посмотрѣлъ на кругленькій столикъ у изголовья.

„Маша таки не забываетъ меня!“—подумалъ онъ о сестрѣ и выпилъ молоко, чай и съѣлъ почти всѣ кренделькн.

Онъ пробовалъ еще заснуть; нѣкоторое время мечталъ о Мэри, о Фаничкѣ, о красивой дѣвушкѣ вообще, и рѣшилъ встать.

Сунувъ ноги въ туфли, онъ взялъ стклянку съ одеколономъ и влилъ часть въ механическій умывальникъ. Пьеру казалось, что безъ этого вода грубо дѣйствуетъ на кожу.

Умывшись, онъ сталъ чистить ногти стальнымъ инструментикомъ. Весело насвистывая, отшлифовалъ онъ ихъ замшей и пудрой. Руки у него были бѣлыя и узкія, и длинные ногти на пальцахъ блестѣли, какъ розовый жемчугъ.

V

Пьеръ пришелъ на половину сестры. Мужа Маши, Семена Семеныча Ланина, еще не было. Но онъ сейчасъ долженъ прійти со службы, и въ маленькой ситцевой гостиной, служившей разомъ и столовой, былъ уже накрытъ столъ.

Маша сидѣла на диванѣ, въ углу комнаты, и вязала носки мужу. Возлѣ нея полулежалъ ребенокъ, упершись затылкомъ въ подушку, закутанный въ пикейное одѣяльце. Его ручки, безпомощно повисшія по сторонамъ, казались восковыми. Не было ни кровинки въ крошечномъ личикѣ, съ красивыми чертами. На лобъ спускалась жиденькая прядь темныхъ волосъ. И черные глаза ребенка, широко раскрытые, смотрѣли съ странной вдумчивостью.

— Агу, Шурочка, агу! — сказалъ Пьеръ, дотрогиваясь до подбородка дѣвочки своими душистыми и блестящими пальцами.

Маша сказала:

— Намъ сегодня лучше. Животикъ, кажется, не болитъ. Шурочка! — Совсѣмъ старушка!

Стальныя спицы снова заходили въ ея худыхъ рукахъ.

Пьеръ пристально посмотрѣлъ на диванъ, подозрѣвая грязь, но сѣлъ, скрѣпя сердце. Поговоривъ съ сестрой даже о погодѣ, онъ, какъ бы вспомнивъ, спросилъ небрежно, не можетъ ли она дать ему взаймы два рубля. Маша покраснѣла, засуетилась и достала изъ кармана смятую трехрублевку.

— Весь мой капиталъ!—робко пояснила она.

Пьеръ взялъ деньги; сунулъ ихъ къ себѣ въ жилетъ и ушелъ.

—※—

VI

Мэри и Фаничка гуляли по саду.

Сестрамъ хотѣлось поговорить о Пьерѣ. Прежде — вчера и даже утромъ—это было бы легко. Теперь что то стѣсняло. Онѣ молчали, и каждая ждала удобнаго предлога. Но предлога не было.

Мэри Пьеръ представлялся молодымъ человѣкомъ съ благородной душой. Онъ такъ уменъ! Онъ сказалъ ей: „за гробомъ насъ ждетъ великое *можетъ быть*!“ Она съ сладкой тоской думала о немъ.

Фаничкѣ Пьеръ казался широкой натурой. Съ нимъ не бываетъ скучно. Онъ остритъ, хохочетъ, у него горячая кровь. И когда вчера они пили брудершафтъ, и руки ихъ сплелись у локтей, она почувствовала твердые мускулы его. Пьеръ хорошъ, какъ богъ.

Онѣ продолжали идти молча.

Фаничка наклонялась по пути, срывала цвѣтокъ, бросала. Мэри посматривала на сестру тревожнымъ взглядомъ.

Онѣ прошлись по саду нѣсколько разъ.

Чирикали и перепархивали съ вѣтки на вѣтку воробьи. Домъ вдали бѣлѣлъ изъ-за деревьевъ, съ своей черной крышей и воздушнымъ балкончикомъ, выходившимъ изъ комнаты Мэри.

„Ни за что не начну“, сказала себѣ Фаничка.

Мэри подумала:

„Пусть начнетъ Фаничка“.

Сѣвши на скамейку у садоваго забора, повитаго хмѣлемъ, онѣ искоса взглянули одна на другую.

Ихъ точно что въ сердце толкнуло. Щеки вспыхнули.

Онѣ не дали себѣ опредѣленнаго отвѣта на чувство, сжавшее ихъ грудь. Имъ было только больно. Но въ то же время для каждой изъ нихъ стало ясно, что о Пьерѣ имъ нельзя уже говорить откровенно.

Посидѣли нѣсколько минутъ, обмѣнялись незначительными фразами и разошлись.

VII

Послѣ обѣда Ланинъ—маленькій человѣкъ, съ длиннымъ бритымъ лицомъ и золотистыми волосами, расчесанными посединѣ—ходилъ по комнатѣ съ Шурочкой, радуясь, что ей лучше. Онъ занялся съ дѣвочкой даже гимнастикой: положилъ навзничъ на диванъ и согнулъ и разогнулъ ея ручки и ножки разъ десять, приговаривая: „разъ-два, разъ-два!“ Маша смотрѣла на мужа.

Она услышала, что ее кто то окликнулъ съ улицы въ открытое окно, повернула голову и ахнула: стояла Лиза Лоскотина. Лиза пополнѣла и похорошѣла, и сѣроголубые глаза ея ласково смѣялись. Она была въ соломенной шляпкѣ. Маша протянула ей руку. Отъ радости она не могла говорить. Ланинъ тоже увидѣлъ гостью и сталъ надѣвать сюртукъ.

Начались разспросы: „какими судьбами?“ „на долго ли?“ Лиза отвѣчала: на нѣсколько дней и что она пріѣхала на педагогическій съѣздъ, какъ сельская учительница.

Войдя въ комнату, она поцѣловала Машу. Ланинъ привѣтливо хихикалъ. Видъ ребенка испугалъ Лизу. Она спросила:

— Нездорова?

Маша сказала:

— Уже полгода такая.

— Пепсинъ еще не выдѣляется,—подхватилъ Ланинъ.

— А нянька потихоньку кормила фруктами! — пояснила съ ужасомъ Маша.

— Мы ее прогнали...

— А Шурочка стала худѣть, худѣть...

Разговоръ перешелъ опять на Лизу, на общихъ знакомыхъ, на „внутреннюю политику“.

Лиза избѣгала говорить о политикѣ; но Ланинъ передалъ ей имена политическихъ арестантовъ въ мѣстномъ замкѣ.

Лиза молча кивнула головой. Свѣдѣнія были не вѣрны.

Она смотрѣла на свою подругу, которая, бывало, вслухъ читаетъ Писарева и вся дрожитъ, на ея мужа, который тогда носилъ малорусскій костюмъ, сурово сплевывалъ, произносилъ послуслова, и многимъ казался умнымъ человѣкомъ. Все это было такъ еще недавно!

— Лизавета Павловна, — говорилъ Ланинъ: — надѣюсь, я сохранилъ и сохраню образъ человѣческій, но это подвигъ, можно сказать! Въ этакомъ то омутѣ?!..

Онъ сталъ жаловаться на бѣдность, на докторовъ, на прислугу. Маша не утерпѣла: захотѣла сама разсказать Лизѣ про кухарку. Ланинъ уступилъ женѣ, перебивалъ ее, качалъ головой, произносилъ: „чушь,

совсѣмъ не такъ было! чушь!“ Маша замолчала, и онъ докончилъ ея разсказъ.

Онъ сообщилъ Лоскотиной и о Пьерѣ.

— Аристократа Богъ далъ!—сказалъ онъ, шаркнувъ ногой.

— Онъ теперь студентъ третьяго курса,—пояснила Маша, робко обращаясь къ Лизѣ:—а помнишь, былъ въ пятомъ классѣ...

— Помню.

— У него были хорошіе уроки, и онъ меня поддерживалъ, Лиза,—прибавила Маша еще боязливѣе.

Взглядъ Ланина насмѣшливо съузился.

Маша продолжала въ волненіи:

— Согласись сама... Пріѣхалъ на лѣто... Урокъ имѣетъ... у губернаторши... пятьдесятъ рублей... Но надо же одѣться!?.. Въ такой домъ, Лиза, нельзя являться какъ нибудь!..

Лиза спросила, не видаетъ ли кто Мэри и Фаничку.

Маша отвѣчала, что Нина Сергѣевна не велѣла пускать ее къ себѣ, какъ только обнаружилось, что она помогала Лизину бѣгству; и съ тѣхъ поръ ей удавалось видѣть Мэри и Фаничку только случайно — гдѣ нибудь на улицѣ.—Онѣ большія, и ихъ трудно узнать.

— Но аристократъ втерся! — насмѣшливо заявилъ Ланинъ и, желая сдѣлать лицо, какъ у Пьера, некрасиво прищурился.

— Пьеръ бываетъ, — подтвердила Маша. — Онъ вездѣ... онъ принятъ у губернаторши...

— Какое счастье! — воскликнулъ Ланинъ и подмигнулъ Лизѣ.

— Не счастье,—произнесла Маша:—но...

Она смѣшалась и покраснѣла.

— Не ты ли, Сеня, самъ жалѣлъ, что не имѣешь манеръ, чтобъ попасть въ высшее общество?

— Я? — спросилъ Ланинъ, и глазки его сверкнули свинцовымъ блескомъ.—Я?

— Ты, — кротко промолвила жена. — Еще говорилъ, что другая карьера была бы... Пьеръ юристъ... Ему нужна протекція.

Ланинъ сталъ судорожно смѣяться. Лиза поспѣшила сказать:

— Маша, Пьеръ устроитъ мнѣ свиданіе съ сестрами?

— Устроитъ!

VIII

Пьеръ скверно пообѣдалъ въ трактирѣ. Онъ сыгралъ партію на бильярдѣ съ соннымъ маркеромъ и вышелъ не въ духѣ. Звонили къ вечернѣ. Въ пять часовъ у него урокъ. Онъ взялъ извозчика и велѣлъ ѣхать: „къ гу-бер-на-то-ру“.

Губернаторскій домъ, низенькій, сѣрый, съ бѣлыми колонками, примыкалъ къ городскому саду.

Дрожки остановились передъ подъѣздомъ съ латунными фонарями. Молодой человѣкъ спросилъ у ливрейнаго лакея, дома ли Клавдія Аполосовна и маленькій князь (племянникъ Клавдіи Аполосовны и его ученикъ), посмотрѣлся въ зеркало, смахнулъ съ лица пыль и вошелъ въ пріемную.

Клавдія Аполосовна не заставила себя ждать. Это была тридцати-лѣтняя красавица, нѣжная и бѣлая, съ неглубокими глазами и усталымъ блѣднымъ ротикомъ. На ней было простое сѣрое платье съ кружевами, а на прозрачной съ синими жилками рукѣ, которую она протянула Пьеру, блестѣлъ тоненькій золотой обручикъ.

Пьеръ ей казался застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ.

Слѣдующая комната была классная.

Князекъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ огромной выстриженной бѣлокурой головой, и съ узенькими глазками, уже разложилъ на столѣ тетради и книги.

Клавдія Аполосовна взяла работу и сѣла недалеко отъ Пьера.

Пьеръ зналъ, что смущаться этимъ нечего; что если бы онъ даже и заврался, Клавдія Аполосовна ничего не замѣтитъ.

Впрочемъ, урокъ кончился благополучно. Ученикъ отлично рѣшилъ задачи, и Пьеръ похвалилъ его.

— У него теперь гимнастика,—сказала Клавдія Аполосовна и встала.

Глаза ея смотрѣли на Пьера, и она улыбалась ему.

— Приходите: вечеромъ, десятаго...

Онъ покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Непремѣнно!

Клавдія Аполосовна прищурила рѣсницы, глядя въ слѣдъ уходящему Пьеру.

IX

Пьеръ радъ былъ повидать Мэри и Фаничку. Онъ переодѣлся и отправился къ Лоскотинымъ, когда солнце закатилось за крыши.

На террасѣ сидѣла Нина Сергѣевна и курила. Она любила Пьера за почтительность, онъ не былъ зараженъ нигилизмомъ, бывалъ въ церкви. Старуха привѣтствовала Пьера теперь, однако, съ нѣкоторою суровостью и не отнимала отъ губъ мундштука. Пьеръ сѣлъ и, нагнувшись, ласково потрепалъ кота Нины Сергѣевны.

— Вы меня надули,—произнесла она, пустивъ клубъ дыма.

Онъ невинно посмотрѣлъ на нее.

— Я васъ надулъ? Барышни поздно вернулись? Но мадамъ Федотова ни за что не согласилась отпустить ихъ со мною пѣшкомъ. Коляска сломалась еще на той

сторонѣ. Кучеръ пьянъ. Вамъ извѣстно, какая теперь прислуга! Послали за новымъ экипажемъ. Ну, прошелъ часъ-другой. И что же? („Что бы еще соврать?") — Марья и Фанни Павловна препровождаются домой самой Федотовой. Parol d'honneur!

Нина Сергѣевна повернула къ нему свои желтоватые бѣлки съ благосклоннымъ выраженіемъ.

На порогѣ позади Пьера появилась Мэри.

Она слышала, что онъ лжетъ: невинная ложь, но ей не понравилась. А Фаничка, выглядывавшая изъ-за плечъ Мэри, изъ глубины гостиной, пришла въ восторгъ.

Пьеръ, увидѣвъ Мэри и Фаничку, всталъ и улыбнулся. Онѣ вышли на террасу. Око Нины Сергѣевны было устремлено въ садъ, но бодрствовало надъ молодыми людьми.

Она нарочно молчала, чтобы дать имъ свободу бесѣдовать, и ея молчаніе особенно стѣсняло ихъ.

Вошли горничная и Антипьевна, съ бѣлой скатертью, и накрыли столъ для вечерняго чая.

Небо потухало. Жемчужно-розовыя облачка тускнѣли. Вѣяло прохладой, вставали тѣни.

„По аллеямъ походить бы, а тутъ сиди, точно подъ арестомъ", думалъ Пьеръ. „Когда-жъ я секретъ про Лизу передамъ?"

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на затылокъ Нины Сергѣевны.

Принесли самоваръ накладного серебра, его подавали только при гостяхъ, поставили посуду, закуски.

Нина Сергѣевна отдала Антипьевнѣ чубукъ и, опершись на ея плечо, встала. Передъ самоваромъ стояло уже другое удобное кресло. Въ послѣднее время она съ трудомъ передвигалась съ мѣста на мѣсто.

По лѣвую сторону ея сѣла Мэри, по правую — Фаничка. Пьеръ—противъ Нины Сергѣевны. Чтобъ избѣ-

жать ея взгляда, онъ смотрѣлъ на самоваръ, въ выпукломъ зеркалѣ котораго блестѣла полоска неба.

— Что-жъ новаго въ городѣ?—спросила она.

— Десятаго вечеръ у губернаторши.

— Будете?—спросила Фаничка.

— Клавдія Аполосовна пригласила.

„Рублей сто выйдетъ на туалеты!“ подумала Нина Сергѣевна, не сомнѣваясь, что и дочери ея будутъ.

Она разлила чай.

Стемнѣло. Задрожали надъ вершинами деревъ блѣдныя звѣзды. На террасу подали свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ съ стеклянными колпаками.

Разговоръ тянулся вяло. Пьеръ разсказывалъ о своихъ полукурсовыхъ экзаменахъ. Мэри внимательно смотрѣла ему въ лицо.

Столъ былъ невеликъ. Скатерть лежала у всѣхъ на колѣнахъ. Пьеръ, чтобы скрасить скуку бесѣды, пожалъ носокъ ботинки Мэри.

Она вспыхнула и отодвинула стулъ.

Пьеръ рискнулъ пожать ногу Фаничкѣ.

Онъ оживился, разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о профессорахъ и о кошкахъ, и все время чувствовалъ ногу Фанички, теплую и мягкую, обутую въ прюнель.

Когда пробило въ гостиной десять, Фаничка крикнула:

— Пойдемте въ садъ!

Она сбѣжала съ террасы, Пьеръ за нею, застѣнчиво сошла Мэри.

— Я лягу въ половинѣ одиннадцатаго!—сурово сказала въ темноту Нина Сергѣевна.

— О, maman!—произнесла Фаничка.

Въ аллеяхъ стоялъ мракъ, и садъ былъ полонъ таинственной прелести.

Фаничка стала напѣвать.

Пьеръ чуть не забылъ, зачѣмъ онъ пришелъ къ Лоскотинымъ. Но, отойдя отъ дома, онъ взялъ дѣву-

шекъ за руки и объявилъ, что въ городѣ Лиза, и завтра, часовъ въ пять, будетъ у Ланиныхъ.

У нихъ радостно забилось сердце, и онѣ дали Пьеру слово быть у Маши въ назначенное время.

Пройдя раза два по саду, они вернулись на террасу.

Нина Сергѣевна простилась съ Пьеромъ и наказала ему поблагодарить мадамъ Федотову за экипажъ и за вниманіе.

Пьеру на прощанье Фаничка значительно пожала руку. Она была проникнута радостнымъ трепетомъ, ей хотѣлось смѣяться, плакать, кружиться по комнатамъ.

Но Мэри была серьезна. Только румянецъ горѣлъ на ея лицѣ.

—≋—

X

Нина Сергѣевна отправилась спать.

На верху было четыре комнаты. Двѣ были завалены хламомъ, а въ двухъ обитали Мэри и Фаничка.

У Мэри въ углу стоялъ кіотъ и мерцала лампадка.

Въ комнатѣ Фанички стѣны были исписаны стихами и счетами бѣлья.

Мэри сѣла на порогѣ воздушнаго балкончика. Взглядъ ея долго былъ устремленъ въ садъ. Грудь ея ныла, и она думала о Пьерѣ.

Ночь была удивительно тиха и прозрачна. Луна всходила. Струились ароматы цвѣтовъ. Вокругъ дремали тополи. Хотѣлось грезить и видѣть сны на-яву.

Теплились тысячи звѣздъ. Ихъ трепетъ, казалось, отвѣчалъ біенію сердца Мэри и странный восторгъ овладѣвалъ ею...

Фаничка зажгла лампу и долго ходила изъ угла въ уголъ. Она не сомнѣвалась, что любитъ и любима. Воображеніе рисовало ей счастливыя картины. Она ви-

дѣла себя съ Пьеромъ на колѣнахъ передъ матерью, которая „благословляетъ“. Она танцовала на своей свадьбѣ. Она шептала нѣжныя слова Пьеру.

На ходу она стала раздѣваться, бросилась на постель, сложивъ надъ головой руки, вскочила и, чувствуя ознобъ, взяла листъ бумаги и написала крупнымъ почеркомъ:

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ.

ПОЭМА.

. . . . . .

Когда свѣтъ лампы смѣшался съ робкимъ блескомъ зари, Фаничка провела рукой по горячему лбу, сожгла бумагу и тихо легла.

Она крѣпко спала. Проснулась рано. Но Мэри уже встала и слышно было, какъ она молится и шепчетъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“... Фаничка опять заснула.

XI

За завтракомъ, Фаничка взяла у Нины Сергѣевны денегъ на шляпку и попросила Мэри идти вмѣстѣ въ магазинъ.

— Хорошо... Но ты забыла?.. — Мэри бросила сестрѣ выразительный взглядъ.

Фаничка прошептала:

— Мнѣ хочется, чтобъ Лиза видѣла меня въ новой шляпкѣ.

Онѣ вышли изъ дома. Прошли бульваръ, прошли

мимо огромнаго стариннаго собора, мимо ряда бакалейныхъ лавокъ, откуда выглядывали евреи, и въ магазинѣ модъ мадамъ Сесиль Мэри выбрала сестрѣ шляпку.

У Ланиныхъ ихъ встрѣтилъ Пьеръ. На немъ былъ черный сюртукъ. Онъ объявилъ, что Лиза уже тутъ и у Маши несчастье.

— Какое?

Но изъ передней дверь была отворена: въ гостинной на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, лежало что-то маленькое, въ цвѣтахъ.

Пьеръ остановился у порога, понуривъ голову. Къ дѣвушкамъ подошла Лиза и пожала имъ руки. Маша тоже подошла къ нимъ.

— Что дѣлать!—сказала она.

Пальцы ея хрустнули.

Ланинъ изрѣдка махалъ рукой надъ маленькой покойницей: мухи лѣзли въ ея прищуренные глазки.

Мэри и Фаничкѣ онъ поклонился издали.

— Умерла сегодня ночью, въ пять минутъ одиннадцатаго. Вотъ тебѣ и доктора! Можетъ ли быть послѣ этого довѣріе къ наукѣ?

Онъ заплакалъ и продолжалъ махать рукой. У Мэри слова не шли съ языка. Къ тому же, близость Лизы волновала ее. Фаничка забыла непріятное впечатлѣніе отъ цвѣтовъ на столѣ и смотрѣла на старшую сестру, удивляясь, что она такая красавица и не имѣетъ вида несчастной. „Поцѣловать бы ее“, думала она.

Пьеръ шепотомъ предложилъ дѣвушкамъ перейти въ его комнату, гдѣ онѣ могутъ поговорить между собой наединѣ. Сестры посмотрѣли на Машу и вышли, вздохнувъ.

XII

Пахло духами, и на окнѣ стоялъ букетъ свѣжихъ розъ. Постель застлана красивымъ лѣтнимъ одѣяломъ, наволочки на подушкахъ только-что надѣты. Стульевъ немного; но было на чемъ сѣсть.

Лиза поцѣловала сестеръ. Шесть лѣтъ назадъ, и Мэри, и Фаничка были дѣвочками, а теперь—какъ выросли, какъ перемѣнились!

Всѣ молчали. Лиза и Мэри были растроганы. Онѣ смотрѣли одна на другую, съ чувствомъ безпредѣльной, вдругъ проснувшейся любви. И оттого, что онѣ были такъ взволнованы, имъ казалось, что еслибъ онѣ начали говорить, то сказали бы что-нибудь плоское или холодное. Фаничка улыбалась и окидывала комнату Пьера радостнымъ взглядомъ и такимъ же взглядомъ смотрѣла на Лизу. Лиза, хотя вся отдавшаяся Мэри, видѣла этотъ взглядъ милаго, но несерьезнаго ребенка, еще разъ поцѣловала ее и обняла Мэри за талію.

Первый восторгъ прошелъ. Лиза и Мэри заговорили. Глаза ихъ блестѣли, розовыя губы улыбались, и румянецъ игралъ на щекахъ.

Когда Мэри была дѣвочкой, Лиза почти не любила ея. Но теперь ей было непонятно, какъ она могла не любить Мэри.

Мэри нравилось, что Лиза похожа на мать. У Лизы было такое-же лицо, только совсѣмъ молодое, свѣжее, съ ямками на щекахъ и подбородкѣ, и глаза не тусклые, а кротко-задумчивые. Ростомъ Лиза казалась выше матери, полнота ея была умѣренная, и она была стройна, какъ Фаничка.

Мэри сказала:

— О, еслибъ ты помирилась съ maman!

Она застѣнчиво посмотрѣла на Лизу и схватила ея руку.

Фаничка вскрикнула:

— Лиза! Мы опять зажили бы вмѣстѣ на антресоляхъ!

Лиза улыбнулась. Но Мэри она сказала:

— Нельзя, Мэри. Этого никогда не будетъ. Тяжело, но никогда не будетъ.

— Лиза! Лиза!

Лиза, горячо обнявъ Мэри, сказала, глядя ей прямо въ глаза влажнымъ, ласковымъ взглядомъ:

— Ты умная головка. Ты поймешь, почему для меня не можетъ быть возврата къ прошлому, когда узнаешь, что заставило меня уйти отъ maman. И ты, Фаничка, должна узнать правду. Но я не могу сказать теперь, сейчасъ, мнѣ тяжело исповѣдываться. Совѣсть чиста, дѣло чистое, но вамъ больно будетъ... Въ другой разъ.

Мэри и Фаничка съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее.

— Завтра... или послѣ завтра... сказала она, поблѣднѣвъ.

Она ушла съ странной торопливостью. И онѣ тоже ушли, не заходя къ Ланинымъ.

XIII

На другой день Фаничка смотрѣла изъ окна своей комнаты и думала о Пьерѣ. Она видѣла дворъ и часть пустынной улицы. Но, можетъ быть, кто-нибудь пройдетъ по ней, и это будетъ Пьеръ. Часъ простояла она: улица все была пустынна. Изрѣдка поднимался невысокій вихрь и, кружась, убѣгалъ вдаль. Фаничка уже хотѣла отойти отъ окна.

Но на перекресткѣ показался священникъ въ траурной ризѣ, розовый гробикъ, пестрая кучка людей.

Фаничка узнала среди нихъ Пьера. Она надѣла шляпку и вбѣжала къ Мэри.

— Несутъ дѣвочку Ланиныхъ... Ты не пойдешь?

— Нѣтъ.

Фаничка кинулась къ дверямъ.

— Смотри, maman разсердится! — сказала Мэри.

Фаничка бѣгомъ спустилась съ лѣсенки, въ виду Нины Сергѣевны, сидѣвшей къ ней спиной, прошла по залѣ и очутилась на улицѣ.

Процессія была еще недалеко. Вѣтеръ сильно рванулъ шляпку съ Фанички, и, придержавъ ее обѣими руками и наклонивъ голову, она быстро пошла впередъ, а платье, хлопая, било ее по ногамъ. Минуты черезъ двѣ вѣтеръ стихъ, она почувствовала запахъ ладана, услышала пѣніе священника и дьячка и увидѣла, что идетъ позади Пьера. Онъ велъ подъ руку сестру.

Шли еще барыни, съ недовольными лицами, старушка съ ястребинымъ носикомъ. Ланинъ вдвоемъ съ Чуфринымъ несъ гробикъ. Сѣдые волосы священника развѣвались изъ-подъ камилавки, и на порыжѣломъ бархатѣ ризы сіялъ и сверкалъ широкій серебряный позументъ. Кадильница дымилась синимъ дымкомъ.

Улица кончилась за садомъ Лоскотиныхъ. Надо было идти по выгону. Вдали хмурились деревья кладбища и блестѣлъ куполъ кладбищенской церкви.

Вѣтеръ поднялся съ прежней силой. Пыль врѣзалась въ глаза. Ленты у шляпокъ захлопали. Дамы повернулись назадъ, держа руки у колѣнъ.

Пьеръ замѣтилъ Фаничку.

— Маша,—сказалъ онъ: — Фанни Павловна!

Вѣтеръ опять стихнулъ, Маша проговорила:

— Благодарю за вниманіе.

Она похудѣла. На щекахъ слѣды слезъ. Локончики растрепались.

— Вы знаете, — начала она тихо: — у насъ больше не будетъ дѣтей.

Она оперлась на руку Фанички и положила ей на

плечо голову. Но сдѣлавъ надъ собой усиліе, выпрямилась и пошла прежней походкой.

У Фанички скатилась слеза.

Процессія подвигалась. Ланинъ крѣпился. Онъ продолжалъ нести свою Шурочку и даже подтягивалъ священнику баритономъ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій...“

Жалобно зазвучали колокола. Процессія остановилась. Священникъ что-то читалъ и пѣлъ. Потомъ всѣ пошли утопленной походкой, широко шагая. Кладбище было близко, слышно, какъ шумятъ березы; и спѣшили скорѣе похоронить маленькій гробикъ, отъ котораго всѣмъ было тяжело...

XIV

Маша не сдѣлала поминальнаго обѣда, покойница—крошка. Священникъ, пряча деньги въ широкій карманъ подрясника, сказалъ Ланину, обведя небо тусклымъ взглядомъ:

— Какой вѣтеръ! Отчего бы?

Ланинъ произнесъ:

— Движеніе воздоха...

Священникъ сказалъ:

— Все физикой объясняютъ...

Помолчавъ, онъ подалъ Ланину руку, качнулъ камилавкой Машѣ и пошелъ къ церкви съ причетникомъ.

Фаничка и Пьеръ стояли вмѣстѣ во время печальной церемоніи. Когда стали расходиться, имъ захотѣлось побыть наединѣ другъ съ другомъ.

Деревья, старыя и вѣтвистыя, сливались надъ головой въ зеленый сводъ. Могилы осѣли, дубовые кресты почернѣли и пошатнулись. Кое-гдѣ бугоръ свѣжей земли.

Рѣдко попадались памятники, бѣлые, съ золотыми украшеніями или обнесенные чугунной рѣшеткой. Богачей хоронили въ монастырѣ.

Фаничка тихо спросила:

— Куда мы идемъ?

— Домой.

Она взглянула на Пьера, поднявъ бровь.

— Нѣтъ, не домой, — сказалъ онъ: — но кладбище кончится, начнется поле...

Онъ указалъ рукой: между стволами деревъ, за неглубокой канавой, рожь, еще зеленоватая, волновалась, какъ озеро.

— Ну, поле... ну, что-жъ?... — произнесла Фаничка, покраснѣла, и невольно прижалась къ Пьеру.

— Какъ что-жь?—подхватилъ Пьеръ и зло посмотрѣлъ ей въ глаза.—Перейдемъ поле...

— Я знаю—робко начала Фаничка.

— Мнѣ хочется вамъ что-то сказать...

— Что?

Онъ наклонился къ ней.

— Вы бывали въ оврагѣ?

— Гдѣ онъ?

— За рожью. Онъ весь заросъ шиповникомъ. Уединенье и затишье.

— Я не люблю шиповниковъ.

— Шиповникъ вамъ не нравится, Фаничка, но я?

Онъ обнялъ ее и ждалъ отвѣта.

Фаничка тихо засмѣялась. Пьеръ покрылъ поцѣлуями ея лицо.

— Не надо,—шептала она.

Колѣна ея подкосились. Пьеръ подхватилъ ея за талію.

— Не надо!

Она была невинна и довѣрчива. Но дамы, шедшія за Шурочкой... Не подсматриваютъ-ли онѣ? За низкоопустившейся сквозной зеленью плакучей березы стоялъ

приземистый черный крестъ, точно человѣкъ, распростершій руки. Фаничка отшатнулась отъ Пьера въ ужасѣ и побѣжала.

— Фаничка, не бойтесь! Что съ вами? — Пьеръ догналъ ее и взялъ за локти.

— Фаничка!—сказалъ онъ съ упрекомъ.

— О, Пьеръ! пустите меня... Ради Бога!

— Вы трусите?

— Я васъ люблю, Пьеръ.

— Вашу руку—и...—строго недосказалъ онъ.

— Нѣтъ.

Они вышли на дорожку. Пока тянулось кладбище, Фаничка дрожала. Но увидѣвъ выходъ, она мгновенно успокоилась.

— Пойдемъ въ шиповникъ завтра? Хорошо? — начала она.

Пьеръ промолчалъ. Онъ дулся.

Вышли изъ воротъ.

Фаничка произнесла:

— Какое странное небо сдѣлалось... А на солнце смотрѣть не больно...

Пьеръ все молчалъ.

— И вѣтра нѣтъ.

Румянецъ вернулся на щеки дѣвушки, губы влажны и красны, глаза блестѣли... Какъ бы расшевелить Пьера?

— Что съ тобой?—лукаво спросила она.

Онъ смягчился, взглянувъ на нее съ усмѣшкой.

— Мы не такъ наивны, какъ кажется...

— Прости меня.

Они были въ виду знакомыхъ тополей. Потянулся заборъ сада. Фаничкѣ показалось, что въ одной изъ щелей сверкнулъ яркій глазъ.

У воротъ Пьеръ сказалъ:

— До завтра — хорошо... Лиза будетъ ждать, увидимся. Ланины уѣзжаютъ на нѣсколько дней въ де-

ревню къ его роднымъ... Шиповникъ въ пустыхъ квартирахъ тоже ростетъ.

Фаничка, съ сильно-бьющимся сердцемъ, пробралась на антресоли и бросилась къ окну, чтобы успѣть увидѣть еще разъ Пьера. Но онъ уже скрылся. Опять пробѣжали одинъ за другимъ невысокіе вихри. Небо стало свинцовымъ. Громко хлопнула калитка. Въ воздухѣ завертѣлся клочекъ бѣлой бумаги; и вдругъ на дворѣ, съ земли, сѣрымъ столбомъ, поднялась пыль, віясь и крутясь, и стекла въ окнахъ слабо задребезжали.

XV

Нина Сергѣевна получила пригласительное письмо отъ Черемисовыхъ на вечеръ десятаго.

— Позови-ка барышень,—сказала она Антипьевнѣ.

Мэри пришла.

— А Фаничка?

— Фанички нѣтъ... Она увидала изъ окна... похороны...

Нина Сергѣевна не дала договорить, схватила чубукъ и замахнулась на Мэри.

Дѣвушка растерялась, и только протянула руку въ видѣ щита.

— Прочь!

Блѣдное лицо Мэри раздражало Нину Сергѣевну.

— Прочь, говорю!—крикнула Нина Сергѣевна и ударила ее по рукѣ.

Мэри не ушла.

Нина Сергѣевна сидѣла въ своемъ креслѣ и тяжело дышала.

— Мэри!

Мэри поспѣшила вытереть слезы.

— Я погорячилась,—сказала Нина Сергѣевна, глядя

въ садъ.—Я отвѣчаю за васъ передъ Богомъ и людьми! Подумай: Фаничка таскается одна по какимъ-то похоронамъ!

„Фаничка не одна, а съ Пьеромъ". И эта мысль была для Мэри больнѣе удара, полученнаго отъ матери.

— На, прочти.

Мэри прочитала.

— Madame Сесиль сдѣлаетъ въ долгъ.

И Нина Сергѣевна закурила трубку.

Мэри понурила голову.

Она не думала ни о балѣ, ни о платьяхъ. Рука болѣла, но Мэри простила матери, какъ простила ей и многія другія такія же вины. Она не думала даже о сестрѣ Лизѣ. Мэри думала о Пьерѣ и Фаничкѣ.

XVI

Вихрь со двора перенесся въ садъ. Деревья зашумѣли, и листья и свѣжія зеленыя вѣтки стали вертѣться въ воздухѣ, и что-то затрещало и рухнуло на земь. То упалъ самый старый тополь, загромоздивъ собой цвѣтникъ передъ террасой. Садъ волновался, все никло, зелень побѣлѣла. Въ комнатахъ стало темно, точно смерклось.

— Ахъ, Фаничка, Фаничка!—воскликнула Нина Сергѣевна съ тревогой.

— Фаничка пришла,—замѣтила Мэри.

— Пришла? — радостно переспросила старуха. — Ну, слава Богу! — Она перекрестилась. — Позови Фаничку... Приходите обѣ!—Боже, что дѣлается!

Небо низко нависло надъ землей, темное, съ желтымъ отсвѣтомъ. Въ неопредѣленной дали чуть слышно грохотало. Сумракъ мерцалъ фосфорическимъ блескомъ.

Когда вошли барышни, Нина Сергѣевна велѣла имъ сѣсть на диванѣ и обняла ихъ.

— Антипьевна!— крикнула она:— принеси-ка скорѣе изъ моей спальни страстную свѣчу, да зажги у лампадки!

Антипьевна глядѣла въ садъ, думая, что не къ добру упала „тополя“. Она принесла свѣчу.

— Обойдемъ домъ!

Всѣ встали. Тусклое пламя свѣчи бросало красноватый свѣтъ на лица. Губы Нины Сергѣевны беззвучно шептали молитвы. Фаничка, увидѣвъ въ залѣ, въ зеркалѣ, свое отраженіе, прижалась къ Мэри.

Возвратившись въ гостиную, опять сѣли. Громъ грохоталъ уже явственно. Страстная свѣча продолжала горѣть. Ея миганья, казалось, становились ярче и ярче. И вдругъ вся гостиная наполнилась ослѣпительно бѣлымъ свѣтомъ, и небо точно рухнуло на землю съ трескомъ и какимъ-то дребезжащимъ острымъ, грознымъ и необъятнымъ звукомъ. Нина Сергѣевна прижалась къ дочерямъ.

— Дѣти!— слезливо сказала Нина Сергѣевна.— Молитесь!

Хлынулъ дождь. Онъ громко барабанилъ по стекламъ, которыя, казалось, таяли, точно пластинки льда. Конюшня, ворота, кухня, колодецъ — всѣ предметы на дворѣ расплылись въ мутной дымкѣ ливня.

Но уже надъ крышей конюшни показалась свѣтлая полоска. Нина Сергѣевна почувствовала себя бодрѣе. Сумракъ въ комнатахъ сталъ рѣдѣть, и хоть отъ времени до времени и рокотали громовые раскаты, но бѣда прошла мимо.

— Пусть накрываютъ столъ!—приказала Нина Сергѣевна.

XVII

Дождь пересталъ и капалъ только съ крыши. Небо синѣло. Тамъ и здѣсь плыли облака.

Нина Сергѣевна сидѣла за столомъ, смотрѣла на пострадавшій отъ бури садъ и качала головой.

Чѣмъ болѣе прояснялось небо, тѣмъ неизбѣжнѣе казалось Фаничкѣ объясненіе съ maman.

Но подали супъ съ вермишелью, утку подъ кисленькимъ соусомъ, телятину и салатъ, — Нина Сергѣевна не заговорила о похоронахъ. Она ѣла, вытирая салфеткой ротъ и подбородокъ. Фаничка успокоилась.

На сумрачной части неба заиграла радуга. Блеснуло солнце.

Нина Сергѣевна стала бесѣдовать съ дочерьми о предстоящемъ вечерѣ у Черемисовыхъ.

— Вы обѣ должны быть въ декольте.

— А вы, maman?—спросила Фаничка.

Нина Сергѣевна сурово воззрилась въ нее своими желтыми глазами и погрозила пальцемъ.

— Фаничка! Я все вижу! Я все знаю! Берегись!

XVIII

На подносѣ оставалось мороженое. Нина Сергѣевна, перешедши въ гостиную, велѣла подать его туда и предложила Мэри.

— Мэри!—сказала она нѣжно.

Мэри поцѣловала мать.

У Нины Сергѣевны навернулись слезы. „Нѣтъ, *эта* никогда не погибнетъ. А Фаничка точь-въ-точь я, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ. Надо присматривать".

— Мэри! набей трубку.

Пустивъ клубъ дыма, она произнесла:

— Такъ ты меня любишь, Мэри?

— Maman!

— Меня трудно любить, я раздражительна—я много страдала, — но кто меня знаетъ, тотъ скажетъ, что у меня золотое сердце, Мэри!.. Лиза—Богъ съ ней!..

— Maman!—Что у васъ произошло съ Лизой? Вѣдь она тоже добрая! Удивительная!

Слово „Лиза“ нельзя было произносить въ домѣ Лоскотиныхъ. Но Нина Сергѣевна не разсердилась. Въ этотъ день она не могла ужъ сердиться.

Она посмотрѣла на Мэри.

— Мэри, ты должна вѣрить, что я тутъ права... Не спорю, Лиза удивительная, но она не добрая... О, если бы она была добрая! Если бы у нея было твое сердце!

Она взяла Мэри за подбородокъ.

— Maman, милая! Я ночь не спала сегодня — все думала о Лизѣ. Боже! Какъ случилось, что Лиза ушла?

— Лиза передала узелокъ... Машѣ... а сама ушла... въ библіотеку... и не возвращалась.

— Maman!..

— Она написала о документахъ. Я выслала ей всѣ бумаги...

— Не то!.. Но отчего-жъ она ушла?

— Отъ того, что она врагъ нашъ!—возбужденнымъ шепотомъ сказала Нина Сергѣевна.

— Врагъ?—поблѣднѣвъ, переспросила Мэри.

— Она не только возмутилась противъ меня, своей крови, но и противъ сословія, къ которому принадлежали ея дѣды и прадѣды, и объявила, что ей стыдно, что у насъ такъ много земли, что надо возвратить мужикамъ... Слышишь, Мэри? И это серьезно, съ сумасброднымъ упрямствомъ, а я цѣлый годъ терпѣла и надрывалась съ нею!..

— Maman!—промолвила Мэри почти строго:—и ничего больше не произошло у васъ?

Нина Сергѣевна съ удивленіемъ взглянула на дочь.

— Мэри, ты сейчасъ подумала, что я не добрая... Грѣхъ тебѣ, Мэри!.. Мери, клянусь тебѣ,—продолжала она:—Лизу я люблю... Теперь много такихъ, какъ она... Ее завлекли... Виновата я, что давала ей свободу... что позволяла ей отступать отъ порядка, искони заведеннаго въ нашемъ домѣ... Мэри! а я не терзаюсь? Знаешь-ли ты, что еслибы она возвратилась и попросила прощенія, я приняла-бы ее... будь она въ лохмотьяхъ, опозорена, унижена... Ахъ, Мэри, пойми меня!

Она заплакала. Мэри охватило странное волненіе. Душа болѣла. Она припала къ рукѣ матери и просила успокоиться, обѣщая не говорить больше о Лизѣ.

Нина Сергѣевна погрузилась въ грустныя размышленія. Она перестала плакать и дивилась своей добротѣ. И, слегка качаясь въ креслахъ, мягко уронила на полъ чубукъ и заснула.

—≋—

XIX

Мэри пришла въ свою комнату.

Она пристально читала евангеліе, маленькое, въ золотообрѣзномъ переплетѣ, когда, поднявъ голову, увидѣла Фаничку на порогѣ.

— Мэри! Я забыла тебѣ передать — на похоронахъ я видѣлась съ Пьеромъ, и онъ просилъ напомнить, что Лиза будетъ завтра... И самое главное: Ланины уѣзжаютъ, полная свобода!

Видъ младшей сестры не понравился Мэри. Она закрыла книжечку, сжала губы и стала упорно молчать.

—≋—

XX

Засѣданія съѣзда кончились. Лиза рѣшила употребить этотъ день, до четырехъ часовъ, на визиты. За шесть лѣтъ воды не мало утекло. Осталось человѣкъ пять, болѣе или менѣе, ей близкихъ. Она слыхала, что ихъ теперь не узнать. Но все-таки ей хотѣлось повидаться съ ними. Хотѣлось посмотрѣть на актеровъ, добровольно, когда раздался роковой сигналъ поднять занавѣсъ, ушедшихъ за кулисы...

Небо съ утра было сѣренькое, все въ дымчатыхъ и золотистыхъ тучахъ. Раза два брызнулъ дождикъ.

Лиза нашла новый домъ Шаровицыныхъ. Настоящія палаты, не то московской, не то швейцарской архитектуры, съ рѣзными коньками и огромными окнами. За зеркальными стеклами дубовыхъ дверей виднѣлась на лѣстницѣ ковровая дорожка, застланная полотномъ и перехваченная мѣдными прутьями. На площадкѣ повыше стояли олеандры и пальмы...

Горничная доложила о Лизѣ господамъ. Выскочили съ добродушными восклицаніями оба Шаровицыны: онъ — тучный брюнетъ съ бѣлыми зубами, она — низенькая блондинка съ большой головой и свѣтлыми глазами навыкатѣ. Они потащили ее черезъ залу въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

— Вотъ сюрпризъ!

Лиза сѣла—ей подвинули закуски. Посыпались разспросы. Раскатистый смѣхъ Шаровицына наполнялъ столовую. Жена вторила ему, плавно закидывая голову и показывая бѣлый, жирный подбородокъ и бѣлую, въ складкахъ, какъ у дѣтей, шею. Сочный нутряной смѣхъ счастливыхъ людей.

Шаровицынъ былъ въ китель на распашку и малорусской сорочкѣ, завязанной красной ленточкой. Попрежнему не росла у него борода, усы все такъ же чуть „сѣялись.“

На Шаровицыной была красная рабочая коротенькая блуза вмѣсто кофточки. Въ такой точно блузѣ она пріѣхала изъ Женевы... Но теперь носитъ ее только по утрамъ.

Лиза живетъ въ деревнѣ и пусть-ка она раскажетъ о становыхъ. Начались толки о „прижимкѣ“, о „сермяжномъ мученикѣ“, о томъ, что „такъ нельзя дольше жить“. „Не правда ли?“ Шаровицына кипятилась, Лиза слушала ее.

Шаровицынъ былъ умнѣе жены. Онъ повернулся на стулѣ и съ какой-то пьяной улыбочкой — хотя пьянъ не былъ—махнулъ рукой и сказалъ женѣ:

— Право, Адочка, не надоѣдай ты ей... Смотри, она ничего не ѣла! крикнулъ онъ. — Положи-ка ей карасика... въ сметанкѣ негодяя... — У насъ ужъ такъ заведено... Жизнь въ брюхо... на то инженеры... Хха-хаха! А что-жъ дѣтокъ? Покажи!.. Тащи ихъ сюда!.. Феноменальныя дѣти... Крошки, а ужъ въ каждомъ по два пуда?

Когда жена ушла, онъ сказалъ, прихлебнувъ изъ стакана и понизивъ голосъ:

— Всякому овощу своя пора. Три года нашей службы— и то долго. Новая волна набѣжала — а мы назадъ.

Лиза посмотрѣла на него. Взглядъ его свѣтился былымъ умомъ. Она хотѣла сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ; но онъ, по розовымъ пятнамъ на ея щекахъ и загорѣвшимся глазамъ, догадался, что она скажетъ.

— Цѣли, цѣли у меня теперь другія, Лизавета Павловна! Домъ видѣли? Семь тысячъ вбухалъ! Купилъ имѣніе—пятнадцать... Лѣсомъ торгую, изъ шоссейнаго щебня масло жму...

Онъ захохоталъ.

— И главное,—началъ онъ, ковырнувъ сыру:—развратился, все мало кажется.

И опять захохоталъ.

„Были ли у него когда-нибудь иныя цѣли?“

Шаровицына ввела дѣтей, въ бѣлыхъ нагрудникахъ и въ сопровожденіи двухъ опрятно одѣтыхъ, улыбающихся нянекъ, старой и молодой. Правда, дѣти были крупныя. Мать, счастливая и гордая, представила ихъ Лизѣ.

Они смотрѣли на гостью исподлобья. Мальчикъ замахнулся на нее рученкой, растянувъ плаксиво губы.

Шаровицынъ взялъ Лизу подъ руку и повелъ смотрѣть комнаты, мебель, выписанную изъ Варшавы, дешевыя картины въ дорогихъ рамахъ.

Шаровицыны удерживали ее, хотѣли, чтобъ она у нихъ обѣдала. Наконецъ,—„нечего дѣлать!“—простились съ нею такъ же радушно и—какъ Лизѣ показалось—такъ же радостно, какъ и встрѣтили, и сами проводили на лѣстницу.

Инженеръ, въ смущеніи, остановилъ Лизу и сказалъ:

— Не возьмете ли денегъ?

— Что вы?

— Не вамъ! протянулъ онъ съ ласковой досадой.

Она покраснѣла.

— Хорошо.

— Такъ то лучше! съ веселымъ смѣшкомъ промолвилъ онъ и далъ ей бѣленькую.

Она кивнула головой, точно монашенка, получившая „лепту на украшеніе святой обители“.

—※—

XXI

Шаршмитъ былъ врачъ, жена его тоже окончила врачебные курсы. Онъ только что возвратился изъ богоугоднаго заведенія и засталъ Лизу у жены.

— Мы о васъ много слыхали, произнесъ онъ гортаннымъ говоромъ.—Закоренѣлая!..

Онъ погрозилъ ей пальцемъ, оглянулся и сѣлъ рядомъ.

— Ну, и что же вы... ну?—Душа, моя сказалъ онъ женѣ, не ожидая отвѣта Лизы: — ты ничѣмъ не угощала ихъ?

— Когда она не хочетъ, отвѣчала беременная дама, безъ шеи, съ широкими плечами, бѣлая и заспанная.

Шаршмитъ сдѣлалъ гримасу.

— Душа моя, знаешь, началъ онъ шутливо:—опасный человѣкъ...

Жена сказала:

— Лизавета Павловна занимается въ сельской школѣ.

— Нѣтъ? въ самомъ дѣлѣ?.. — протянулъ Шаршмитъ, прищурившись. — А вы знаете, что теперь надо быть очень и очень осторожнымъ?..

Онъ запустилъ пальцы въ свою жиденькую бородку.

— Читали вы мою статію? спросилъ онъ, глядя на гостью бочкомъ.—Душа моя, для чего ты имъ не показывала мою статію?

Подойдя къ этажеркѣ съ книгами, онъ нашелъ серенькую газету, въ формѣ тетради, и вернулся къ Лизѣ.

— Я озаглавилъ ее тремя словами:

„Чего хотятъ народники и чего они не хотятъ“.

— Цѣлыхъ восемъ словъ! сказала Лиза.

— Восемъ?

Онъ аппетитно смотрѣлъ на газету.

— Знаю, знаю, что вы тамъ пишете! воскликнула Лиза. Читала! Я не народница.

Шаршмитъ отшатнулся.

— Кто же вы? спросилъ онъ.

— Я?

— Ну, да, вы, ну... Кто вы? спросилъ Шаршмитъ.

— Русская женщина, отвѣчала Лиза.—Служу, какъ могу, народу, вижу, какъ онъ дикъ и грубъ, и забитъ.

А еслибъ онъ былъ прекраснъ и совершененъ, то незачѣмъ было бы и служить ему. Вы все терзаетесь, что сами не народъ, что вы интеллигенція и тронуты культурой и такъ далѣе. А я рада, что училась чему нибудь и учусь, и убѣждена, что неразрывно связана съ народомъ, и мы всѣ вмѣстѣ—одно тѣло. Отсюда и всѣ обязанности.,.

— Та-акъ? протянулъ Шаршмитъ, положилъ газету на этажерку и сѣлъ успокоенный, но недовольный.

Наступило молчаніе.

— Помните, спросила Лиза, какъ вы ей,—она кивнула на его жену: — давали когда-то слово до конца не покидать поля?

— *Ахъ*! произнесла его жена съ улыбкой, съ какой вспоминаютъ взрослые о своихъ дѣтскихъ проказахъ.

— Пожалуйста! торопливо и сердито сказалъ Шаршмитъ; но затѣмъ разсмѣялся вторя Лизѣ и, съ сожалѣніемъ качая головой, — причемъ Лизѣ казалось, что качается только одинъ его бѣлый длинный носъ,— отправилъ руку къ лопаткамъ и выпятилъ грудь, съ кислой ужимкой.

XXII

Лиза завернула еще въ два дома. Но въ одномъ ее встрѣтилъ звѣрски-пьяный человѣкъ, огромнаго роста, волосатый, съ воспаленными глазами. Она едва узнала въ немъ Цаплина, либеральнаго земца. Все состояніе свое отдалъ онъ земскому дѣлу—заводилъ на свой счетъ школы, устроилъ учительскую семинарію, открылъ сельскіе банки, десять лѣтъ сряду поднималъ на каждомъ губернскомъ собраніи вопросъ о пере-

оцѣнкѣ крестьянскихъ надѣловъ, нажилъ тьму враговъ и, чтобъ мѣстная администрація не мѣшала своими протестами, „закармливалъ“ губернатора и другихъ чиновниковъ обѣдами, потѣшалъ ихъ облавами, дарилъ имъ дорогихъ собакъ, ружья. Съ рѣдкой энергіей создалъ онъ себѣ партію, и она ему служила — до тѣхъ поръ, пока на послѣднемъ собраніи онъ не поставилъ ребромъ одного „щекотливаго“ вопроса. Партія измѣнила—кто струсилъ, кто соблазнился перспективой членства въ управѣ, потому что надоѣло состоять „на побѣгушкахъ“ у вожака, захотѣлось „своего куска и спокойнаго угла“. Вожакъ остался одинъ на мели. И не выдержалъ, запилъ. Лизѣ стало больно. Она уважала этого человѣка. Въ немъ ей всегда нравились безкорыстная, даже самоотверженная преданность дѣлу и свѣтлый умъ. „Это первый и послѣдній земецъ здѣсь“, подумала она съ горечью. Цаплинъ не узналъ ее, и, пошатываясь, захлопнулъ дверь. Въ другомъ домѣ она никого не застала. „Господа поѣхали за Десну кашу варить“, объявила горничная. Лиза вспомнила, какъ они и прежде любили „кашу варить“ и пѣли „дубинушку“, а затѣмъ поздно возвращались домой, возбужденные и счастливые, и мечтали уже о слѣдующей „кашѣ“. — „Этакъ до безконечности, всю жизнь“. Лизѣ было пріятно, что она—одна изъ немногихъ, оставшись на своемъ посту, дѣлаетъ скромное дѣло, но не празднуетъ, и не находитъ удовлетворенія въ громкихъ и пустыхъ фразахъ.

XXIII

Пьеръ, въ бѣломъ пиджакѣ съ иголочки и туго накрахмаленномъ, въ розовыхъ крапинкахъ, бѣльѣ, протянулъ Лизѣ руку и изъявилъ сожалѣніе, что ей при-

дется немножко поскучать съ нимъ въ ожиданіи сестеръ.

— Зачѣмъ скучать? сказала Лиза озабоченно и сняла шляпку.

Пьеръ искоса посматривалъ на Лизу. Ему нравились ея умѣренная полнота, красивая шея, подбородокъ съ ямкой. Пьеръ догадывался, какой у ней „образъ мыслей“, и теперь очень былъ бы непрочь какъ-нибудь угодить ей. Но Лиза не заговаривала и что-то отмѣчала въ записной книжкѣ.

Фаничка вбѣжала съ веселымъ смѣхомъ. За ней вошла Мэри. Пьеръ всталъ, дождался очереди поздороваться съ ними, спросилъ: „а какова вчерашняя гроза?“ и ушелъ.

— Какъ вы его находите? спросила Лиза.

— Такъ себѣ!

Между тѣмъ, Мэри и Лиза обмѣнялись прежнимъ глубокимъ взглядомъ. Онѣ были взволнованы, но обѣ сдерживали себя, а Лиза, какъ и тогда, поблѣднѣла.

Она стала говорить. Фаничкѣ казалось всегда, что Лиза ушла, чтобы выйти за кого-то замужъ. Теперь, она поняла, что это неправда. Она успокоилась, даже разочаровалась и перестала слушать, дѣлая видъ, что слушаетъ, но мечтая о Пьерѣ. Мэри жадно внимала сестрѣ, но ее удивляло, что она все ужъ знаетъ, и— что важнѣе всего—читала объ этомъ въ евангеліи. Она съ восторгомъ смотрѣла на сестру, которая просто говоритъ о своемъ дѣлѣ, не кичится, но и не скромничаетъ. Уже со вчерашняго объясненія съ maman она увидѣла, что за человѣкъ Лиза. Теперь еще ярче обрисовалась передъ нею эта кроткая, но сильная духомъ дѣвушка. Чѣмъ проще она говорила, тѣмъ больше Мэри восторгалась.

— Лиза! прошептала она, наконецъ, припавъ къ ея рукѣ, и заплакала отъ счастія. Я еще раньше догадалась, что такъ все должно быть...

Фаничка очнулась отъ мечты о Пьерѣ, подошла молча къ Лизѣ, сѣла по другую руку ея и стала нѣжно глядѣть ей въ лицо, ревнуя къ Мэри.

XXIV

На слѣдующій день, сдѣлавъ визитъ своему инспектору, Лиза уѣхала, о чемъ наканунѣ предупредила сестеръ. Она выразила надежду, что черезъ мѣсяцъ—на обратномъ пути—повидается съ ними.

Мэри ходила къ мадамъ Сесиль, торговалась, примѣряла платья; но все дѣлала машинально, боясь отказомъ разсердить мать, предчувствуя, что время близко, когда придется страшно и серьезно огорчить ее. Было бы жестоко не дѣлать еще уступокъ въ мелочахъ. Огорченіе, которое она готовила матери, ясно, впрочемъ, не сознавалось ею: она не знала, какъ оно выльется...

У ней голова шла кругомъ отъ „множества мыслей“. Ей очень хотѣлось идти за сестрой, но она чувствовала себя безсильной, неспособной, бѣлоручкой, мало образованной, трусихой, была влюблена въ Пьера...

Чтобы закалить себя, она перестала пить чай, купила себѣ грубые кожаные башмаки вмѣсто прюнелевыхъ, обмѣнялась съ горничной бѣльемъ. Стоя на молитвѣ утромъ и вечеромъ, била поклоны до тѣхъ поръ, пока спина не начинала болѣзненно ныть. На ночь сбрасывала матрацъ и пыталась спать на голыхъ доскахъ. Лицо у ней приняло строгое выраженіе.

Фаничка радовалась предстоящему вечеру. Мадамъ Сесиль дала ей слово сдѣлать нарядъ къ лицу и замѣтила, что это нетрудно, такъ какъ у mademoiselle тонкая талія и удивительное сложеніе. „Отчего

этого никто при Пьерѣ не скажетъ?“ подумала Фаничка.

Пьеръ, наконецъ, пришелъ, но не засталъ ни Фанички, ни Нины Сергѣевны. Онѣ поѣхали купаться: былъ хорошій день. Дома была одна Мэри. Она сидѣла за роялемъ, въ залѣ, огромной полинялой комнатѣ, со старинными картинами въ потускнѣвшихъ рамахъ...

Мэри издали еще увидала Пьера, покраснѣла, но не бросила играть. Ея пальцы еще легче и красивѣе забѣгали по клавишамъ, и звуки полились нѣжнѣе. Пьеръ зналъ, что она стѣсняется постороннихъ, и подумалъ, что она его не замѣчаетъ, увлекаясь музыкой. Онъ подошелъ къ ней и сталъ за ея спиной. Она покраснѣла сильнѣе, и все продолжала играть...

Ей было безотчетно пріятно. Они одни въ домѣ, и то, что это сдѣлалось неожиданно, волновало ей кровь. Сердце запросило любви. Надо было играть, надо было дать выходъ взрыву. И она боялась оглянуться и принять руку съ клавишъ...

Но вдругъ она почувствовала на своемъ затылкѣ жаръ дыханія. Она оборвала пьесу и тихо прошептала:

— Пьеръ!

Пьеръ никогда не видѣлъ у ней такого глубокаго, влажнаго взгляда и взялъ ея руку. У ней была горячая рука.

Мэри потупилась и молчала, удивляясь что она *это* позволяетъ ему, а онъ, вѣроятно, и не любитъ ее, и ухаживаетъ себѣ за Фаничкой...

— Вы все это время были холодны со мной, сказалъ Пьеръ.

Она молчала.

Онъ сильнѣе наклонился къ ней, обнявъ ее сверху.

Губы ея раскрылись... „Жизни, счастья!“ Мэри откинула голову къ нему на плечо.

Но звякнула калитка, ворота распахнулись...

Во дворъ въѣхалъ извозчичій экипажъ съ Ниной Сергѣевной и Фаничкой.

Пьеръ и Мэри вскочили, потрясенные ужасомъ. Мэри точно привидѣлся сонъ, отъ котораго краска бросилась въ лицо, когда она проснулась...

Она убѣжала.

Пьеру было не стыдно, а досадно. Онъ сталъ ходить по залѣ широкими шагами. Его никто не спросилъ, зачѣмъ онъ здѣсь. И безъ него догадались, что Мэри у себя. Съ нимъ ласково поздоровались, и Нина Сергѣевна ему даже обрадовалась. Когда Нина Сергѣевна ушла въ гостинную и кликнула Антипьевну, набить ей трубку, Фаничка беззвучно и торопливо поцѣловала Пьера и со смѣхомъ разсказала, что дамскую купальню унесло вихремъ, и онѣ напрасно проѣздились.

— Приходи завтра... послѣ обѣда... тихо сказалъ онъ.

Она потрясла головой.

— А въ шиповникъ?

Фаничка потупилась и играла стальной цѣпочкой у своего пояса.

— Никуда! сказала она весело и громко. И побѣжала, въ слѣдующую комнату, гдѣ, на глазахъ у Нины Сергѣевны, обняла Антипьевну.

— Мсье Пьеръ, пойдемте въ садъ, посмотрите, что сдѣлалось съ моими бѣдными цвѣточками...

— „Ахъ цвѣточки мои!..“ Пьеръ шелъ рядомъ и молчалъ. Ему казалось, что Мэри должна смотрѣть на него съ антресолей.

Но Мери плакала.

XXV

Пьеръ волновался, совѣтовался съ портнымъ, которому задолжалъ до ста рублей, и жаловался, что въ городѣ нѣтъ хорошихъ свѣжихъ перчатокъ.

— Представьте, лайка блеститъ, какъ клеенка!

Онъ мысленно расшаркивался, улыбался, говорилъ по-французски, „прекрасно танцовалъ“ съ Клавдіей Аполлосовной.

Въ университетскомъ городѣ, гдѣ онъ жилъ недурно, издавая литографическія записки профессоровъ, ему случалось бывать на вечерахъ. Но то были вечера почти мѣщанскіе, и его знали тамъ, какъ студента, здѣсь же было извѣстно, что онъ сынъ квартальнаго. Покойный отецъ его былъ не современный „помощникъ пристава“ или „приставъ“ — субъектъ уже нѣсколько „аблагароженный“,—а „кварташка“ героическаго періода...

Пьеръ былъ въ положеніи паука, котораго орлица пригласила сѣсть къ ней на хвостъ. А какъ вѣтеръ сдунетъ?

И онъ съ тоской смотрѣлъ на свою новую пару, висѣвшую въ его комнатѣ, въ углу, въ бѣлой простынѣ, сколотой булавками...

—≋—

XXV

Пьеръ отправился на вечеръ въ половинѣ одиннадцатаго. Ночь была темная. Керосиновые фонари чуть освѣщали фасады домовъ съ плотно закрытыми ставнями. Ничто не говорило о праздничномъ шумѣ, о блескѣ, о томъ, что онъ ожидалъ встрѣтить у Черемисовыхъ. Все было обыденно, и Пьеръ проникался

жалостью къ обитателямъ этихъ скромныхъ жилищъ, повитыхъ сномъ и скукой...

Когда въ передней губернаторскаго дома до него донесся говоръ гостей, его охватилъ радостный трепетъ. Того, чего онъ боялся—чувства неловкости—совсѣмъ какъ не бывало. Онъ увидѣлъ, что находится въ согласіи съ своимъ собственнымъ идеаломъ порядочнаго человѣка. Фракъ сидѣлъ на немъ прекрасно. И самъ онъ былъ прекрасенъ. Шумъ многолюднаго вечера влилъ въ него бодрость.

Залъ былъ залитъ мягкимъ свѣтомъ. Перистые листья пальмъ вырѣзывались на бѣломъ фонѣ филейныхъ гардинъ высоко надъ головами гостей. Черные фраки кучками тѣснились или одиноко бродили между модныхъ платьевъ съ длинными шлейфами и темными бантами на груди и выше колѣнъ. Мундиры сверкали золотыми и серебряными пуговицами, и звякали шпоры.

Изъ залы направо простиралась амфилада комнатъ. Тотъ же мягкій свѣтъ, та же зелень. Но фраковъ и мундировъ меньше — преобладали дамы. Онѣ празднично разговаривали, граціозно посмѣивались, и вѣера трепетали у нихъ на груди, какъ бабочки. На первомъ планѣ можно было разглядѣть еще бальныя платья съ кружевами. Корсажи были обтянуты стальными сѣтками и горѣли, какъ кирасы акробатокъ. Пьеръ видѣлъ модныя прически, бѣлыя лица, бѣлыя шеи. Мелькнула рука въ бѣлой перчаткѣ выше локтя и едва прикрытая у плеча газовой дымкой. Мелькнула тонкая талія, вся тѣлеснаго цвѣта. На плечѣ полной дамы, въ темнолиловомъ, дрожитъ красный бантъ. Но затѣмъ комнаты казались наполненными чѣмъ-то вродѣ облачковъ, полупрозрачныхъ и пестрыхъ; и только, какъ сквозь легкій туманъ, двигались въ дали букеты, лица, банты, плечи, локти, руки, эполеты, вѣера.

Пьеръ жадно вдыхалъ бальный воздухъ, пропитан-

ный духами и безпрестанно освѣжаемый—въ сосѣдней комнатѣ двери въ широкую галлерею и въ садъ были отворены настежь,—и искалъ глазами Черемисовыхъ. Князь, высокій, худой, старый, съ тусклыми глазами и отвислой губой, стоялъ недалеко отъ Пьера, окруженный пожилыми и почтенными людьми. Онъ велъ степенную рѣчь, раскачиваясь на каблукахъ.

Пьеръ сталъ ждать, когда Черемисовъ самъ замѣтитъ его, подстерегъ его взглядъ и отвѣсилъ глубокій поклонъ. Князь прищурился и протянулъ Пьеру руку.

„Говорятъ, министромъ будетъ", подумалъ осчастливленный студентъ.

Къ Пьеру подскочилъ, потрясая аксельбантомъ, графъ де-Гужаръ, адъютантъ жиндармскаго полковника, юный и стройный блондинъ съ любящимъ взглядомъ. Онъ схватилъ его за обѣ руки и сказалъ:

— Берите даму!..

Пьеръ вспомнилъ о Фаничкѣ и Мэри, и отыскалъ ихъ въ третьей комнатѣ. Онѣ сидѣли рядомъ.

Фаничкѣ удалось уже протанцовать польку. Но она была недовольна, что нѣтъ Пьера и никто не любуется ею. Представьте: корсажъ изъ блѣднорозовой матеріи и такая же юбка, и все это отдѣлано свѣтло-свѣтло-голубымъ фаемъ. Вмѣсто бантовъ, въ волосахъ, на лѣвомъ плечѣ и у полуоткрытаго ворота—маленькіе букеты изъ золотыхъ колосьевъ и маргаритокъ.

Мэри прислушивалась къ отрывочнымъ фразамъ и злилась: нафабренные офицерики идутъ возлѣ дамъ, держа лѣвую руку у сердца, и произносятъ—всѣ на одинъ и тотъ же ладъ: „Да-а?" „Та-акъ?" Она злилась на Фаничку, на себя. Мэри было стыдно своихъ голыхъ рукъ, суетнаго наряда. Каждую минуту она ждала, что увидитъ Пьера, и приготовляла въ умѣ злые и холодные отвѣты.

Но подошелъ Пьеръ. Фаничка вспыхнула. У Мэри закружилась голова, заныло внутри, и она все забыла...

Пьеръ посмотрѣлъ на нее ласково, смѣясь глазами, и Мэри, понявшая изъ этого взгляда, что онъ считаетъ ее своею, потупилась.

Пьеръ пригласилъ Фаничку, губы Мэри дрогнули.

Но Пьеръ бросилъ и Фаничку.

— Надо подойти къ княгинѣ.

Онъ даже не извинился. По пути онъ увидѣлъ Нину Сергѣевну и Федотову. Онѣ сидѣли за мраморнымъ столикомъ, пили оршадъ и разговаривали. Очевидно, только-что познакомились. Пьеръ встрѣтилъ глаза Нины Сергѣевны, недружелюбно пронизавшіе его—должно быть, ложь его о коляскѣ уже раскрыта—и сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ.

Музыка грянула ритурнель. Кавалеры разыскивали дамъ.

Пьеръ подошелъ къ Клавдіи Аполлосовнѣ. Она подала ему руку, въ длинной по локоть перчаткѣ. Молодое лицо, холодные глаза. Платье нездѣшняго шитья—новое, но уже присидѣвшееся, и не то простенькое, не то очень богатое. На груди съ выкатомъ и на голыхъ плечахъ кружева, точно струйки дыма.

— Мосье Pierre! — вы будете моимъ кавальеромъ... сказала она, слегка картавя.

Несбыточная мечта стала дѣйствительностью. Пьеръ сдѣлалъ знакъ графу, шедшему съ своей дамой, и повелъ Клавдію Аполлосовну въ залъ.

Танцуя, Клавдія Аполлосовна старалась управлять Пьеромъ.

Кадриль кончилась. Къ Пьеру подошла Фаничка съ блѣднымъ лицомъ. Онъ сталъ оправдываться.

Но загремѣлъ вальсъ. Шлейфы дамъ вытянулись, и изъ-подъ платьевъ выставлялись сближенные носки ботинокъ, прямые и острые. Фрачники тѣсной кучкой стояли у дверей и съ любопытствомъ смотрѣли на кружащіяся пары. Пьеръ видѣлъ, какъ Фаничка пронеслась съ высокимъ брюнетомъ. Пронеслась дама въ лиловомъ,

держа голову, какъ пристяжная лошадка. Плавно скользя, мелькнула и умчалась, какъ видѣніе, Клавдія Аполлосовна съ де-Гужаромъ. Пьеръ подхватилъ дѣвушку въ корсажѣ тѣлеснаго цвѣта и началъ кружиться съ нею, съ другой, съ третьей. Этотъ бѣшеный ритмическій бѣгъ съ красивыми женщинами, среди другихъ паръ, вертящихся во всѣхъ углахъ, съ безумнымъ упоеніемъ... „какой восторгъ“!

Клавдія Аполлосовна почти лежала на диванчикѣ, съ высоко и часто поднимающейся грудью. Пьеръ подбѣжалъ къ ней, она положила ему на плечо руку. Секунда — и завертѣлись стѣны съ окнами въ красивыхъ драпировкахъ съ бѣлыми гардинами, матовые шары лампъ, лица танцующихъ. Онъ слышалъ, какъ шуршитъ ея платье, какъ тяжело она дышитъ — все скорѣе и скорѣе, какъ въ тактъ змѣится ея тѣло...

Пьеръ задыхался. Какъ только вальсъ кончился, онъ почувствовалъ, что умираетъ. Онъ бросился въ садъ. Въ комнатѣ налѣво, за зелеными столами сидѣли губернскіе тузы — начальникъ мѣстныхъ войскъ въ жирныхъ эполетахъ, акцизный управляющій въ тараканьихъ усахъ, Шаровицынъ, какіе-то старички — и спокойно играли въ карты. Въ стеклянной галлереѣ мягко сіяли китайскіе фонари среди плющевыхъ гирляндъ. Обнявшись, ходили барышни. Пьеръ сошелъ по ступенькамъ. Садъ дремалъ, слабо освѣщенный. Только въ одной аллеѣ горѣли пестрые шкалики.

Пьеръ шелъ, и мягкій вѣтерокъ освѣжалъ его разгоряченный лобъ. Садъ былъ мало знакомъ ему, дорожки прихотливо переплетались; онъ уперся въ бесѣдку.

— Пьеръ!

Онъ вошелъ. На скамейкѣ, въ ночной мглѣ, сумеречнымъ пятномъ выдѣлялась женская фигура.

— Кто?

— Мэри.

— Мэри?

— Пьеръ! ради Бога! Подите сюда. Скажите мнѣ, что вы за человѣкъ? За что я люблю васъ, Пьеръ!

— Мэри! повторилъ онъ и обнялъ ее.

— Не надо, примите ваши руки, сказала она строго.

Наступило молчаніе.

— Слышите, о чемъ я прошу васъ, Пьеръ?

Пьеръ холодно сказалъ:

— Вы странная дѣвушка.

— Вамъ не стыдно за этотъ балъ?

— Какъ стыдно? воскликнулъ Пьеръ.

— Стыдно за себя, за всѣхъ... Поговоримъ...

Вальсъ звучалъ въ ушахъ Пьера, глаза Клавдіи Аполлосовны, казалось, смотрятъ изъ темноты сада.

— Пьеръ? Что же вы?... — вскричала Мэри: — ни слова!?...

Пьеръ засмѣялся.

— Уходите!

Онъ ушелъ бѣгомъ.

Графъ де-Гужаръ велъ новую безконечную кадриль и молодымъ, охрипшимъ голосомъ кричалъ: „chaîne de dames!“ „chaîne de messieurs!“ „en avant!“ „Corbeille!“ Всѣ поворачивались направо и налѣво, плавно прыгали, подавали другъ другу руки съ одной и той же улыбочкой, усталые, счастливые. Жидки страстно пилили на скрипкахъ, дули въ кларнеты и флейты, и ихъ черныя длиннополыя фигуры качались на эстрадѣ, въ глубинѣ залы.

Проплясали мазурку и двинулись ужинать. Огромный столъ былъ накрытъ въ галереѣ, весь въ цвѣтахъ, серебрѣ и канделябрахъ, отражавшихъ свои огни въ граненомъ хрусталѣ. Клавдія Аполлосовна съ безпокойствомъ взглянула на учителей гимназіи, которые не танцовали и держались тѣсной кучкой, пощипывая бородки и бороды, а теперь первыми заняли мѣста и самодовольно переглянулись. Первые усѣлись и

чиновники губернскаго правленія, напряженно улыбаясь. Хозяйка дома опасалась, что за общимъ столомъ не хватитъ мѣстъ дамамъ и нѣкоторыхъ придется посадить отдѣльно; произойдутъ непріятности.

Такъ и случилось. Нина Сергѣевна попала за отдѣльный столикъ. И хотя хозяйка подходила къ этому столику и говорила любезныя и пріятныя слова, старуха не могла ѣсть отъ волненія. На своихъ сосѣдокъ она смотрѣла съ презрѣніемъ и молчала.

Вообще она чувствовала себя нехорошо. Еще съ утра былъ посланъ на хуторъ человѣкъ за лошадьми, куда онѣ, изъ экономіи, каждое лѣто уводились на подножный кормъ, и до десяти часовъ не возвращался — и она выходила изъ себя. Счетъ мадамъ Сесиль вывела не въ сто, а въ сто тридцать рублей. Часть обивки въ каретѣ кто-то укралъ. Она познакомилась съ Федотовой, дамой съ большимъ тонкимъ ртомъ, и стала бесѣдовать съ ней по душѣ, съ соблюденіемъ дворянскаго тона — и на что она нарвалась! Федотова не участвовала въ загородномъ гуляньѣ молодыхъ людей. Коляски у ней нѣтъ, а „ѣздіетъ“ она въ двумѣстной каретѣ. О гуляньѣ слыхала... „Это было вотъ когда...“ сказала она и точно опредѣлила время. Ея нянька-старуха видѣла на разсвѣтѣ изъ окна толпу гимназистовъ и гимназистокъ и Рубанскаго, котораго знаетъ—онъ былъ у Федотовой раза два, но его приняли холодно. Рубанскій велъ подъ руку блондинку и брюнетку. На одной была „черкесская кофта“. Всѣ были „немножко въ градусѣ“, нѣкоторые даже падали и, говорятъ, утромъ „ихъ подбирали на улицахъ“ — сказала Федотова, сверкнувъ глазками *съ наслажденіемъ* — такъ показалось Нинѣ Сергѣевнѣ, которая, багровѣя, слушала свою собесѣдницу. „Но этого мало“, продолжала Федотова радостнымъ шепотомъ.—„Что у нихъ было тамъ за Десной, въ лѣсу!“ Она потрясла головой, ладонью, и

стала шептать нелѣпый разсказъ. Нина Сергѣевна грубо сказала: „Неправда, тамъ были мои дочери—Лос-кости-ны, милостивая государыня!“—и отвернулась, опрокинувъ оршадъ, который потекъ по мраморной доскѣ на платье Федотовой. Федотова должна была сдѣлаться ея злѣйшимъ врагомъ. Но этимъ Нина Сергѣевна кому обязана? Пьеру. Онъ устроилъ гулянье. Ничего такъ не боялась Нина Сергѣевна, какъ злословія. Сама она никогда не сплетничала, но вѣрила, что во всякомъ вздорномъ слухѣ есть частица правды. Если на разсвѣтѣ Пьеръ велъ подъ-руку ея дочерей черезъ весь городъ, въ обществѣ подвыпившей молодежи, то ужъ и это безпримѣрный скандалъ... Она гнѣвно вздохнула, и ей показалось, что въ гостиной нѣтъ воздуха и что платье слишкомъ тяжело — старинное, добротное, изъ гро-гро—и особенно тяжела брошка у горла, усѣянная алмазами и изумрудами плоской грани и украшавшая собою когда-то гетманскій поясъ ея предка.

Въ обширной галереѣ, открытой съ боковъ, такъ что виднѣлось черное небо, воздуху было еще меньше, чѣмъ въ гостиной. Она хваталась отъ времени до времени за шею и тихонько разстегнула воротъ платья. Въ ушахъ стучало, сердце отяжелѣло...

Она досидѣла до конца ужина и строго сказала дочерямъ:

— Ѣдемъ...

Фаничка, у которой блестѣли глаза отъ шампанскаго, встревоженно спросила:

— Что съ вами, maman?

Мэри замѣтила гнѣвъ въ ея глазахъ, что-то грозное, страшное...

Онѣ уѣхали первыя. Свѣтало.

XXVII

Въ каретѣ Нина Сергѣевна повелительно произнесла:

— Мерзкаго мосье Пьера не принимать.

Брошку она рванула и отдала Мэри.

Лошади одичали на хуторѣ и несли; деревья, дома, фонари сливались въ разсвѣтномъ сумракѣ въ бѣгущія назадъ полосы. Какая-то гайка дребезжала.

Нина Сергѣевна взглянула на небо. Горитъ небо. Мэри и Фаничка красныя-красныя.

— Ай! вскрикнула Лоскотина.

Фаничка взяла мать за одну руку, Мэри за другую.

— Ахъ, я падаю! Помогите!

— Maman! сказала Мэри.

— Мама! по-дѣтски вскричала Фаничка.

Карета мчалась. Небо не горѣло—заря еще не занималась. Только на востокѣ ширилась блѣдно-зеленая полоса.

Пріѣхали.

Нину Сергѣевну перенесли въ домъ. Она лежала неподвижно, и страшны были ея глаза. Она хотѣла говорить, изъ горла раздался клекотъ.

Фаничка и Мери зарыдали.

Нина Сергѣевна умирала. Красный сумракъ сгущался. Она слышала звонъ колокольчиковъ. Горѣлъ огнями старый домъ. Кавалеры въ пестрыхъ жилетахъ, она въ бѣломъ платьѣ съ узкими рукавами. Воспоминанія столпились у ея изголовья. Давно погасшіе образы еще разъ прощались съ нею. Они покидали ее.

„Но Фаничка?.. Мэри?.. Лиза!?“...

Шаршмитъ прискакалъ. Онъ сосчиталъ пульсъ. Надежды не было.

Антипьевна побѣжала за священникомъ.

Среди ужасающей тишины, въ которую погружал-

ся отходящій духъ, стали мѣрно стучать тяжелые шаги. Нина Сергѣевна широко раскрыла глаза. Вошли мужики. Четыре человѣка — четыре палача. Они въ красныхъ рубахахъ, и подмигиваютъ Нинѣ Сергѣевнѣ, и засучиваютъ рукава. „Это мнѣ представляется или это“... — и мысль ея цѣпенѣетъ. „Ну, ребята!“ „Ну, разомъ!“ кричатъ бородачи глухими голосами. Кровать заколебалась... Нина Сергѣевна вытянулась и уставилась глазами въ одну точку.

Священникъ появился со святыми дарами, торопливо облачаясь на ходу.

XXVIII

Прошло около двухъ недѣль. Фаничка стала чувствовать себя свободной, могла ходить куда угодно, спать хоть до обѣда. Глаза ея глядѣли увѣреннѣе, она расцвѣла. Ее посѣщали подруги—она возила ихъ на хуторъ, дѣлала имъ подарки. Онѣ забирались на антресоли, и всю ночь Мэри слышала, какъ онѣ болтаютъ.

Мэри нѣсколько разъ заговаривала съ Фаничкой, что нехорошо—она точно радуется, что maman умерла. Фаничка накричала на сестру—и онѣ поссорились. Мэри переселилась въ спальню maman.

Маша, пріѣхавъ изъ деревни, заходила къ Мэри, бесѣдовала о Лизѣ, уныло вздыхала. Побывала Клавдія Аполлосовна.

Мэри вѣрила въ загробную жизнь, и ей казалось, что душа maman гнѣвно смотритъ на нее изъ могильнаго сумрака. Согласно волѣ maman, она приказала не принимать Пьера.

Пьеръ обидѣлся. Онъ написалъ Фаничкѣ длинное письмо, Фаничка пригласила его къ себѣ.

Пьеръ былъ въ черномъ сюртукѣ, она въ траурномъ

платьѣ. Они смотрѣли другъ на друга и сдержанно улыбались. Все прежнее было не серьезно. Она простила ему обиду на вечерѣ. Серьезнымъ представлялось ей только это свиданіе. Пьеръ почти испугался.

На другой день — опять свиданіе и та же сдержанность.

Но это было не долго.

Стройная, темноглазая, съ цвѣтущимъ лицомъ, капризными губами, съ красивыми продолговатыми кистями рукъ, лебяжьей шеей, волнистыми волосами, густо покрывающими голову, съ кудрявыми подволосками на бѣломъ и нѣжномъ загривкѣ, Фаничка была соблазнительна.

Пьеръ обнялъ ее, и они поцѣловались. Ледъ былъ разбитъ.

Это происходило на балкончикѣ. Тополи шумѣли. Влюбленнымъ казалось, что они одни.

Но Мэри видѣла ихъ. Она пришла... чтобъ взять изъ кіота медальонъ съ волосами maman. Дверь была раскрыта. Они сидѣли спиной къ ней и не слышали мягкихъ шаговъ.

— Фаничка!—испуганно вскричала она и схватила сестру за плечо.

Фаничка обернулась и смотрѣла на Мэри растерянным взглядомъ. Пьеръ крутилъ усикъ.

— Это Мери!—сказала Фаничка и улыбнулась, передвинувъ на плечахъ пелеринку.—Мой женихъ...

— Ты забыла о распоряженіи maman?—

— Maman умерла!

—≋—

XXIX

Звонили къ вечернѣ. Солнце горѣло на главахъ церквей. По голубой Деснѣ серебряными петлями струилась рябь. Косо падали съ веселъ продолговатыя

капли. Лодка летѣла стрѣлой. Фаничка управляла рулемъ; Пьеръ въ соломенной шляпѣ сидѣлъ противъ нея; молодые люди обоего пола разговаривали или гребли, замолкая, когда надо было „наддать".

Городъ вынурнулъ направо. Налѣво убѣгалъ плоскій песчаный берегъ.

— Увы, сейчасъ пріѣдемъ!—сказала Фаничка.

— А мнѣ надоѣло катанье,—замѣтилъ Пьеръ.

— Почему?

— Много постороннихъ глазъ...

Лодка стала описывать полукругъ. Городъ былъ близко—рукой подать. Виднѣлись купальни.

— Пьеръ? — Поѣдемъ на хуторъ и обручимся... Завтра?.. Господа!..—крикнула Фаничка, и пригласила гостей.

— Ладно!

Уключины затрещали. Гребцы пустили лодку. Пристань бѣжала на-встрѣчу. Изъ купаленъ несся крикъ женщинъ и дѣтей. Голыя тѣла барахтались въ водѣ, соскальзывая съ фыркающихъ лошадей. Лодка ударилась въ пристань.

XXX

На другой день Пьеръ одѣлся въ холстъ — по дачному, и только что хотѣлъ ѣхать, какъ вошелъ ливрейный лакей и подалъ письмо съ княжескою короною.

Клавдія Аполлосовна приглашала его къ себѣ на пять минутъ, „для необходимыхъ переговоровъ".

Онъ подумалъ: „какъ не кстати".

И, однако, надо было. Это нѣчто стихійное. Фаничка разсердится, онъ поздно явится, но... Онъ переодѣлся, и въ назначенный срокъ о немъ доложили княгинѣ.

Она велѣла сказать, чтобъ онъ шелъ въ будуаръ.

Было темновато отъ тропической зелени и драпиро-

вокъ, и, среди сѣрыхъ атласныхъ диванчиковъ, креселъ, пуфовъ, козетокъ, зеркалъ въ фарфоровыхъ рамахъ, фарфоровыхъ столиковъ и этажерокъ Пьеръ едва разглядѣлъ Клавдію Аполлосовну.

Она лежала на кушеткѣ, въ свѣтлой блузѣ съ темными бантами, и спросила:

— Вы женитесь?

— Княгиня, васъ интересуетъ?

Она все лежала на кушеткѣ, въ свободной и даже красивой, и даже слишкомъ домашней позѣ.

— Я ѣду послѣ завтра въ Біарриць съ маленькимъ княземъ.

Она помахала себѣ въ лицо вѣеромъ.

— Хотѣли бы вы удержать за собой урокъ?

— То есть...

— Ну, да,—сказала она, угадавъ его мысль.

Онъ вспомнилъ балъ, вальсъ, взглянулъ на Клавдію Аполлосовну.

— Съ удовольствіемъ, Клавдія Аполлосовна!

Она улыбнулась.

Онъ покраснѣлъ.

Помахивая вѣеромъ, и сама краснѣя, она продолжала:

— Но это не все...

И указала глазами на кушетку.

Онъ сѣлъ, зубы его стучали.

— Такъ вы не женитесь? — тихо и протяжно спросила Клавдія Аполлосовна.

XXXI

Пьеръ уѣхалъ отъ Черемисовыхъ въ шесть часовъ. Въ карманѣ у него лежало три сотенныхъ, и онъ расплатился съ портнымъ и другими кредиторами помельче, а въ еврейскихъ лавкахъ накупилъ необходимыхъ для дальняго путешествія вещей. Онъ не забылъ

о Фаничкѣ и о хуторѣ, но все это казалось ему почти забавнымъ. Онъ стоялъ теперь на высотѣ неизмѣримой, точно открылось, что онъ — ближайшій наслѣдникъ владѣтельнаго князя. Пирогъ—„вѣроятно, скверный“—могли съѣсть и безъ него; и надо разорвать съ Фаничкой. Онъ поѣхалъ къ Лоскотинымъ все объяснить.

Въ передней отъ горничной онъ узналъ, что Фаничка въ бесѣдкѣ.

— Что жь она?..

— Плачутъ.—Ждали васъ, ждали... „Кушайте!“ говорятъ гостямъ, а сами не кушаютъ. Ну, гости—что имъ? — допались — ничего не оставили...

—Ммм... промычалъ Пьеръ.—Милочка, получи рубликъ—не говори, что я пріѣзжалъ...

Онъ полетѣлъ домой.

— Пьеръ, ты въ синихъ очкахъ?

— Глаза разболѣлись... Послушай, Маша...

Онъ горячо просилъ ее быть посредницей.

— Пьеръ! Ахъ, Пьеръ! Бѣдная дѣвочка!

Онъ сказалъ выразительнымъ шопотомъ:

— Я не долженъ любить никого.

— Почему, Пьеръ?

— У меня связь...

— Съ кѣмъ?—воскликнула Маша.

— Не догадываешься? — произнесъ онъ и серьезно глядѣлъ на сестру нѣсколько секундъ, пока за дверями не раздалось хихиканье Ланина...

Пьеръ рѣшилъ написать Фаничкѣ.

— ✉ —

XXXII.

Письмо испугало молодую дѣвушку, еще не будучи прочитано. „*Отвѣта ненадо*“. Фаничка цѣлый часъ проносила его въ карманѣ. Казалось, въ немъ ядъ, и ей хотѣлось отдалить роковую минуту.

Стало темнѣть. Мэри такъ вела домъ, чтобъ соблюдался порядокъ, заведенный Ниной Сергѣевной. Чай продолжали пить на террасѣ, при свѣчахъ. Фаничка перешла въ гостиную и легла на диванъ; отъ чаю отказалась. Мэри сидѣла къ ней спиной въ рамѣ открытыхъ дверей. Иногда Фаничка ненавидѣла ее за то, что у ней такая спина. Въ темнотѣ письмо было не такъ страшно. Отъ него пахло духами. Она сорвала конвертъ; развернула твердую почтовую бумагу. Пальцы дрожали. Она помѣстила письмо въ полоску свѣта на диванѣ и стала читать.

Мэри думала о Лизѣ, которая одна въ состояніи повліять на Фаничку. Расточительность Фанички злила ее. Сегодня она бросила двадцать два рубля.

Но она услышала стонъ. Кто-то глухо зарыдалъ... Мэри вскочила.

— Что съ тобой, дорогая?—вскрикнула она.

Фаничка поймала руку Мэри и прижала къ груди.

— Мэри! — Какое письмо прислалъ мнѣ онъ!

Она привстала на диванѣ и обняла Мэри, пряча въ ея волосахъ мокрое лицо.

— Голубочка! Прости меня за все!

— Фаничка!.. Забудемъ!..

— Ахъ, Мэри! Я ревновала!

— Оставь, Фаничка!..

Фаничка продолжала:

— Ты—милая, хорошая, а я ревновала!

— Фаничка, но гдѣ письмо?

Рыданія Фанички возобновились.

— Про-чти!

Мэри сама заплакала и осыпала Фаничку поцѣлуями. Фаничка голосила, но уже горе не казалось такимъ громаднымъ, какъ въ началѣ, и она рѣшила разсказать Мэри *все*. И разсказала. Но, разсказавши, удивилась, что почти утѣшилась и не можетъ больше плакать.— „Мэри, конечно, подумаетъ, что я безсердечная“,—ска-

зала она себѣ, но все-таки разочекъ даже улыбнулась. Только у Мэри текли изъ глазъ слезы, хотя лицо сіяло кротостью. Никогда она,—со дня послѣдняго свиданія съ Лизой,—не была еще такой прекрасной.

Сестры легли спать вмѣстѣ. Онѣ не могли разстаться. На кровати maman было просторно, и онѣ вспомнили, какъ въ дѣтствѣ у нихъ тоже была общая постель. Фаничка утѣшилась окончательно. Она бранила Пьера и увѣряла, что у него круглый ротъ.

— Знаешь, какъ у вьюна?—сказала она, устремляя глаза на ярко-горѣвшую лампадку.

Помолчавъ, она произнесла:

— Мэри, помнишь, на балу со мной танцовалъ брюнетъ. Ужъ получше Пьера! И литераторъ!.. Онъ просилъ позволенія пріѣхать къ намъ, но катастрофа помѣшала... Фамилія его Лаптевъ.

Она вздохнула.

— А если онъ изобразитъ меня?

Мэри промолчала.

— Непріятно, — пояснила Фаничка. — А впрочемъ! На мнѣ было прехорошенькое платье!.. Нельзя же безъ платья описать.—Я всегда платья описываю,—проговорилась она.

— Какъ описываешь?

Фаничка стала хохотать, держа руки у лица.

— Ну, Мэри: я пишу...

— Стихи?

— Повѣсти, романы...

— Фаничка!

— Страшную чепуху—честное слово!..—А сейчасъ задумала драму: „Черное сердце“.

Она сказала и заплакала.

И снова стала утѣшать ее Мэри.

Но настало время, когда имъ захотѣлось спать. Онѣ устали и отъ слезъ, и отъ разговоровъ.

XXXIII.

Гдѣ это звенитъ?.. Не въ ушахъ-ли? —Дѣвушки лежали неподвижно, боясь потревожить одна другую, и чутко прислушивались. Звонъ безпокоилъ ихъ. Сначала онъ былъ слышенъ чуть-чуть, но все росъ, пронизывая ночную тишину своимъ мѣрнымъ „динь-динь“... Онъ ужь близко. Почтовый колокольчикъ! Мэри подняла голову; слегка подняла голову Фаничка. „Динь-динь“, „динь-динь“, „динь-динь“... Колокольчикъ всегда наводитъ на размышленія. Хочется узнать: кто ѣдетъ? Куда? И почему-то сочувствуешь и завидуешь безвѣстному путнику. И иногда вздохнешь. „Динь-динь-динь-динь“ загремѣлъ колокольчикъ у самыхъ воротъ, внезапно замолкъ, словно оборвался; и слышно фырканье лошадей и людской говоръ. Дѣвушки разомъ вскочили съ постели. Онѣ недоумѣвали, кто бы могъ пріѣхать.

— Арендаторъ—предположила Фаничка.

Калитку отворилъ дворникъ, и въ голубомъ сумракѣ лунной ночи показалась стройная женская фигура во всемъ темномъ.

Дворникъ низко поклонился и кинулся къ воротамъ отпирать.

— Лиза!—крикнули обѣ дѣвушки и, въ рубашкахъ, едва успѣвъ зажечь свѣчку, побѣжали въ переднюю. Онѣ отворили дверь, и только вошла Лиза, какъ дружно обняли ее и стали цѣловать съ крикомъ и смѣхомъ. Ихъ радость была неизъяснима. И имъ казалось, что это пріѣхала къ нимъ новая maman, молодая, прелестная, которая никогда ужъ не покинетъ ихъ.

Январь, 1882.
„Отеч. Записки“, мартъ, 1882.

ИСКРА БОЖІЯ

I

Пылало солнце въ безоблачной лазури послѣ грозы. На улицахъ бѣлѣлись песчаныя русла. Было утро.

Фелицата Іадоровна сидѣла, улыбаясь, у открытаго окна низенькаго дома съ палисадникомъ. Она расправляла складки на пышныхъ рукавахъ своей малорусской сорочки рукою полной, какъ французская булка, и думала:

„Хоть и сорокъ лѣтъ, а красавица!“

Подойдя къ зеркалу, блестѣвшему въ простѣнкѣ, она осматривала себя.

„Талія расплывась, правда; но зато спина хорошая“.

И она старалась увидѣть себя со спины.

„И коса не жидкая“.

Фелицата Іадоровна любила въ полголоса выражать мысли. Собесѣдникомъ своимъ она представляла генерала Бакланова. Она изливалась передъ нимъ, а онъ смотрѣлъ на нее соколинымъ взглядомъ. Бесѣда касалась щекотливыхъ вопросовъ—Фелицата Іадоровна краснѣла.

На улицѣ показалась молоденькая дѣвушка въ голу-

бомъ платьѣ и соломенной шляпкѣ, съ золотыми кудрями.

— Адель! крикнула Фелицата Іадоровна укоризненно.

— Тетушка!

— Гдѣ ты пропадала всю ночь?

Дѣвушка, не отвѣчая, вошла въ домъ.

Она сбросила шляпку и перчатки въ угловой комнатѣ. Свѣтъ падалъ съ обѣихъ сторонъ. Солнце мазнуло по розовому платью на столѣ, у котораго стояла другая дѣвушка, покрупнѣе, съ русыми косами, стройная и полногрудая. Она обернулась и произнесла:

— Адель еще мамзель?

— Ахъ, Серафимочка.

— Позоръ!..

— Ночевала у Лоскотиныхъ, сказала Адель.

— Когда-жъ вы успѣли познакомиться?

— Развѣ я тебѣ не говорила!..

Серафимочка взяла сестру за плечи и пронзила ее взглядомъ слѣдователя.

— У нихъ?

— Гдѣ-же?

— Какая вы, можно сказать, брехунья! Не съ вашимъ рыломъ, милостивая государыня!—сказала Серафимочка и побѣжала.

За ней Адель.

— Тетушка, допросите ее про Шарамыкина...

— Тетушка!

Слезы брызнули изъ глазъ Адели.

Фелицата Іадоровна приняла ея сторону.

— Сплетница, замолчи! Лучше себя побереги! Съ глазъ долой.

Серафимочка беззвучно раскрыла ротъ и показала зубы, острые, какъ у крысы.

— Пшла!!!

У тетушки было много причинъ ненавидѣть Серафимочку; съ омерзеніемъ она смотрѣла ей вслѣдъ.

Адель разсказала тетушкѣ, что послѣ катанья на лодкѣ она хотѣла сейчасъ же идти домой, и у ней былъ даже провожатый—Шарамыкинъ („Тутъ, кажется, нѣтъ ничего дурного!“), но Фаничка зазвала къ себѣ. Богачкамъ отлично живется на свѣтѣ! Слѣдовало перечисленіе предметовъ, украшающихъ домъ Лоскотиныхъ.

Тетушка поцѣловала племянницу.

— Глупенькая! Я дурного не думала!

— Тетушка, начала Адель, утирая слезы: — вы сегодня прехорошенькія...

— Нравится моя рубашка?

— Что рубашка! Лицо!

Дѣвушка свернула платокъ въ комочекъ и спрятала.

— Лицо у меня моложавое!

— Щечки!

— Генералъ говоритъ, что у меня носъ національный...

— Носикъ курносенькій...

Раздался мягкій стукъ рессорнаго экипажа.

— Уходи, Адель! строго прошептала Фелицата Іадоровна.—Легокъ на поминѣ!

Дѣвушка посмотрѣла на развѣвающіеся конца ея пояса, усмѣхнулась и, придя къ себѣ, сказала Серафимочкѣ, торопливо пришивавшей пуговку къ воротничку:

— Чтò взяла?..

—⁂—

II

Отъ генерала пахло жасминомъ. Въ жирной мякоти вѣкъ сверкали черные глаза и багровый носъ былъ вздернутъ. На выпуклой груди, въ петлицѣ черной жакетки, бѣлѣлъ крестъ. Генералъ ласково басилъ,

шепелявя, и смѣялся, выгнувъ ноги въ дугу. Фелицата Іадоровна привела его въ гостиную, усадила на кресло, обитое новой клеенкой, противъ горки съ фаянсовыми куколками, и не спускала съ него сіяющаго взгляда.

— Я къ вамъ съ просьбой, началъ онъ:—драгоцѣнный другъ мой, одолжите еще сотенки четыре вашихъ „карбованцевъ“.

Росписокъ Бакланова у Фелицаты Іадоровны было уже тысячи на полторы, что составляло четвертую часть ея капитала, который былъ весь розданъ жидкамъ, платившимъ по три и по пяти процентовъ въ мѣсяцъ. Генералъ же такихъ процентовъ не платилъ.

— Ваше превосходительство! сказала Фелицата Іадоровна.

— Ну-съ?

Фелицата Іадоровна была убѣждена, что на свѣтѣ нѣтъ лучше человѣка, но нѣтъ и расточительнѣе. Въ день онъ выпиваетъ четыре бутылки портвейна по три рубля, а если перестанетъ, то умретъ отъ ранъ. Получивъ въ Петербургѣ аренду, Баклановъ спускаетъ ее мигомъ; настоящему генералу на пять тысячъ наплевать. Раздаетъ направо и налѣво—только заведется въ карманѣ копѣйка, а у самого домъ описанъ. Глаза надъ нимъ нѣтъ. Вдовецъ.

— Эхъ, Платонъ Платонычъ! — воскликнула Фелицата Іадоровна.

Но генералъ потрясъ пальцемъ.

— Ахъ, Боже мой! — Ахъ, ваше превосходительство!... Всѣхъ-то денегъ у меня хорошо ежели на двѣ сотни наберется!...

Она закрыла глаза рукой и ждала, что генералъ „воспользуется“; но у генерала всѣ помыслы были сосредоточены на деньгахъ.

— Давайте двѣсти.

Фелицата Іадоровна изъ-подъ руки конфузливо посмотрѣла на генерала.

— Недобрый вы! — повторила она, — приготовила, что нужно для написанія росписки, и вынесла изъ спальни пачку десятирублевокъ.

— Все притворяетесь, почтеннѣйшая. У васъ денегъ куры не клюютъ!

Она покраснѣла.

— Я вся передъ вами. Видитъ Богъ, ничего не скрываю!

— Замужъ надо.

Она потупилась.

— М-да!.. — произнесъ генералъ. — Есть у меня на примѣтѣ капитанъ... Были товарищами когда-то... У него пальцевъ нѣтъ, но не съ пальцами жить, Фелицата Іадоровна!..

Она помотала головой.

— Недовольны? Пришлю съ пальцами...

— Не смѣйтесь надъ сиротой, ваше превосходительство! — сказала Фелицата Іадоровна съ грустью, останавливая взглядъ на пальцахъ генерала.

Онъ спряталъ руку въ карманъ и произнесъ:

— М-да, мой другъ! — Но гдѣ-жъ Серафимочка?

— Ушла съ утра... Что въ ней вы находите, удивляюсь! — прибавила она, кокетливо поднимая пестрый передникъ.

Генералъ подошелъ къ зеркалу и провелъ рукой по бакенбардамъ.

— Свѣжесть!

Фелицата Іадоровна хотѣла возразить и поблѣднѣла: на порогѣ показалась Серафимочка. Генералъ, обернулся и схватилъ ея руки. Дѣвушка засмѣялась серебристымъ смѣхомъ.

— О, о, о!

„Голосъ себѣ какой сочинила!“ подумала тетушка.

— Оставьте! О!

Носъ генерала раздувался.

— А куда вы уходили? — допрашивалъ онъ. — Купаться, Чего краснѣете?.. Птичка! Порхъ!

— Ахъ!

— Тс! Позвольте! — По васъ ползетъ жукъ! Мо-охнатый жукъ! Ужасно!

Онъ протянулъ пальцы. Она стала вскрикивать. Манишка выбилась изъ разрѣза.

— Жюкъ!

— О, о, о!

Тетушка изъ-за его спины потрясала кулакомъ.

Баклановъ сунулъ за манишку сверточекъ.

Серафимочка закрыла горло рукой и убѣжала.

Генералъ тяжело дышалъ. Выраженіе лица Фелицаты Ѳадоровны было нравственное. Но изъ любезности она сдерживала гнѣвъ.

— Прощайте!—весело сказалъ генералъ. Да будетъ вамъ хорошо!

III

Серафимочка опрометью вбѣжала къ сестрѣ и начала танцовать, напѣвая:

— Буд-детъ паль-то, буд-детъ пальто!..

Розовымъ зонтикомъ раздувалось ея платье. Запыхавшись, она бросила на столъ красненькую.

— Генералъ опять далъ... Смотри! Всѣхъ у меня теперь двадцать пять!

Адель встала.

— За что?

— Такъ.

Адель не отрывала глазъ отъ ассигнацій.

— Займи мнѣ три рубля...—сказала она съ робкой улыбкой.

— Извинись, дамъ.

Адель сказала:

— Прости, хотя я не знаю за что... Ну, давай!

Серафимочка посмотрѣла на нее сверху внизъ.

— Унизительная тварь! Ты приняла въ серьезъ? Держи карманъ!

Адель осыпала сестру бранью.

Вошла тетушка и напала на старшую племянницу.

— Ехидна! У-у!..

Серафимочка присѣла на подоконникъ и зло молчала.

Жулька ласково взвизгнула на дворѣ. Шелъ Шарамыкинъ.

— Людей постыдитесь! — сказала Серафимочка.

Тетушка стихла.

Въ окно просунулась мохнатая бѣлая рука. Показалась голова. Шарамыкинъ смѣялся всѣмъ своимъ бритымъ лицомъ, и возлѣ прекрасныхъ глазъ его лучами ложились морщины на загорѣлой кожѣ. Онъ былъ брюнетъ, съ широкой костью, плотный, въ красной рубахѣ съ косымъ воротомъ, и въ бархатной курткѣ.

— Что вы не старѣетесь, Романъ Парамонычъ? — спросила Фелицата Іадоровна.

— Сорокъ второй годокъ всего... Не время, отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея пальцы.—А Адель Карповна?

— Адель? — крикнула тетушка.

Онъ махнулъ кистью руки, поднялъ бровь и понюхалъ табаку.

— Адель!

На лицѣ Адели расплылся румянецъ розовыми пятнами, и полуоткрытыя губы были красны, а брови чернѣли тонкими дугами на гладкомъ лбу въ сіяніи золотыхъ и густыхъ, какъ шерсть, волнистыхъ волосъ.

— Дитя мое дорогое!—сказалъ Шарамыкинъ нѣжно.— А вы, Серафима Карповна, смѣетесь? — обратился онъ къ той, грозя пальцемъ. Черезъ годъ — не узнаете... Голову свою лысую на отсѣченіе даю... Двѣсти рублей и два полубенефиса!

Онъ бережно поцѣловалъ руку Адели. Фелицата Іадоровна задумчиво сказала:

— А, можетъ, у ней судьба такая...

Шарамыкинъ втянулъ еще огромную понюшку и крякнулъ, прослезившись. Серафимочка прошлась по комнатѣ, закинувъ голову. Фелицата Іадоровна предложила гостю остаться обѣдать.

Шарамыкинъ, войдя, весело спросилъ:

— Борщъ съ мармеладомъ будетъ?

И онъ сѣлъ, разставивъ свои огромныя ноги, посмѣиваясь и отирая потъ съ лица фуляровымъ платкомъ.

IV

Въ окнѣ появилось новое лицо — худой человѣчекъ съ высокимъ лбомъ, бѣлый, старообразный, и съ оттопыренными блѣдно-синими губами; казалось, ему холодно. Глаза, большіе и черные, смотрѣли пугливо и заискивающе, а на головѣ, низко остриженной, но курчавой, серебрилась сѣдина. Наумъ Семеновичъ Зильберманъ.

Актеръ обернулся и смотрѣлъ на молодого человѣка дружелюбно, протянувъ вспотѣвшій подбородокъ надъ горячей кашей.

— А! милости просимъ! вскричала Фелицата Іадоровна, безпокойно заглянувъ въ горшокъ. — Каши не уважаете?

Зильберманъ замялся.

— Иди, ѣшь, Іуда! произнесъ Шарамыкинъ.

Зильберманъ вошелъ.

— Нашли мѣсто? спросила Фелицата Іадоровна, погружая въ кашу капельку масла и тщетно стараясь извлечь другую изъ пустой маслянки.

— Нашелъ, отвѣчалъ Зильберманъ, слѣдя за ея руками. Голосъ у него былъ нѣжный и дребезжащій.

Дѣвушки поздравили его. Тетушка тоже. Шарамыкинъ сказалъ сначала: „Вре“, но, взглянувъ на Зильбермана, улыбнулся.

— Хорошо! Ты мнѣ два рубля отдашь.

Зильберманъ покраснѣлъ. Онъ сталъ набивать ротъ кашей, и думалъ, что надо отдать Шарамыкину, и другимъ, а долженъ онъ рублей семьдесятъ. Впередъ онъ получилъ сегодня пятьдесятъ, и ему не хватаетъ двадцати-пяти.

— Какое-жь мѣсто? гдѣ? спросили всѣ разомъ.

— Въ деревнѣ, отвѣчалъ Зильберманъ таинственно.

— Знаю гдѣ! крикнула Адель. — Управляющимъ у Лоскотиныхъ!

— То-есть, не управляющимъ, возразилъ Зильберманъ.—Прикащикомъ, или, если хотите, повѣреннымъ. Лизавета Павловна и Марья Павловна, сестрица ея, полагаютъ землю современемъ возвратить крестьянамъ. А пока я долженъ буду воздержать ихъ отъ переселенія. У Лизаветы Павловны такой взглядъ, что незачѣмъ переселяться, когда подъ бокомъ сколько угодно... Исторически говоря...

— Дура-то, дура, Боже мой! воскликнула Фелицата Іадоровна, всплеснувъ руками.

Серафимочка расхохоталась.

Шарамыкинъ ударилъ Зильбермана по плечу.

— Комедія?

Зильберманъ нахмурился.

— Ты всего не можешь понимать! сказалъ онъ Шарамыкину. — Нѣтъ комедіи. Увѣряю васъ, обратился онъ къ Фелицатѣ Іадоровнѣ: — Лизавета Павловна не дура.

— Но что же тутъ комическаго? обратился онъ къ актеру.—Развѣ ты смѣешься надо мной, что я ушелъ отъ своихъ евреевъ!? Бросилъ состояніе?! Отрекъ...

— Э! перебилъ его Шарамыкинъ. — У тебя ин-

стинктъ благородный проснулся—отъ пархов тошнить стало! Чеснокъ, анаѳемы, жрутъ!

— Оставь, пожалуйста. Я оттого ушелъ, что чеснокъ?

— Ай вай миръ! закричалъ Шарамыкинъ.

— Нѣтъ, отвѣть! приставалъ Зильберманъ. — Бросилъ я состояніе?

— Ай, ай! Вай!

— Въ самомъ дѣлѣ... бросилъ я...

— Ой!..

— Я оттого ушелъ... началъ Зильберманъ съ дрожью въ голосѣ; но, услышавъ, какъ смѣются дамы, которыхъ распотѣшилъ Шарамыкинъ своимъ кривляньемъ, умолкъ.

Онъ всегда робѣлъ; не стоитъ „бисеръ метать“; оттого и не высказывался. А высказать хотѣлъ бы многое. Живо представилась ему домашняя обстановка: мать въ шелковомъ парикѣ и отецъ въ длиннополомъ кафтанѣ и зеленомъ бархатномъ жилетѣ, братья, сестры. Атмосфера грабительская, грабительскіе разговоры, все ушло въ наживу, ни малѣйшаго чувства къ ближнему, безчеловѣчность, мерзкая радость по поводу каждаго рубля, доставшагося цѣною слезъ одураченнаго мужика или неимущаго жидка... Чесноку и въ поминѣ не было, папенька говорилъ о чеснокѣ: „Фэ, жидовское видумка“, а сестры воспитывались въ „благородномъ пансіонѣ“ и хвастались что имъ дурно дѣлается, когда онѣ только подумаютъ о чеснокѣ. Онъ ушелъ оттого, что кругомъ царила неописанная грубость и рабья стяжательность. Еслибъ хоть разъ отецъ сказалъ, что „напрасно я обидѣлъ сегодня человѣка“, ему легче было бы, онъ простилъ бы его, полюбилъ бы; но ни разу этого не случилось. Старый Зильберманъ былъ увѣренъ въ безгрѣшности своей системы обиранія ближнихъ и не думалъ каяться, а на неспособнаго сына смотрѣлъ, какъ на Божье наказанье.

— Ничего не понимаю? неудомѣвала Фелицата Іадо-

ровна по поводу извѣстія о Лоскотиныхъ. — Ну, не дуры — такъ съ ума посходили!?

А Шарамыкинъ вдругъ замѣтилъ, что, „однако, братъ, совѣтую быть осторожнѣе... Въ такую исторію влетишь—ухъ!“

Зильберманъ кротко улыбался, поглаживая затылокъ.

— А какъ же мы безъ васъ? спросила Адель. — Кто намъ будетъ суфлировать?

— Найдется.

— Съ голоду не пропадать... Я вотъ и настоящій актеръ, а дѣлъ нѣтъ. Единственная надежда на любительскій спектакль... Съ Богомъ поѣзжай, да—смотри! сказалъ Шарамыкинъ.

На столѣ появился кофе.

Фелицата Іадоровна начала:

— Десятинокъ пятнадцать все-таки прикарманите?

— Дуракъ! замѣтилъ Шарамыкинъ.—Пархъ, христопродавецъ, — извини, я по дружбѣ — а найди онъ на большой дорогѣ—не возьметъ. Чортъ его знаетъ.

— А слѣдовало-бъ ихъ проучить, продолжала Фелицата Іадоровна.

— Я не давалъ повода... возразилъ Зильберманъ тихо.

— Зачѣмъ поводъ!

— Не будемъ разговаривать, попросилъ Зильберманъ. Но я разсчитывалъ на васъ. Лоскотины предлагали мнѣ уже—но не хватаетъ!..Нужно мнѣ — двадцать пять.

— Ни грошика! отвѣчала тетушка ласково и выворотила карманъ.

— Попросите у вашихъ умницъ, посовѣтовала Серафимочка!

— Неловко... потомъ — да.

— Я на твоемъ мѣстѣ обработалъ бы ихъ, какъ сидоровыхъ козъ! крикнулъ актеръ и потеръ руки.

— А у Серафимочки! У ней какъ разъ двадцать пять! сказала Адель.

— Что она вретъ? проговорила Серафимочка.—Ахъ, какая ложная тварь!

Зильберманъ поспѣшилъ сказать, что можетъ быть достанетъ у доктора Мухина, который раздаетъ деньги.

Фелицата Іадоровна подумала: „Откажетъ!"—Въ самомъ дѣлѣ, матушка, откуда у тебя деньги? спросила она.

— Никакихъ денегъ у меня нѣтъ! рѣшительно отвѣчала Серафимочка, тряхнувъ головой. А хочешь я разскажу, отчего ты плакала?

Адель опустила рѣсницы... Актеръ втянулъ огромную понюшку, крякнулъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Адель. А тетушка пожала плечами и безнадежно подняла глаза къ небу.

Послѣ обѣда Шарамыкинъ засадилъ Зильбермана за переписку роли, а самъ пошелъ въ садъ, подъ березу, и слушалъ, какъ Адель „читаетъ" Офелію. Онъ почти каждый день „муштровалъ" ее и находилъ, что дѣвушка оказываетъ успѣхи. Тетушкѣ надо было поѣхать къ одному жиду, онъ срокъ пропустилъ, и взыскать проценты; но въ виду намековъ Серафимочки, слѣдуетъ остаться дома, пока въ гостяхъ чужіе люди. Мало-ли что могутъ сказать въ городѣ. Она ушла въ спальню, отперла шкафъ и, посматривая на дверь, выпила маленькими глотками стаканчикъ густой вишневки, легла и уснула. Серафимочка отправилась въ красные ряды покупать пальто.

V

Шарамыкинъ пристально смотрѣлъ на Адель. Сначала дѣлалъ замѣчанія. Но вѣки его отяжелѣли. Адель кончила монологъ, и, вмѣсто реплики, раздался храпъ.

А когда Шарамыкинъ проснулся, то не сразу понялъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Береза шумѣла. Тѣни стали длиннѣе. Онъ оперся рукой на чье-то плечо и посмотрѣлъ кому-то въ лицо. Лицо знакомое.

— Аделька!

— Господи, соня! Вставайте!

— Долго я спалъ?

— Часа два... Наумъ Семенычъ ушелъ...

— А сестрица?

— Не пришла.

— А тетушка?

— Спитъ.

— А-а-а-а!—Аделька! сонно сказалъ онъ и привлекъ ее къ себѣ.

— „Ты душа-ль моя, красна дѣвица!“

— Солидный, а все поете...

— Отчего же не пѣть?

— Обманете... сказала Адель.

Шарамыкинъ жадно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Почему же я тебя обману?

Она слышала, какъ подъ красной рубахой актера дышетъ могучая грудь. И ей было пріятно, что ее любитъ этотъ человѣкъ.

— Я вчера приходила, а ты ушелъ къ Векшинской... Сегодня приходила, а ты дома не ночевалъ...

Она ждала объясненія и заранѣе была готова повѣрить всему.

Но онъ опять запѣлъ: „ты душа-ль моя красна дѣвица!“ крѣпче обнялъ дѣвушу, она поблѣднѣла и закрыла локтемъ лицо.

Звонили къ вечернѣ.

Адель поправила волоса и платье. Шарамыкинъ лежалъ разнѣженный.

— Милая дѣвочка! я тебя никогда не обману.

— Гдѣ же вы были, однако?

— А у генерала.—Прельщалъ его превосходительство остроумiемъ.

По его словамъ, Векшинская явилась къ нему нежданно-негаданно. Чтобъ выпроводить ее, онъ сказалъ, что сбирается къ Бакланову и, дѣйствительно, отправился къ нему. Векшинская шла съ нимъ до самаго подъѣзда генеральскаго дома. Генералъ былъ дома и лечился отъ ранъ. Онъ обрадовался и предложилъ принять участiе въ „лекарствѣ“. Подали чай, ромъ, наливки и даже очищенную: генералъ ничего не щадитъ для своего здоровья. Пришлось остаться.

— У генерала связи... мнѣ могутъ отдать театръ на зиму... Кульчицкiй для него сдѣлаетъ... И любители нужны.

Адель молчала.

— Съ такими взглядами на сценѣ заклюютъ! сказалъ Шарамыкинъ.

— Напримѣръ...

— Святители! — вскричалъ онъ, остановившись на полусловѣ.—Чего мнѣ хочется? Матушки! Аделька, поищи табатерочку!

Адель подошла къ окну.

— На столѣ.

Актеръ поднялся и перегнулся. Но табатерка была далеко, онъ совсѣмъ влѣзъ въ окно.

Черезъ минуту онъ вылѣзъ, красный и взволнованный.

— Гисторiя, какъ сказалъ бы Савка! произнесъ онъ.

— Какая?

— А надо уходить.

Адель подумала о Векшинской.

— Миленькiй, останьтесь, чай съ нами будете пить, сказала она.

Послышался шумъ въ домѣ.

— Слово далъ.

Но онъ не ушелъ.

Раздался крикъ.

Шарамыкинъ вздрогнулъ. Въ открытомъ окнѣ онъ увидѣлъ Серафимочку, въ тальмѣ и шляпкѣ, съ искаженнымъ лицомъ.

— Что съ тобой? спросила Адель.

— Деньги, мои деньги! Всѣ улицы исходила, но вотъ и платокъ, куда я увязывала ихъ.—Забыла дома. Платокъ есть, а денегъ нѣтъ! Аделька?

— Убирайся!

— Вижу по глазамъ! Романъ Паромонычъ, голубчикъ, придержите ее...

Она выпрыгнула изъ окна, схватила Адель за плечи и стала трясти.

— Зачѣмъ меня держать! крикнула Адель.—Обыскивай!

Серафимочка произвела обыскъ. Въ одномъ карманѣ лежала карточка Шарамыкина. Въ другомъ—истрепанная афиша съ именемъ Адели (г-жа А. Бѣлоногъ), игравшей въ качествѣ дебютантки-любительницы. Денегъ не было.

— Снимай башмаки!

— Ну...

Адель угрюмо разулась и показала босыя ноги.

— Ступай, осмотри сундукъ, постель и все...

— Осмотрѣла уже...

Серафимочка залилась слезами.

— Черти!

— Успокойтесь, началъ Шарамыкинъ,—спросите у тетушки...

— Тетушка спитъ!

— Тетушка не возьметъ! Напрасно на тетушку поклепа не взводите! вскричала Фелицата Іадоровна, появляясь въ окнѣ. Лицо у ней было заспанное, вѣки припухли. — Какія деньги? чьи?

— Серафима говоритъ, что у ней кто-то укралъ.

— Двадцать пять рублей бумажками! сказалъ Шарамыкинъ. Ахъ, Серафима Карповна! Вы говорили—у васъ денегъ нѣтъ!

— Откуда у тебя деньги, слышишь?

Адель объяснила, что деньги у Серафимочки отъ генерала. Фелицата Іадоровна вскрикнула, точно ужаленная.

— Слава Богу! закричала она. — Пропали деньги и слава Богу! До чего дошла!

Шарамыкинъ замѣтилъ:

— Спросить бы у Прони...

— Проня при мнѣ ушла со двора.

— У Наума Семеныча... Онъ роль писалъ...

— У Наума Семеныча? переспросила Серафимочка, озаренная лучомъ надежды.

Шарамыкинъ вздохнулъ.

— Жаль, что не я... Сейчасъ бы отдалъ...

Онъ сталъ прощаться.

— Завтра нарочно зайду!

Калитка хлопнула. Серафимочка поднесла платокъ къ носу и отчаянно закричала:

— Онъ входилъ въ нашу комнату?

Адель потупилась и тихо отвѣчала:

— Чего ты ко мнѣ пристаешь?..

— Табакомъ пахнетъ!! Онъ!

— Змѣя! кричала тетушка. — Пропали! И великолѣпно!!

Серафимочка плакала навзрыдъ.

VI

Бормотъ не спалъ всю ночь. Грохоталъ громъ, дождь капалъ съ потолка, подмочилъ бумаги на письменномъ столикѣ, книги и записки по римскому праву. Утромъ

изъ раскрытаго окна виднѣлись на той сторонѣ Ужа бѣлыя церковки съ золотыми главами и дома, лѣпившіеся другъ надъ другомъ по склону горы, среди темно-зеленыхъ садовъ. Видъ былъ нескучный.

Молодой человѣкъ, однако, злился на свою хозяйку, рѣшилъ, что съѣдетъ, и началъ укладываться.

У него было пять коленкоровыхъ рубашекъ и одна голландская, три сорта духовъ въ граненыхъ флакончикахъ, и байковое одѣяло, вытертое, какъ старый шерстяной чулокъ. Укладываніе продолжалось не больше десяти минутъ.

Молодой человѣкъ вышелъ.

Онъ дошелъ до кладокъ, выше Кривого моста, гдѣ Ужъ дробился, впадая въ Десну. Бабы, нагнувшись, полоскали бѣлье. Мыльные пузыри неслись по теченію. Прямо бѣлѣла семинарія со старинными окнами. У холмовъ тянулся рядъ ветхихъ домиковъ. Мѣстность называлась Покровкой.

Бормотъ перешелъ по кладкамъ. На Покровкѣ можно было найти недорогую комнату съ прочнымъ потолкомъ.

Онъ осмотрѣлъ нѣсколько комнатъ и остался недоволенъ.

Но билетикъ въ окнѣ подвальнаго этажа бросился ему въ глаза. Стекла до половины забрызгала грязь. За ними бѣлѣлъ узоръ занавѣсокъ, зеленѣли цвѣты въ горшкахъ, игралъ пестрый котенокъ и ловилъ мухъ.

Въ подвалъ манило.

Бормотъ спустился по скользкимъ ступенькамъ. Въ первой комнатѣ его любезно встрѣтила старуха, въ чепцѣ и серебряныхъ очкахъ. Выслушала и стала суетиться, заговоривъ по-польски. Они прошли мимо ширмъ, изъ-за которыхъ выглянуло лицо со вздернутымъ носикомъ. Въ маленькой комнатѣ у сырой стѣны стояли мягкія креслица въ чехлахъ, желѣзная

кровать, диванъ. На полу лежалъ истрепанный коврикъ. Въ зеркалѣ весело отражалось окно съ кусочкомъ голубаго неба, кисейной занавѣской, прозрачной зеленью цвѣтовъ и котенкомъ.

— „Ея котенокъ", подумалъ молодой человѣкъ и, спросилъ:

— Сколько-же?..

Старуха не поняла. Звонкій голосъ крикнулъ:

— Сейчасъ! сейчасъ! Вы извините маменьку... Онѣ такъ недавно *въ Рѳссіи*...

Вошла особа, тонкая и юркая, съ голыми руками и шеей, въ сѣромъ казакинѣ, плотно облипавшемъ талію и грудь, и съ желтой шелковой розеткой въ черныхъ волосахъ.

— Ахъ, а мнѣ показалось, что старикъ съ сивымъ усомъ! затараторила она. — Тѣмъ лучше, ежели молодой!

— Мнѣ нужно комнату, началъ молодой человѣкъ и покраснѣлъ, отбросивъ назадъ свои длинные русые волосы. — Моя комната почти безъ потолка.

— О, мой Богъ! воскликнула особа и участливо всплеснула руками.—Безъ потолка!

— Тѣмъ болѣе, что я занимаюсь... Необходимы удобства...

— Натурально!

— Я студентъ...

— А!

— И пріѣхалъ на вакаціи. Могъ бы поселиться у родныхъ, но предпочитаю свой уголъ. Самъ себѣ господинъ.

— Полный.

— А родные хоть и очень любятъ меня, но стѣсняются...

— Какъ-же такъ?

— Я мужчина, сказалъ молодой человѣкъ съ улыб-

кой:—а у нихъ пансіонъ, такъ называемыхъ, благородныхъ дѣвицъ...

— О, вотъ вы какой!

— Тутъ течи никакой не можетъ быть? спросилъ онъ.

— Ни-ни! встрѣчала молодая женщина, окидывая потолокъ восторженнымъ взглядомъ.—И комната *така чистенька, така ладненька, зъ* убранствомъ. Но, прибавила она, замѣтивъ, что глаза студента устремлены вопросительно на дверь:—одинъ ходъ и черезъ мою *спальнюю*...

— Черезъ вашу спальню?

— Черезъ, черезъ! произнесла она съ увѣренностью. — *Однакже*, я очень смирная! Если вы рано встаете, продолжала она: — то, надѣюсь, будете *скромные* и не станете ходить за мои ширмы; но ежели поздно, то я васъ взбужу пѣсенками... Мы подружимся! Теперь же относительно цѣны.—Семь рублей?

— Я беру ее.

— Просто задаромъ! воскликнула она радостно и подвинула студенту кресло. — Какъ васъ звать?

Онъ назвалъ себя.

— А я *Векшинска*.

Они сѣли, улыбаясь. Рука у ней была твердая. Лицо умыто до половины. Но губы алѣли, вздутыя капризно, и глаза, черные, съ голубоватымъ бѣлкомъ, кокетливо блистали. Она приказала матери сварить кофе.

— Сколько *вы имѣете* лѣтъ?

— Мнѣ двадцать два года.

— Какой молоденькій!.. вскричала она, поднявъ подбородокъ и всплеснувъ руками.—*Матерь Божа!* А мнѣ ужь двадцать четыре! повторила она съ сожалѣніемъ.—Хотя я *тожь имѣла* когда-то двадцать два... И когда-то семнадцать... Ежели-бъ вы *въ тамъ ту пору* посмотрѣли на меня!

— Вы молоды! проговорилъ Бормотъ.

— Но *не можно* вернуть самой первой молодости...

Ахъ!.. Я была *такъ молодая*, какъ дѣвочка, но всѣ удивлялись *на* меня... *Грабъ* Гржимайло, князь Довгушекъ, ротмистръ Канчуцкій и самъ губернаторъ дѣлали мнѣ подарки... Браслетъ *зъ* чистаго золота, кольцо *зъ* алмазомъ, блюдо *сребряное*... Я играла Ореста въ „Прекрасной Эленѣ“!

— Вы актриса?

— Векшинска! съ достоинствомъ повторила она.

Бормотъ не слыхалъ: онъ пріѣхалъ послѣ закрытія театральнаго сезона. Онъ не зналъ также Скачъ-Скачевской.

— А Шарамыкина?

— Хорошій актеръ.

— Но жадный! Вообразите себѣ, онъ хочетъ спектакль устроить... безъ меня!

— Онъ здѣсь?

— Мы зиму вмѣстѣ играли. А вы любите театръ? спросила актриса; ее осѣнила счастливая мысль.

— Самъ подумывалъ. — Игралъ. Но нѣтъ большого таланта. Лучше кончить университетъ и поступить на службу.

Она закричала:

— Но можно дать спектакль въ мою пользу — *зъ* любителями?..

Глаза ея загорѣлись голодной тоской.

— Можно, отвѣчалъ Бормотъ.

— Душечка! Ахъ, *на милость* Бога! О, прошу васъ! Я могу играть Офелію... Периколу... Марію Стюартъ... *Бѣдну* невѣсту...

Старуха принесла кофе съ жирными сливками. Векшинская разказала, какъ ее выдали замужъ за капельмейстера, какъ она потеряла голосъ и гибкость тѣла. А прежде она танцовала испанскіе танцы. Она развелась. Ее надулъ антрепренеръ. Она пріѣхала въ труппу Хмаровой, но Хмарова нищая. Актеры разбрелись.

Бормотъ похвалилъ Хмарову.

— Бездарность! крикнула Векшинская съ брезгливымъ сожалѣніемъ и сложила руки у подбородка.— Первое дѣло, уже старушка. Пятьдесятъ лѣтъ—извините меня? Это не *водевильна* актриса. Она-жь ломается. Она-жь себѣ воображаетъ, что лучше ея нѣтъ. Набѣлится, нарумянится, затянется, голосъ *змѣнитъ* и прыгаетъ по сценѣ, какъ коза... А читка! Все на ò. Выходитъ себѣ, напримѣръ, герцогиня или герцогинская дочка и вдругъ: „пажъ! поодай мнѣ вооды“... *Уморительна* особа! А въ опереткѣ! Шкандалъ! Помните:

...Когда къ ней лебедь подплывалъ,
Который былъ моимъ папашей...
Могла-ль она здѣсь устоять?
О, боги, васъ то, вѣрно, веселитъ,
Коль наша честь кувыркомъ, кувыркомъ,
Кувыркомъ полетитъ!

— Фурорный пассажъ, продолжала Векшинская: — за который мнѣ дѣлали овацiи. А ей свищутъ. Ибо она запрокинетъ голову, и всѣ кости видать на шеѣ. Публика любитъ, чтобъ было на что смотрѣть. А... фуй!

Она вскочила и нервно прошлась по комнатѣ.

— А ревнива, ревнива — мой Боже! и къ кассиру и къ суфлеру... Увидала, что я себѣ, слава Богу, *съ* лицомъ, и ни одной роли не дала... *Дрянь!*

Она все ходила по комнатѣ.

Бормотъ взялъ котенка. Звѣрекъ сладострастно замиралъ, хрипя, когда пальцы проникали сквозь шерсть до его теплаго тѣльца, а на розовой мордочкѣ его горѣли два глаза, свѣтлые, какъ янтарь. Молодой человѣкъ молчалъ, а Векшинская вышла и вернулась съ пачкой афишъ. Афиши были зеленыя, красныя, желтыя. Фамилiя актрисы была напечатана крупнымъ шрифтомъ. Бормотъ сталъ прощаться.

Векшинская пожала ему обѣ руки и слегка притянула къ себѣ. Онъ вспыхнулъ. Она попросила его, полушо-

потомъ, заплатить впередъ за мѣсяцъ, какъ только онъ переѣдетъ.

— Сегодня же... Непремѣнно... отвѣчалъ онъ, и глаза его перестали смотрѣть застѣнчиво.

VII

Актеръ направился въ трактиръ, гдѣ встрѣтилъ буфетчика прибаутками („наше вамъ съ огурцомъ“ и проч.) и выпилъ сельтерской съ коньякомъ. Буфетчикъ подумалъ, что прибаутки актера — „одинъ отводъ“; за нимъ числилось уже рублей тридцать, и хозяинъ трактира говорилъ, что пора кредитъ ему закрыть; но, по первому же намеку, Шарамыкинъ вынулъ десятирублевку, еще нѣсколько бумажекъ, потрясъ ими и сказалъ, что, пожалуй, и теперь заплатитъ, но что было бы „учтивѣе“ взять съ него деньги послѣ („спектакль будетъ скоро, генералъ Баклановъ обѣщалъ похлопотать, ей-Богу! а зимой — самъ знаешь — малина!“), съ чѣмъ тотъ и поспѣшилъ вѣжливо согласиться. Однако, покраснѣлъ и когда подалъ другую бутылку воды (тоже съ коньякомъ), спросилъ:

— А за теперешнее позвольте сегодня получить?

Но Шарамыкинъ сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, запиши лучше... Мѣлкомъ запиши... чудакъ!

Изъ трактира актеръ завернулъ въ погребъ купить рому и, когда выходилъ оттуда, встрѣтилъ Зильбермана. Онъ съ бо̀льшимъ, чѣмъ обыкновенно, радушіемъ привѣтствовалъ его и спросилъ, досталъ ли онъ денегъ.

— Досталъ, отвѣчалъ Зильберманъ. Далъ Мухинъ...

— Мухинъ? переспросилъ Шарамыкинъ.

— Зильберманъ! крикнулъ молодой голосъ.

Бормотъ сидѣлъ на извощикѣ съ своимъ скарбомъ. Онъ спрыгнулъ съ дрожекъ и подбѣжалъ къ Зильберману.

— Перебираюсь.

Зильберманъ былъ товарищемъ Бормота по гимназіи; но близости между ними не было. Бормотъ казался пустымъ. А этотъ не любилъ его, онъ „жидъ", и даже одно время презиралъ: Зильберманъ три раза держалъ экзаменъ на аттестатъ и проваливался.

— На Покровку къ актрисѣ Векшинской...

— Шарамыкинъ,—Бормотъ, сказалъ Зильберманъ.

Шарамыкинъ внимательно посмотрѣлъ Бормоту въ глаза и сказалъ:

— Гдѣ я васъ видѣлъ?

— Не знаю.

— Я васъ гдѣ-то видѣлъ. У васъ лицо характерное. Длинный овалъ, умные глаза. Очень радъ. У Векшинской комнату сняли?

— Да.

— А она вамъ понравилась?

— То есть какъ вамъ сказать?!

— Высшую школу прошла. Она Зильберману нравится.

— Что глупишь!—вскричалъ Зильберманъ.

— Развѣ я тебя не засталъ зимою въ ея уборной?

— Оставь.

— Всегда святымъ прикидывается!

Онъ подмигнулъ Бормоту.

— Я лучше уйду. Некогда. *Прощайте*, Бормотъ.

Но Шарамыкинъ схватилъ Зильбермана за руку и произнесъ укоризненно:

— А должекъ?

Зильберманъ сталъ молча рыться въ жилетномъ карманѣ; актеръ насмѣшливо смотрѣлъ на него.

— Хвостомъ хотѣлъ прикрыться!

Зильберманъ отдалъ деньги Шарамыкину.

— Браво! можешь уходить!.. Да, да! Лицо мнѣ ваше приглянулось!—обратился Шарамыкинъ къ Бормоту и нѣжно, посмотрѣлъ на него, а молодой человѣкъ подумалъ: „Слава Богу, что я познакомился съ Шарамыкинымъ; онъ, кажется, прелестнѣйшій малый!“—Ужъ не поѣхать ли мнѣ съ вами къ Векшинской?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Карась!—подумалъ Шарамыкинъ.—Эй!—крикнулъ онъ уходящему Зильберману. — Стой! Касается тебя. Зильберманъ!

Зильберманъ вернулся.

— Ну?

— Деньги пропали у Серафимочки.

— Ну?

— Тебя подозрѣваютъ.

— Меня? — сказалъ Зильберманъ и, переставъ улыбаться, посмотрѣлъ на Бормота.

— Другъ мой, — продолжалъ Шарамыкинъ: — тебя!

— Полно! — горделиво сказалъ Зильберманъ.

— Честнѣе тебя нѣтъ, и я это всегда говорилъ, но, моншеръ, стеченіе обстоятельствъ...

— Прекращай разговоръ! нетерпѣливо сказалъ Зильберманъ и ушелъ.

Но онъ оглянулся. Бормотъ и Шарамыкинъ вмѣстѣ садились на извощика. На перекресткѣ Бормотъ повернулъ лицо въ его сторону. Оно было ярко освѣщено оранжевымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Сердце Зильбермана заныло отъ щемящаго чувства.

VIII

Генералъ Баклановъ заѣхалъ передъ вечеромъ къ присяжному повѣренному Кульчицкому. Адвокатъ жилъ на Базарной площади, въ новенькомъ собственномъ домѣ, сильно пахнувшемъ еще краской. Надъ подъѣз-

домъ, съ матовыми фонарями, красовалась золотая вывѣска. Въ передней стоялъ отставной гвардейскій унтеръ, старый, бѣлый и съ нашивками на рукавѣ. Въ кабинетѣ, съ орѣховыми полками, книгами и связками бумагъ, сіялъ въ широкой рамѣ портретъ государя. Кульчицкій былъ высокій молодой человѣкъ, и отъ всей его внѣшности вѣяло дѣловитой порядочностью. Такіе порядочные молодые люди народились въ послѣднее время. Прежде, если молодой человѣкъ, то непремѣнно съ „завиральными“ идеями. У Кульчицкаго идей не было, и генералъ Баклановъ называлъ его „вульгарнымъ субъектомъ“. Ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ, а ужь онъ скопилъ капиталецъ и, въ качествѣ гласнаго, начинаетъ вліять на городъ. Сомнительныхъ дѣлъ не беретъ... Но если кліентъ „порядочный“ человѣкъ, возьметъ и сомнительное дѣло.

Генералъ сказалъ:

— У меня къ вамъ просьбица.

Адвокатъ, сидя въ высокомъ креслѣ, слегка поклонился. „Для вашего превосходительства готовъ даже на преступленіе“.

— Нельзя ли устроить что нибудь для Шарамыкина?

Кульчицкій спросилъ, что̀ именно?

— Спектакль! концертъ! Молодые люди... Поддержать, спасти отъ голодной смерти! Эхъ, господа! Будьте добрѣе! заключилъ генералъ съ укоризной.

Адвокатъ въ раздумьѣ смотрѣлъ на оттопыренныя уши гостя, краснѣвшія въ лучахъ заходящаго солнца.

Генералъ продолжалъ:

— Сколько талантливыхъ людей погибло отъ равнодушія общества!.. Господа! нашъ долгъ... Какой комикъ! Вчера уморилъ меня... Господа!

Адвокатъ слушалъ генерала и соображалъ, что если хлопоты по устройству спектакля взвалить на Полину

Ермолаевну, то можно удержать ее отъ задуманнаго ею путешествія. Невѣдомые франты съ усиками, попадая въ медальоны, наводятъ на черныя мысли. Правда, хлопоты по устройству спектакля не могутъ продолжаться вѣчно. Но потомъ можно будетъ воспользоваться какимъ-нибудь новымъ предлогомъ. Онъ сказалъ:

— Староватъ я—онъ улыбнулся—и время—деньги. Но жена не откажется. Достаточно слова вашего.

Онъ повелъ Бакланова въ гостиную.

Полина Ермолаевна—дама лѣтъ двадцати-четырехъ. Блондинка, съ томными голыми глазами, съ толстымъ носомъ и узкой таліей. Въ выраженіи рѣзко очерченныхъ губъ, розовыхъ, какъ кораллъ, было что-то тупое. На изжелта-бѣлой, полуоткрытой груди висѣлъ золотой медальонъ. Съ нимъ она никогда не разставалась, даже ложилась спать, и отъ блеска его Кульчицкій жмурился.

Полина Ермолаевна лежала на диванѣ.

Лежала она такъ по цѣлымъ днямъ и вздыхала. О чемъ—мужъ не могъ узнать. Когда они оставались одни, она опускала глаза и молчала. Прежде она дѣлала сцены, рыдала, проклинала жизнь, скоро утѣшалась, кидалась къ нему на шею, обнимала его колѣни, умоляя простить; теперь держала себя ровно. Но это вѣчное лежаніе на диванѣ! Но эти вздохи! О, еслибъ не деньги, полученныя въ приданое за Полиной Ермолаевной!

Заслышавъ шаги, Полина Ермолаевна взяла книгу и сдѣлала видъ, что читаетъ. Она взволновалась и покраснѣла.

— Mon général... Mon mari...

Кульчицкій громко кашлянулъ.

— Но развѣ *онъ* не сказалъ вамъ, что я ѣду?

Бакановъ взглянулъ на Кульчицкаго.

— Сергѣй Сергѣичъ!?

— Душенька!..

— Mon général... Но, mon général...

Волосы ея были облиты мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ, а лицо въ тѣни. Но выраженіе его не ускользнуло отъ Кульчицкаго. Она, пожалуй, не уступитъ, у ней свой планъ. Кульчицкій съежилъ щеки, точно отъ зубной боли.

— Я больна—объявила Полина Ермолаевна.

— Не вѣрю.

— Parole d'honneur...

— Капризъ!

— Mon général...

Костлявая нога Кульчицкаго крѣпко застучала по полу.

— А развѣ нельзя, душенька, отложить? спросилъ мужъ.

— О!

Она взяла книгу и стала играть ею.

— Что за книга?—спросилъ генералъ.

— Русская.

— О чемъ?

— Такъ...

— Но о чемъ?—добивался генералъ.

— Ахъ!

— Запрещенная?

Полина Ермолаевна торопливо бросила книгу за спинку дивана.

— Дебэ... — сказалъ Кульчицкій. — Книга не запрещенная... Ты такъ боишься показать ее!.. Это Дебэ, ваше превосходительство... „Физіологія брака“...

— А!

Генералъ улыбнулся и посмотрѣлъ на высокую грудь Кульчицкой.

— Жаль!

Кульчицкій сказалъ:

— Въ первый разъ слышу, что ты больна.

— Дебэ читаете — значитъ здоровы, замѣтилъ генералъ.

— Vous savez... я люблю театръ — дà... Ce pauvre Шарамыкинъ... Я видѣла его... О! Онъ талантливъ. Я не знаю, откуда онъ взялъ? А Дебэ я не читаю... Это *онъ* (съ удареніемъ).

Она повернула лицо къ свѣту и улыбнулась. Румянецъ широко разливался по ея лицу Генералъ съузилъ глазки. Адвокатъ стучалъ ногой.

Разговоръ прерывался и возобновлялся. Баклановъ всталъ, плавно поклонился, и вышелъ, кокетливо прихрамывая на ногу, въ которой была пуля.

Онъ не успѣлъ еще сѣсть въ экипажъ, какъ Полина Ермолаевна засуетилась и открыла съ шумомъ окно.

— Ecoutez!.. Ха-ха!.. Въ самомъ дѣлѣ... Можно отложить!..

Генералъ погрозилъ ей пальцемъ.

— Шалунья!

— Но чтобъ мнѣ не опоздать...

— Успѣете! Вода еще холодна, море не нагрѣлось...

— Demain? N'est ce pas?

— Чудесно! Ужасно радъ! Ужасно!

— Пришлите Шарамыкина... Рады? Понравилось?

Генералъ поцѣловалъ концы пальцевъ и уѣхалъ, оглядываясь и тряся плечами.

— Зачѣмъ ты ломалась? — сказалъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Ломалась, — повторила она, глядя въ полъ.

— Постоянно „mon général“... не умѣешь вести себя...

Она стояла неподвижно.

Онъ хрустнулъ пальцами и направился въ кабинетъ. Все-таки вышло какъ онъ хотѣлъ.

Зильберманъ ожидалъ его.

IX

Обстановка адвоката не понравилась Зильберману. Онъ составилъ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ „либеральномъ“, по одной рѣчи его въ судѣ. А наружность Зильбермана заставила адвоката поморщиться: засаленный пиджачекъ, нѣкогда бѣлый жилетъ и клѣтчатые брюки, которыя выпячивались на колѣнкахъ.

Кульчицкій взглянулъ на гостя.

Зильберманъ началъ:

— Вы посѣщали Марью Петровну Скачъ-Скачевскую... Ежели не забыли, у ней и я бывалъ — по театральнымъ дѣламъ...

Кульчицкій оглянулся и подалъ руку Зильберману.

— А!—Чѣмъ могу быть полезенъ?

Въ умѣ адвоката пронеслось воспоминаніе о Скачъ-Скачевской. Молоденькая дѣвушка съ золотисто-бѣлыми волосами, тонкимъ складомъ лица и красивыми руками, мечущими банкъ. Онъ проигралъ ей двѣ тысячи. „Первая и послѣдняя глупость“.

— Хотя, покамѣстъ, и нѣтъ особенной надобности въ томъ, чтобы...—чтобы оказалась надобность, но... вы знаете Лизавету Павловну Лоскотину и ихъ сестеръ?

Зильберманъ остановился и посмотрѣлъ на орѣховыя полки съ законами и раму портрета, блестѣвшую въ догорающемъ лучѣ солнца.

Онъ почувствовалъ затрудненіе. „Ежели у него такая обстановка—думалъ онъ—и такъ онъ сердито стучитъ ногой, то, можетъ быть, неблагоразумно съ моей стороны выбалтывать передъ нимъ о намѣреніяхъ Лизаветы Павловны“. Кульчицкій ждалъ, что еще скажетъ его гость. Оба молчали, глядя другъ на друга — адвокатъ безстрастно, Зильберманъ напряженно улыбаясь.

— Какъ бы чего не вышло!.. вдругъ произнесъ Зильберманъ.

— Именно чего?

Зильберманъ вытянулъ шею.

— Что будетъ за это Лоскотинымъ?

Адвокатъ потеръ руки и произнесъ:

— За что?

— За что?—началъ Зильберманъ, поблѣднѣвъ.—Какъ же! развѣ дозволяется отдавать свои земли... въ теперешнее время!..

Адвокатъ сказалъ, съ строгимъ выраженіемъ:

— Всегда дозволяется дарить свою собственность, и при соблюденіи надлежащихъ формальностей, которыя, въ случаѣ надобности, я укажу, Лоскотины могутъ уступить Дубовку кому угодно. Что же касается до теперешняго времени, то, полагаю, поступокъ этотъ способенъ вызвать только одобреніе, такъ какъ съ административной или, точнѣе, съ государственной точки зрѣнія, желательно, чтобы бѣдные мужики сдѣлались богатыми... Но — онъ поднялъ палецъ — только на вполнѣ законномъ основаніи!.. Такимъ образомъ, по моему крайнему соображенію, Лоскотинымъ нечего опасаться какихъ-нибудь непріятностей, если за ихъ филантропическимъ порывомъ не скрывается желаніе сдѣлать демонстрацію, породить смуту умовъ и вызвать въ окрестномъ населеніи какія-нибудь нелѣпыя ожиданія. А, впрочемъ—онъ всталъ—гораздо было бы умѣстнѣе за разъясненіемъ *такого рода* недоразумѣній обратиться къ жандармскому полковнику. Онъ человѣкъ хорошій, благомыслящій и, надѣюсь, бесѣда ваша, хотя бы самая откровенная, не отразится неблагопріятно ни на васъ, ни на Лоскотиныхъ.

Онъ поклонился.

— Благодарю за совѣтъ,—сказалъ Зильберманъ съ блѣдной улыбкой.

— Всегда радъ служить,—проговорилъ адвокатъ.

Онъ проводилъ Зильбермана въ переднюю и даже

въ корридоръ, что было у него не въ правилахъ. Тамъ онъ спросилъ съ небрежнымъ видомъ:

— А гдѣ-же актриса... у которой мы съ вами встрѣчались?

— Въ Орлѣ.

— Что-нибудь *еще* слыхали?

— У нея *дочерь!*—сказалъ Зильберманъ.

— А! протянулъ адвокатъ.

X

Комната въ домѣ генерала была тускло освѣщена, на стѣнахъ сверкали ружья и сабли. Въ углу подъ стекляннымъ колпакомъ стояла каска съ серебряной шишкой, подаренная генералу Императоромъ Николаемъ Павловичемъ; на столѣ пресспапье изъ гранатъ; шкура тигра на полу, мебель безпорядочно разбросана и изобиліе ковровъ и хорошихъ гравюръ, изображавшихъ голое тѣло. Еще кидалась въ глаза горка съ янтарными чубуками. Пахло табачнымъ дымомъ и жасминомъ.

Шарамыкинъ и Бормотъ слегка покачивались. Знакомство ихъ вдругъ стало тѣснымъ, и молодой человѣкъ съ восторгомъ смотрѣлъ актеру въ ротъ, ожидая отъ него умныхъ и талантливыхъ выходокъ, а тотъ подмигивалъ.

— Не робѣй! отвѣчаю!—Онъ будетъ радъ... Онъ, братъ, этакихъ молодыхъ гусей любитъ!

Раздвинувъ портьеру, показался генералъ въ бѣлой черкескѣ съ двумя косыми рядами серебряныхъ патроновъ на груди, туго перетянутый чеканеннымъ поясомъ.

Шарамыкинъ изогнувъ станъ, началъ докладывать:

— Честь имѣю представить вашему превосходитель-

ству юную отрасль стариннаго малороссійскаго рода Бормотовъ, студента кіевскаго университета, будущаго россійскаго чиновника и кавалера, который возжаждалъ быть приведеннымъ предъ лицо ваше и уповаетъ на милостивое покровительство.

Генералъ улыбнулся, проворчалъ: „Ахъ, шутъ, шутъ!“ и подалъ руку Бормоту.

Молодой человѣкъ слыхалъ о немъ, какъ о безпутномъ старикѣ, но у генерала лицо умное, некрасивое, но симпатичное, и, несмотря на старость и раны, онъ стоялъ передъ нимъ, какъ дубъ, а подъ Бормотомъ колебалась почва.

Генералъ повелъ его къ дивану. Онъ былъ гостепріименъ и хотѣлъ показать, что уважаетъ молодое поколѣніе. Къ тому-же красивое лицо юноши, съ длинными мягкими волосами на круглой головѣ, которые падали съ висковъ свѣтлыми воздушными прядями, расположило его въ пользу гостя.

Шарамыкину, кивнувъ головой, онъ указалъ на столикъ съ бутылкой.

— Пей! А вы курите? Теперь всѣ курятъ. Даже дамочки курятъ.

Бормотъ улыбнулся. Шарамыкинъ выпилъ въ отдаленіи рюмку портвейна, крякнулъ, сѣлъ и сказалъ:

— Не только курятъ, ваше превосходительство, а и бѣдокурятъ...

— Ха ха! А порадовать тебя?

— Будьте отцомъ роднымъ!

Генералъ сказалъ Бормоту:

— Очень талантливъ, но шутъ. Старъ я, молодой человѣкъ, и радъ, когда вижу, что жизнь еще кипитъ кругомъ и не угасла. А я старъ.

Онъ потрясъ головой.

— Былъ я у какъ его... у Кульчицкаго... И онъ — обѣщалъ. Полина Ермолаевна—взялась собрать труппу... Завтра-же отправляйся къ ней... Надѣнь фракъ, чистое

бѣлье... Кланяйся отъ меня и скажи, что ты и есть „ce pauvre Gharamykine“... Сколько я ни зналъ дамочекъ, всѣ, болѣе или менѣе, на одинъ ладъ. Чего-то недостаетъ... Однако, и безъ нихъ нельзя. Не правда-ли, молодой человѣкъ?

Бормотъ улыбнулся.

— Нельзя! подхватилъ актеръ. Не разрѣшите-ли вы мнѣ по этому поводу вторично принять малую дозу?

— Ахъ, шутъ, шутъ!

Шарамыкинъ выпилъ, Бормотъ отказался.

— Теперь молодые люди ведутъ себя трезво, началъ генералъ:—а въ наше время было не то. У меня товарищъ былъ—я въ первомъ кадетскомъ корпусѣ воспитывался—такъ онъ выпилъ бутылку рому однимъ духомъ и тутъ-же умеръ, наканунѣ производства. А славный малый былъ, на память всего Рылѣева зналъ... Да, я вамъ скажу.

Онъ вздохнулъ и спросилъ:

— А вы знаете Рылѣева?

Бормотъ отвѣтилъ:

— Рылѣева?... какъ-же... читалъ...

Но солгалъ.

— Да, продолжалъ съ важностью генералъ:—Хорошо, что вы читали его, но только молодежь не любитъ поэтовъ и даже Пушкина осмѣиваетъ. А прежде тетрадки у всякаго имѣлись, и туда стихи списывались. Таковъ былъ духъ. И за это иногда доставалось... и поэтамъ, и читателямъ.

Бормотъ кивнулъ утвердительно головой.

— Василій! чаю! закричалъ генералъ и сталъ курить изъ трубки.

— Да-съ, продолжалъ онъ:—нынѣшняя молодежь полагаетъ, что она одна крестъ несетъ. А крестъ, господа, всегда былъ. Только его, большею частью, нашъ братъ, военный несъ... И притомъ дворянинъ. А не вся-

кій. А впрочемъ, я уважаю героя въ комъ-бы то ни было.

Клубы дыма наполнили комнату.

Генералъ искоса посмотрѣлъ на Бормота. Ему хотѣлось знать, какое впечатлѣніе производитъ онъ на молодого человѣка. У него было множество орденовъ, мундировъ разныхъ полковъ, почетныхъ сабель, писемъ, альбомовъ сослуживцевъ, пачка старыхъ газетныхъ корреспонденцій, въ которыхъ писалось о немъ и его боевыхъ подвигахъ, даже коротенькая біографія его была напечатана, вмѣстѣ съ его портретомъ, въ иллюстрированномъ журналѣ; но надо было, чтобъ хоть легонькій ѳиміамъ курился изъ современныхъ кадильницъ, чтобъ и юноша, у котораго другіе боги и другія воззрѣнія на жизнь, взглянулъ на него съ удивленіемъ и сказалъ: „благородный старикъ“! Но, рисуясь, онъ не лгалъ, считалъ это недостойнымъ себя. Онъ старался только показать себя со всѣхъ сторонъ и былъ убѣжденъ, что отлично представляетъ собою отживающій образецъ русскаго доблестнаго воина, джентльмэна тридцатыхъ годовъ, съ суровой душой, но съ возвышенными идеями. Онъ могъ-бы научить многому современную молодежь, онъ знаетъ всѣ больныя мѣста нашей жизни и какъ ихъ лечить—гдѣ употребить огонь и желѣзо, гдѣ взять мѣрами кротости. Такихъ людей уже немного на Руси. У Бормота въ головѣ шумѣло, онъ таращилъ глаза на генерала и думалъ, въ качествѣ будущаго чиновника, что знакомство сведено хорошее, приличное, и что старикъ почтенная личность, и заботится, чтобы гости не скучали. „А бакенбарды онъ, вѣрно, краситъ“. Онъ вспомнилъ Векшинскую, пряжки на ея ботинкахъ и слегка клюнулъ носомъ. Генералъ заключилъ, что теперешніе молодые люди вообще ко всему равнодушны.

Поданъ былъ чай. Принесли дыню, груши, наливку. Пока пили и ѣли, генералъ говорилъ о предстоящемъ спектаклѣ, выслушалъ нѣсколько анекдотовъ, узналъ,

что у Серафимочки деньги пропали, а когда Шарамыкинъ сказалъ, что укралъ Зильберманъ, обругалъ жидовъ. На замѣчаніе актера, что Серафимочка нуждается въ утѣшеніи, онъ нахмурилъ брови и погрозилъ пальцемъ: актеръ умолкъ, налилъ себѣ наливки и „хлопнулъ“.

Генералъ чокнулся съ Бормотомъ и значительно сказалъ:

— Я не обвиняю молодое поколѣніе... Но удивляюсь его ошибкамъ...

Бормотъ вздохнулъ.

— Я говорю, продолжалъ генералъ:—гдѣ прежній духъ? Если-бы былъ прежній духъ, ничего бы *этого* не было.

Бормотъ взялъ кусокъ дыни и принялся осторожно ѣсть.

Генералъ сказалъ:

— Духъ истребленъ! Въ этомъ вся бѣда. Но, господа!—онъ повысилъ голосъ и пріосанился.—Еще живутъ люди и *эсти* люди могли-бы сослужить службу...

Онъ взялъ съ этажерки туго набитый портфель.

Шарамыкинъ подумалъ: „А-ахъ, начинается меланхолія“! Чтобы „разогнать сонъ“, онъ налилъ себѣ рюмочку и „хлопнулъ“, но глаза его слипались.

Генералъ порылся въ портфелѣ и ткнулъ въ руки Бормоту жиденькую тетрадку. Бормотъ прочиталъ на заглавномъ листкѣ: „Изслѣдованіе о вѣчевомъ колоколѣ“, повертѣлъ тетрадь и положилъ на столъ. Генералъ хитро посмотрѣлъ на него. „Не ожидалъ?“ Бормотъ подумалъ: „преобходительная личность“.

— Да-съ, молодой человѣкъ, началъ генералъ:—мы умѣли жить, умѣли и мыслить. Мы не были чужды!

Онъ взволнованно налилъ себѣ еще портвейну, отхлебнулъ полстаканчика, порылся въ портфелѣ и вынулъ другую тетрадь. Бормотовъ прочиталъ: „О духѣ газетъ и журналовъ“.

— Эстотъ трудъ, пояснилъ генералъ, сверкая чер-

ными глазками:—былъ представляемъ куда слѣдуетъ, но возвращенъ при любезномъ письмѣ. Однако-же, въ немъ немало дѣльнаго. И я вамъ совѣтую прочитать.

— Хорошо-съ, сказалъ Бормотъ заплетающимся языкомъ.

— А потомъ вы мнѣ скажете ваше мнѣніе.

— Хоршо...

— Откровенное, чистосердечное!

— Хорошо-съ.

Наступило молчаніе.

— Эхъ, господа, господа!—началъ генералъ вздохнувъ.—Зачѣмъ столько ошибокъ! Зачѣмъ эти выходки! Господа!

И, онъ опять взялъ портфель.

— Тутъ вотъ разные прожекты,—говорилъ онъ, доставая кипу тетрадей:—„О средствахъ увеличить народонаселеніе“, „О безопасномъ насажденіи просвѣщенія“... Это было еще за долго до эпохи воскресныхъ школъ... Помните, чѣмъ все кончилось?... Эхъ, господа, не надо горячиться! Вотъ еще что-то... Ну, это тово... „Первая ночь“... Эсто мы отложимъ...

Бормотъ посмотрѣлъ на „Первую Ночь“. Генералъ пожевалъ губами и продолжалъ:

— Прежде всего въ Бога, господа, надо вѣрить. У меня объ этомъ было тутъ... Но не знаю, куда дѣлось... Я какъ на Кавказъ ѣхалъ, тоже думалъ, что Бога нѣтъ, но на Кавказѣ, молодой человѣкъ, увѣровалъ. На меня Шамиль шелъ съ десятью тысячами горцевъ, а у меня всей команды было пятьсотъ человѣкъ. Крѣпость игрушечная. Заряды вышли, порохъ взорвало. Офицеры перебиты, у меня контузія плеча, пуля въ колѣнкѣ, меня на носилкахъ носятъ. Вотъ, молодой человѣкъ, послѣдняя ночь — заутра рѣшили мы вылазку, чтобъ, конечно, погибнуть. И свалился я, какъ снопъ, усталъ, изстрадался. Заснулъ и вижу сонъ. Гора громадная, скалы кругомъ, сумракъ ка-

кой-то сердитый. Тоска беретъ меня, а тропка узенькая и прямо въ бездну, черную, хоть глазъ выколи. Я и заплакалъ. Но тутъ кто-то взялъ меня за руку и говоритъ: „не бойся“ и ведетъ. И вдругъ я возрадовался и понялъ, что это Богъ. А какъ проснулся, то на душѣ стало весело и сейчасъ пришла мнѣ мысль взять рогожки, облить ихъ жиромъ, и какъ пойдутъ горцы на приступъ, то зажечь и кидать на нихъ, и такимъ образомъ еще день выиграть. Такъ и сдѣлалъ. Къ вечеру выручка пришла, Шамиль снялся. А я увѣровалъ.

Онъ молчалъ.

— Вы, теперешніе, чудесное отрицаете, а есть вещи, передъ которыми поневолѣ становишься втупикъ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы черкески. Онъ ступалъ твердо.

— Напримѣръ, я — жида вижу! — объявилъ онъ, и остановился противъ Бормота.

Тотъ посмотрѣлъ на него безсмысленнымъ взглядомъ.

— Не всегда, но этакъ разъ, два въ мѣсяцъ... когда-то я жида повѣсилъ въ Польшѣ, онъ лазутчикомъ былъ у Лангевича... Натурально, военнополевой судъ... Вздернули... Бородка какъ-то кверху клинышкомъ замерла... Съ тѣхъ поръ является: то въ саду встрѣчу, то въ театрѣ—гдѣ-нибудь въ райкѣ сидитъ и на меня смотритъ, то надъ этимъ столомъ письменнымъ скорчится и дрожитъ. Губы синія и бородка все та же. Нисколько мнѣ при этомъ не страшно—знаю, что духъ, и ничего онъ не можетъ сдѣлать, но непріятно. Лазутчиковъ приходилось вѣшать часто, а никто изъ нихъ не является, и лица я ихъ позабылъ теперь. Но жидъ... является!

Онъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на Бормота.

— Чѣмъ вы это объясните, господа?—спросилъ онъ съ торжествомъ.

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но рука его

протянулась, какъ бы невольно, къ наливкѣ, и когда онъ выпилъ, на минуту ему показалось, что возлѣ него нѣтъ никого. Только шумѣло что-то. Но генералъ выплылъ изъ тумана, и молодой человѣкъ услышалъ, какъ собственный его языкъ произнесъ:

— Странно!

— „Странно!“—сказалъ генералъ:—это не объясненіе, господа.

И тоже выпилъ.

— „И нѣтъ на землѣ прорицаній“... — произнесъ онъ.—А въ наше время были—да-съ! „Пока человѣкъ естества не пыталъ горниломъ, вѣсами и мѣрой“... Вы помните это?

Онъ взялъ портфель и сталъ въ немъ искать.

— У меня сны были записаны,—началъ, онъ глядя въ упоръ на Бормота, который тоже смотрѣлъ на него немигающимъ взглядомъ.—Я все, бывало, что снится, возьму и запишу. И вы мнѣ снились. Вотъ какъ разъ такъ сидите, и обстановка вся та-же, и такіе-же волосы. А тогда васъ еще на свѣтѣ не было!

Онъ таинственно сверкнулъ глазками.

Бормотъ поклонился и вѣжливо шаркнулъ подъ столомъ ногами. Генералъ сталъ читать, что ему снилось наканунѣ разныхъ сраженій и рѣшительныхъ моментовъ его жизни. Молодой человѣкъ слушалъ. Голосъ генерала то пропадалъ, то звучалъ какъ труба, точно онъ носился по какимъ-то волнамъ и то утонетъ, то вынырнетъ. Наконецъ, стало темно, и слышались только глухіе перекаты этихъ волнъ. Бормотъ сдѣлалъ усиліе, вздрогнулъ, мракъ исчезъ; попрежнему на преддиванномъ столѣ горитъ свѣчка и сіяетъ стекло бутылокъ и рюмокъ. Шарамыкинъ говоритъ:

— Раз-а-д-алжили вы меня, ваше превосходительство, чувствительно благодарю васъ!

— Шутъ!

— Можетъ быть, это обратное зрѣніе? сказалъ Бор-

мотъ, глядя на генерала, и замѣчая, что онъ опять начинаетъ расплываться передъ нимъ въ туманѣ, тускло озаряемомъ свѣчнымъ пламенемъ, постепенно меркнущимъ.

— Ничего *эсто* не объясняетъ! Ахъ, господа молодежь! наше время было не чуждо...

— Не пон-нимаю, проговорилъ Бормотъ и съ наслажденіемъ посмотрѣлъ на подушку, лежавшую на диванѣ.

Онъ не помнилъ, какъ очутился на извощикѣ съ Шарамыкинымъ. Не пришелъ онъ въ себя и у Векшинской, которая хохотала, глядя, какъ онъ шатается. Потомъ онъ заснулъ. Проснулся — Шарамыкинъ кричитъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ самъ что-то ревниво прокричалъ...

XI

Когда Зильберманъ пришелъ къ Лоскотинымъ, свѣчи уже были зажжены, хоть небо и не совсѣмъ потухло, и изъ оконъ, на мѣстѣ заката, виднѣлось длинное красное пятно среди сизыхъ и желтыхъ тускнѣющихъ облаковъ. Тополи неподвижно стояли вокругъ дома. Отъ большой залы вѣяло холодомъ, и картины на стѣнахъ, въ почернѣвшихъ рамахъ, потрескавшіяся, съ странными сюжетами, полуголыми героями въ шлемахъ, козлоногими фавнами и фантастическими храмами, придавали ей нежилой видъ заброшенной комнаты какого-нибудь музея. Отъ кактусовъ, въ углу, падали на полъ узловатыя тѣни, и мѣдная инкрустація старинной мебели тускло сіяла.

Зильбермана встрѣтила Мэри въ черномъ платьѣ. Коса ея была нетуго обвита вокругъ головы. Прическа не шла къ ней, у ней было круглое лицо. На губахъ

играла привѣтливая улыбка. Зильберманъ былъ знакомъ съ нею недавно, но она ему нравилась; онъ пожалъ ея длинные тонкіе пальцы съ благоговѣніемъ.

— Ну, слава Богу, я готовъ.

— Хорошо, сказала она:—Лиза ждетъ въ гостиной.

Высокая, полная Лизавета Павловна была одѣта въ просторное темное платье. Она не могла отрѣшиться отъ непріятнаго чувства, которое внушалъ ей Зильберманъ, а онъ чутко ловилъ малѣйшую тѣнь на ея лицѣ и былъ вкрадчивъ. Лизу онъ давно зналъ—привозилъ ей однажды письмо и книги по порученію Лаптева—и считалъ судьбу ея схожей съ своею, но все-таки никогда не смѣлъ равнять себя съ Лизой. Ему она казалась высшимъ существомъ. Предъ нею онъ робѣлъ. Зато съ Мэри онъ часто бесѣдовалъ и обсуждалъ самые фантастическіе планы „обновленія“.

Теперь, ему стало неловко передъ Лизой не только потому, что она взглянула на него въ полоборота; онъ понялъ, лишь увидѣлъ эту дѣвушку, съ кроткимъ, но проницательнымъ взоромъ, какъ нетактично поступилъ онъ, обратившись за совѣтомъ къ Кульчицкому. Намѣренію Лоскотиныхъ уступить крестьянамъ землю онъ придалъ „тенденціозную“ таинственность, и Кульчицкій заговорилъ о жандармскомъ полковникѣ. Ни Лиза, ни Мэри не поручали ему этого. За обѣдомъ у Фелицаты Іадоровны точно также онъ не утерпѣлъ...

Онъ трусливо протянулъ Лизѣ руку.

— Устроили ваши дѣла?

— Устроилъ.

— Завтра ѣдете?

— Завтра.

— Денегъ хватило?

— Ахъ! Зачѣмъ объ деньгахъ разговаривать!

— Почему же не разговаривать? Но если хватило—тѣмъ лучше.

Съ тѣхъ поръ, какъ между Мэри и Лизой было порѣшено послать Зильбермана въ Дубовку, у ней постоянно являлась мысль, что выборъ сдѣланъ неудачно. Конечно, Зильберманъ хорошій человѣкъ, но непрактичный. Надо прожить зиму въ деревнѣ, узнать лично каждаго мужика, войти съ нимъ въ сдѣлки, ознакомиться основательно съ имѣніемъ, принять его отъ арендатора, сдѣлать опись. Это трудно, если вновѣ, хоть Зильберманъ и утверждаетъ, что выросъ въ деревнѣ и знаетъ хозяйство. Смущало ее также, что онъ не относится просто къ задачѣ, а ликуетъ, точно собирается погибнуть. Сама она охотно замѣнила бы его, но не можетъ—у ней были свои обязанности; непрактичность же Мэри была еще очевиднѣе. Да Мэри и не тянуло въ деревню. Она стала поговаривать о Петербургѣ, и была довольна, что Зильбермана устраиваютъ въ Дубовкѣ; она не раздѣляла опасеній сестры. О Фаничкѣ Лизѣ и въ голову не приходило. Волей-неволей надо было держаться Зильбермана. Впрочемъ, она не стала бы „деликатничать“ съ нимъ, еслибъ была убѣждена въ окончательной его неспособности. Но такого убѣжденія у ней не было. „Неужели потому, что онъ еврей“? спрашивала она себя.—И она тщательно скрывала эту нелюбовь къ нему.

— Я передамъ вамъ бумаги... Довѣренность и письма... Большой домъ развалился, а во флигелѣ жить можно... начала она.

— Я буду жить въ простой избѣ, возразилъ Зильберманъ.—Я не дворянинъ, я жидъ!

— Какъ знаете, проговорила Лиза, потупляя глаза.—Но будьте осторожны...

Мэри, покраснѣла.

— Наумъ Семенычъ будетъ остороженъ.

— Я знаю, замѣтила Лиза:—а все-таки... не надо придавать экстраординарнаго характера. Словъ какъ можно меньше...

— Зачѣмъ слова! вскричалъ Зильберманъ.

— Лиза! но онъ не мертвецъ...

— Замолчи, Мэри. — Меня не особенно порадуетъ, если Наумъ Семенычъ вообразитъ себя пророкомъ... Лиза улыбнулась, не договоривъ. — Нѣтъ, мы ужь говорили, и онъ знаетъ, что надо дѣлать. А, впрочемъ, я еще разъ повторю.

Она вдалась въ мелочи крестьянскаго быта и въ такія скучныя соображенія, что Мэри чуть не задремала и, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, пока говоритъ Лиза, взяла со стола газету. Но это былъ „Правительственный Вѣстникъ", наполненный адресами отъ разныхъ сословій, земствъ и городовъ, судебною хроникою, видами на урожай, назначеніями и производствами. Она отложила газету въ сторону и стала думать, какъ много она пережила въ послѣднее время. Она выросла, постарѣла—такъ ей казалось. Лиза—конечно, была, и остается самымъ дорогимъ для нея человѣкомъ, свѣтлымъ, добрымъ но... Странное дѣло! Нѣсколько недѣль всего живетъ она съ Лизой, а ужъ прежнее обаяніе старшей сестры потускнѣло. Она вращается въ кругу обыденныхъ интересовъ, на религіозныя упражненія Мэри смотритъ съ состраданіемъ. Дала книгъ, но книги тѣ же, что и въ библіотекѣ...

За чаемъ разговоромъ завладѣла Мэри. Споря, она блѣднѣла, а глаза разгорались. Сидѣла она противъ Зильбермана, и тотъ весь былъ поглощенъ созерцаніемъ ея лица... Неужели сердце Мэри недоступно? Тѣмъ удивительнѣе казалась она ему. Спорили о томъ, нравственно-ли поступаетъ человѣкъ, когда, задавшись цѣлью служить ближнимъ, пойдетъ въ трущобы, загрязнится и привыкнетъ къ грязи, а все-таки пользу принесетъ. Фаничка, которая вышла къ чаю съ разгорѣвшимся лицомъ и перепачканными въ чернилахъ пальцами, возра-

зила, что всякая грязь гадость. Лиза замѣтила, что надо взвѣсить хорошіе поступки человѣка и дурные. Мэри подумала и съ одушевленіемъ заговорила, что надо и среди самой ужасной грязи соблюдать душевную чистоту. Зильберманъ, зажавъ въ щепоткѣ кусочекъ сахара, откинулся на спинку кресла и сталъ говорить нервной скороговоркой:

— Надо, чтобъ не было грязи на томъ, кто несетъ свѣтъ... безгрѣшный... И весь вопросъ, чтобы идти по грязи и не запачкатъ ногъ... надѣть нравственные сапоги и не скидать ихъ.

Онъ помахалъ кусочкомъ сахара.

— Какія бы ужасныя муки ни доставляли сапоги,— продолжалъ онъ нараспѣвъ: — вы должны быть на своемъ посту... Нѣтъ компромиссовъ!.. Или грязь, или свѣтъ!

Мэри наклонилась къ Лизѣ и спросила:

— Неужели Зильберманъ неправъ?

— Правъ, сказала Лиза ласково: — но на практикѣ бываетъ иначе. Нельзя осудить человѣка за то, что онъ не совершенство и, служа хорошему дѣлу, пачкаетъ полъ, когда его принимаютъ въ порядочной гостиной...

. . . . . .

XII

Стояла темная ночь. Тополи, церкви и дома сливались. Мерцали огни. По небу иногда мягко чертила свѣтлый слѣдъ падучая звѣзда, точно слезинка. Было тепло и дремотно въ воздухѣ.

Зильберманъ шелъ отъ Лоскотиныхъ.

Онъ повернулъ за соборъ, поднялся на Базарную площадь, спустился по Спасскому переулку, застроенному неопрятными домами, перешелъ черезъ Кривой мостъ, гдѣ въ лавочкѣ минеральныхъ водъ еще свѣтилось, и услышалъ тихій плескъ рѣки.

Уныло прозвонили думскіе часы. Зильберманъ сравнилъ свое будущее съ этой ночью.

Что сулитъ ему жизнь?

Пройдя мостъ, онъ долженъ былъ повернуть налѣво и перерѣзать Новый Рынокъ — печальную площадь, среди которой одиноко, точно островъ на морѣ, возвышался большой деревянный театръ.

Зильберманъ занималъ одну изъ уборныхъ. Грязная продолговатая комната, съ сплошной, въ вышину человѣческаго роста, жирной темной полосой на стѣнахъ, съ вѣчнымъ запахомъ жженыхъ волосъ, со ставенькой окованной желѣзомъ, откуда продавались билеты въ галлерею. Вещей у Зильбермана не было никакихъ, и спалъ онъ на доскахъ.

Еще на Базарной площади у него стали подкашиваться ноги. Но площадь невелика, и онъ оправился. На Новомъ Рынкѣ ноги стали непослушнѣе. Зильберману казалось, что онъ упадетъ въ бездну. Это былъ ничѣмъ непобѣдимый страхъ. Но казалось, что и разбойники недалеко. Отнять нечего, но они его убьютъ. Имъ нужна его жизнь. Онъ медленно подвигался впередъ, озираясь, махалъ обѣими руками и судорожно вскрикивалъ. Весь въ поту, добрался онъ до праваго подъѣзда.

Но едва онъ вошелъ къ себѣ и зажегъ огарокъ, какъ услышалъ, что въ театрѣ, на сценѣ, кто-то ходитъ, кричитъ, стучитъ, поетъ. Это театральный сторожъ Савка. Онъ пьянъ. Когда Зильберманъ голодалъ, онъ молча приносилъ ему ломоть хлѣба и миску щей, но тщательно мылъ посуду послѣ него и ворчалъ: „И готколь іонъ узялся, пархачъ гэтакой!“ Савка служилъ

когда-то въ военной службѣ, считалъ себя великороссомъ и говорилъ на особомъ языкѣ, который называлъ „расейскимъ“. Ночью, во время запоя, онъ наткнулся на вѣтку бутафорнаго дерева и выкололъ себѣ глазъ. Постоянное общеніе съ актерами, вѣчная жизнь въ театрѣ, спектакли, декораціи, фальшивый блескъ бутафорной роскоши, праздность сдѣлали изъ Савки особое существо. Онъ угрюмо покуривалъ трубочку, но единственный глазъ его направленъ былъ къ небесамъ. Въ головѣ его бродили диковинныя мысли—о короляхъ, рыцаряхъ, о холщевыхъ лѣсахъ, королевахъ, и звучали отрывки изъ героическихъ піэсъ. Савка воображалъ себя то Уголино, то Донъ-Жуаномъ, то Гамлетомъ. Онъ могъ бы быть не хуже другихъ—„вотъ геслибъ только не гòко“ (т. е. глазъ), шепталъ онъ съ грустью, сидя въ своей каморкѣ, мрачной и сырой, какъ погребъ. Но когда онъ напивался, онъ выходилъ на сцену, завывалъ и ревѣлъ...

Онъ шумѣлъ.—Зильберманъ прислушивался, вздрагивая. Въ пустомъ театрѣ нелѣпо гремѣлъ голосъ Савки. Зильберманъ не выдержалъ: любопытно было взглянуть на Савку. Съ ножкой отъ стула пробрался онъ межъ кулисъ, и среди громадныхъ трепетныхъ тѣней притаился въ углу сцены.

На подмосткахъ, у рампы, горѣла сальная плошка, и желто-красное пламя вытягивалось дрожащимъ цвѣткомъ. Высоко стояли фальшивыя деревья, упираясь въ перекладины потолка, погруженнаго въ сумракъ. Савка ревѣлъ.

Что-то мелькнуло слѣва, раздался ударъ по рампѣ. Выступили изъ полумрака плечи Савки и темнокирпичная толстая шея. Толстыя ноги неуклюже перебѣжали сцену. Свѣтъ упалъ на его рубаху, выпущенную поверхъ брюкъ—она была красна, какъ кровь.

— Га-га-га!—Бравысимо! Га!

Савка снова ударилъ жердью по рампѣ.

— Га! Королева! Гэто что? Готкудова той рыцарь? Бей! Га-га! Гура, ваше высокоблагородіе!

Онъ сталъ неистово махать жердью надъ головой. Зильберманъ съежился.

— Выходи! Гей!

Савка, опустивъ на полъ жердь, повелъ вокругъ своимъ единственнымъ глазомъ; Зильберманъ видѣлъ, какъ блеснулъ онъ на мгновеніе. Сумракъ странно вздрагивалъ въ театрѣ. Зильберманъ хотѣлъ уйти, но Савка спокойно сказалъ:

— Теперича, прынцъ датскій, покуримо трубочки...

Онъ сѣлъ на полъ.

Зильберманъ высунулся изъ-за кулисы до половины. Но Савка тяжело всталъ, началъ плясать, какъ медвѣдь, пѣть:

„Отцы наши командеры шкандыбаютъ на квартеры“— ударилъ въ траппъ и сталъ опускаться.

— Гагага! Бравысимо! Хвора! Га! ревѣлъ онъ.—Дорогу гаркадьскому прынцу! Дорро...

Онъ кричалъ еще подъ поломъ, ругался, стучалъ и нескоро затихъ.

Зильберманъ вышелъ изъ засады. Безмолвными рядами тѣснились пустыя кресла, висѣли одна надъ другой ложи. „Что если тамъ кто-нибудь сидитъ и смотритъ?“ подумалъ Зильберманъ. И онъ вспомнилъ про *шеоль*, еврейскій адъ, черный и пустынный, какъ осенняя ночь въ степи, о которомъ ему говорила когда-то бабушка, шевеля своими желтыми губами. Въ немъ вѣчно осуждены носиться души людей, не сознавая себя, слѣпыя и безшумныя, какъ летучія мыши. Что-то жалобно пропищало вдали. Зильберманъ вздрогнулъ.

— Какія глупости!

Тѣни заколыхались и мягко забѣгали по театру. Зильберманъ взялъ плошку и направился къ себѣ.

Онъ легъ.

Теперь ему не давали покоя печальныя размышленія

о Кульчицкомъ. „Я проврался, увлекаемый точно какимъ бѣсомъ". Размышленія явились внезапно, какъ призраки. Онъ переворачивался съ боку на бокъ и вспоминалъ свои честныя рѣчи у Лоскотиныхъ. Онъ преувеличивалъ значеніе промаха. Глядя въ темноту, онъ спрашивалъ себя: „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, глупый человѣкъ? Зачѣмъ тебѣ надо было высказываться?"

И, вдругъ затаивъ дыханіе, онъ сталъ прислушиваться къ какому-то шороху.

Шорохъ? Ясный шорохъ. Кто-то шевелится. Кто-то стучитъ. Подъ лавкой, или въ углу, лежитъ собака и чешется. Она теряетъ терпѣніе. Какъ она громко стучитъ лапой!

Зильберманъ нащупалъ возлѣ себя спички и зажегъ свѣчку. Нигдѣ никакой собаки, а стукъ продолжался.

— Ой! Савка! крикнулъ онъ.

Стучитъ.

— Савка, зачѣмъ ты притворяешься собакой!

Стукъ кулакомъ.

— Савка! не разбойничай!

— Отворите, пожалуйста!

Это было сказано густымъ басомъ.

— Кто тамъ? спросилъ Зильберманъ, подползая къ форточкѣ.

— Знакомый.

Зильберманъ перевелъ духъ и вытеръ мокрый лобъ.

— Какой?

— Старый.

— А именно?

— Лаптевъ.

Зильберманъ приложилъ руку къ сердцу—оно страшно забилось—и произнесъ:

— А!

И отперъ форточку.

XIII

Въ часу десятомъ утра изъ театральнаго дворика выѣхала скверная бричка, запряженная худой, какъ скелетъ, лошадью. Въ бричкѣ сидѣли Зильберманъ и Адель. Они молчали и были блѣдны.

У воротъ казеннаго сада Зильберманъ велѣлъ остановить лошадь. Адель, на умоляющій взглядъ Наума Семеновича, кивнула головой и вошла въ ворота, съ тючкомъ въ рукахъ. Когда она скрылась, Зильберманъ вздохнулъ:

— Поѣхали!

Извощикъ сталъ страшно кричать по еврейски, лошадь мотала головой, позвонки ея трещали подъ кожей. Уколотый палкой, скелетъ взмахнулъ хвостомъ и побѣжалъ, наконецъ, хромой рысцой.

Зильберманъ отправился въ Дубовку.

Адель неторопливо шла по аллеѣ. За стволами бѣлѣлъ балконъ губернаторскаго дома, увитый дикимъ виноградомъ. Прудъ былъ обрамленъ зеленой щеткой подстриженныхъ акацій. Отраженныя деревья расплывались въ водѣ—дулъ вѣтерокъ. Голубая сталь тускнѣетъ такъ отъ теплаго дыханія.

Со вчерашняго дня тоска и еще что-то — испугъ? недоумѣніе? — терзаютъ Адель. Что это? До семнадцати лѣтъ прожила она безмятежно, и вдругъ!.. Утративъ власть надъ собой, отдавшись Шарамыкину, она стала другою. Она гадкая, нехорошая. Ужасъ въ ея сердцѣ.

Утка шарахнулась въ воду и поплыла, раскрывая клювъ направо и налѣво. Прошелъ рослый солдатъ и посмотрѣлъ на дѣвушку. Онъ поднялъ сухую вѣтку и швырнулъ. Утка метнулась въ сторону съ звонкимъ хрипомъ, и отъ крыла, которымъ она ударила по водѣ, засверкали брызги.

Адель опять стала думать о Шарамыкинѣ. Ей надо

было объясниться съ нимъ, но она не знала какъ, и тщетно напрягала умъ.

Сегодня она заходила къ нему. Его не было. Его не было въ театрѣ. „Онъ у Векшинской“, думала она.

Онъ ее обманываетъ. „Мерзкій, лысый!“ прошептала она со злостью. Ей вспомнилось, что когда пропали деньги у Серафимочки, она подумала на Шарамыкина. Отчего она это подумала?

„Еслибъ я никогда съ нимъ не встрѣчалась!“

Но у Шарамыкина такіе добрые, лучистые глаза! Когда онъ говоритъ, ее въ жаръ бросаетъ! На сцену она могла бы попасть лишь черезъ него! А она чувствуетъ въ себѣ силы. Она можетъ играть и горничныхъ, и барышень.

Что ей дѣлать? Она чуть не расплакалась.

Навстрѣчу шелъ тотъ солдатъ. Онъ улыбнулся ей угломъ рта. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ со шпорами и въ красныхъ эполетахъ.

Желтые листья все падали, медлительно вращаясь въ лѣтнемъ воздухѣ. Осень напоминала о себѣ.

Адель думала:

„Не любитъ. Но все уже сдѣлано, чего нельзя было дѣлать“.

Ей надо было къ Лоскотинымъ. Она нарочно высадилась у воротъ сада—прямой былъ путь; но такъ была занята своимъ горемъ, что забыла, зачѣмъ она въ саду.

Она сѣла на скамью. Внезапно слезы хлынули изъ глазъ. Она плакала и вытирала щеки кистями рукъ.

Но явилось мало-по-малу сожалѣніе къ самой себѣ. И это заглушило, наконецъ, боль.

Когда она подняла глаза, солдатъ, въ красныхъ махровыхъ эполетахъ, подходилъ къ ней.

— Позвольте огоньку, барышня, курить смерть хочется.

— Нѣту у меня спичекъ.

— Гулять изволите?

— Да.

— Я вотъ тоже вышелъ... Эхъ, какъ же такъ!

Адель молчала. Онъ посунулся къ ней.

Ей стало страшно. Скамейка въ самой глухой части сада. Въ эту пору дня никто не гуляетъ. Годъ назадъ здѣсь были задушены двѣ дѣвочки, и убійца не найденъ. Птицы кричали, шумѣли деревья.

— Не удостоите-ли...

Солдатъ протянулъ Адели горсть сѣмячекъ.

Она сказала:

— Благодарю васъ.

— Отчего-же не взять?

— Уйдите прочь! вдругъ закричала она.

Но онъ осклабился—его ободрило, что дѣвушка сердится—и онъ обнялъ ее за талію.

Онъ не успѣлъ осмотрѣться, какъ она ужъ была далеко.

Запыхавшись, прибѣжала она къ Лоскотинымъ. Но тамъ она вспомнила, что забыла на скамейкѣ тючокъ Зильбермана. Зильберманъ сказалъ ей: „это очень важная вещь“, и просилъ передать Мэри. Она боялась огорчить Мэри и о потерѣ умолчала. Въ садъ она не вернулась. Она сознавала, что поступила нехорошо. Но это нехорошее страннымъ образомъ примирило ее съ Шарамыкинымъ.

—※—

XIV

Она встрѣтила Шарамыкина, идя домой. Онъ былъ въ черной парѣ, цилиндрѣ и даже въ перчаткахъ. Фалды фрака его расходились, какъ хвостъ ласточки.

— Весь день бѣгаю... началъ онъ. Приходи завтра въ театръ. Баклановъ устроилъ... Кульчицкая хлопочетъ... Будетъ проба силъ... Фу, усталъ!

— Я пойду съ тобой, сказала Адель, поднимая на него глаза. Не бойся, я не буду дѣлать сценъ.

Актеръ покраснѣлъ.

— Пойдемъ.
— Ты это выкупилъ?
— Да.
— И перчатки купилъ?
— Да.
— Сколько далъ?
— Девяносто копеекъ.
— А гдѣ ты денегъ взялъ?
— Досталъ.
— Гдѣ?
— У генерала.
— Честное слово?
— Клянусь!

Они прошли улицу и вошли въ домикъ, съ покосившимся крылечкомъ.

Шарамыкинъ занималъ одну комнату.

На столѣ лежала груда запыленныхъ тетрадей и книгъ: „Театральная библіотека“, „Живая струна“, „Петербургскія трущобы“. Въ углу стояли сапоги изъ клеенки: съ раструбами, съ каблуками, оклеенными серебряной бумагой. На полу тускло блестѣли золотыя звѣздочки. Адель вспомнила, что такія звѣздочки были на ея домино, когда она первый разъ заѣхала вечеромъ къ Шарамыкину. Неужели это тѣ-же?—Она перевела глаза на фотографіи актеровъ. Необыкновенные люди и притомъ первые любовники. Громадные волосы взбиты, бритыя лица вдохновенны, руки сложены по-наполеоновски. У благородныхъ отцовъ лица смѣшныя и нелѣпыя. Актрисы въ характерныхъ костюмахъ, нестественно перегнутыя, съ полуобнаженною грудью или въ трико. Надъ кроватью вѣнокъ, поднесенный Шарамыкину въ какомъ-то городѣ любителями театральнаго дѣла. Ниже въ раз-

золоченной рамкѣ нецензурная картинка. Она была грубо наляпана самимъ Шарамыкинымъ.

Адель вздохнула.

— Скажи, за что я люблю тебя?..

Шарамыкинъ взялъ ее за подбородокъ.

— Не понимаю, продолжала Адель. — Какіе волоса у Векшинской?

— У ней перья, а не волоса, сказалъ Шарамыкинъ.

— Ахъ, какъ хорошо! И ты ее любишь... Но—женишься ты на мнѣ? Ахъ, ты, мой милый! Ты можешь не жениться!.. Обманывай меня!.. Мы съ тобой пара!

Она была блѣдна и дрожала, глаза горѣли. Ему показалось, что она больна. Но онъ все-таки сталъ цѣловать ее.

Она продолжала:

— Тетушка думаетъ, что я ангелъ... Вотъ смѣхъ!.. Ты напрасно стыдишься меня... Говори правду... и я даже хуже тебя... Ты актеръ, а я... Что-жъ, я развѣ не понимаю?

— Адель!

— Ты воръ! Слышишь?

Она схватила его обѣими руками за голову.

— Оставь!

— Скажи! скажи, ради Бога, признайся!

Актеръ спряталъ лицо у ней на плечѣ.

— Ты измѣняешь мнѣ и уворовалъ деньги у Серафимочки... Говори!

— Зачѣмъ тебѣ?!..

— Потому что я низкая! сказала Адель.

— Клянусь тебѣ!

Адель вздохнула. Она сидѣла, блѣдная, почти безжизненная. Она считала бы теперь счастьемъ, еслибъ Шарамыкинъ былъ съ нею откровененъ. Но онъ горячо толковалъ о своей честности.

Смеркло. Звѣзды мигали. Городъ уже спалъ, когда Адель возвратилась домой.

XV

Генералъ Баклановъ пилъ свой „утренній портвейнъ“ и запивалъ молокомъ въ палаткѣ, раскинутой въ саду. На немъ была его бѣлая черкесска, перетянутая ремнемъ. Узорчатыя тѣни отъ вишенъ и яблоней вырисовывались недвижно на пескѣ дорожекъ.

Вошелъ Шарамыкинъ.

Генералъ улыбнулся и указалъ на портвейнъ.

Шарамыкинъ выпилъ и молча сѣлъ. Лицо у него было сосредоточенное, съ припухшими мѣшками пониже глазъ.

— Ну, что?

— Живемъ.

Онъ сидѣлъ свободно, заложивъ ногу, уронивъ руку на спинку кресла.

— Какого ты происхожденія?

— Амурнаго.

— Ха-ха!

Генералъ прихлебнулъ изъ стакана.

— Что, Кульчицкая?

— Дура, ваше превосходительство.

— А все-таки? Ѣздитъ, проситъ?

— Проситъ.

— Ну?

— Въ часъ проба силъ. Притеките, ваше превосходительство! Можетъ быть, умрете.

— Дуракъ.

— Отъ смѣха, ваше превосходительство.

— Ха-ха!

— Иначе я не посмѣлъ бы вообразить себѣ вашу кончину.

— Да ну, оставь эсто.

Актеръ замолчалъ.

— А твой студентъ?—спросилъ генералъ.

— До сихъ поръ пьянъ, ваше превосходительство.

— Жаль молодого человѣка.

— Стыдится.

— Ахъ, бѣдный! Ты скажи: ничего! Ну, что это! Пустое!

— Онъ сегодня въ театрѣ будетъ.

— Отлично. А Кульчицкая дура?

— Глупѣе Фелицаты Іадоровны, ваше превосходительство.

— Только ты этого не брякни ей.

— Я ей, ваше превосходительство, ужъ сказалъ, что она умная.

— Шутъ!

— Можно за ней ухаживать?

— По-моему, можно,—отвѣчалъ генералъ.

— Приму къ свѣдѣнію, ваше превосходительство.

Актеръ понюхалъ табаку и стряхнулъ пальцы.

— Серафимочка, — началъ онъ: — поручила передать поклонъ вашему превосходительству. Я съ ней видѣлся сегодня.

— Очень радъ,—сказалъ генералъ сухо.

— Она искренно предана вамъ...

— Не хочу спорить,—замѣтилъ генералъ.

— А нравится-ли вамъ, ваше превосходительство, Адель?

— Недурна.

— Вамъ стоило бы мнѣ сказать только словцо...

Но генералъ покраснѣлъ.

— Я, братецъ, въ эстихъ дѣлахъ не люблю посредниковъ, сказалъ онъ и, позвонивъ въ бронзовый колокольчикъ, велѣлъ лакею позвать повара.

XVI

Въ театрѣ началось движеніе съ полудня. Савка подмелъ сцену и отворилъ двери. Изъ слуховыхъ оконъ упали на фальшивыя деревья полоски солнечнаго свѣта.

Появился высокій и тонкій молодой человѣкъ, съ истасканнымъ блѣднымъ лицомъ и пышными рыжими волосами, въ клѣтчатыхъ брюкахъ и синей жакеткѣ съ клапанами. Бѣньковичъ, помощникъ секретаря губернскаго акцизнаго управленія. Онъ минутъ десять одиноко ходилъ по сценѣ, играя золотымъ пенснэ.

Вошла, шурша юбками, учительница женской гимназіи, m-lle Тимкова, кругленькая, съ большими руками въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, близорукая и тонкогубая. И она принялась ходить по сценѣ, поглядывая на кулисы.

Корридоры театра наполнились голосистымъ шумомъ.

Вбѣжали и поздоровались съ Тимковой юныя барышни Омельченковы, въ соломенныхъ шляпкахъ и малорусскихъ костюмахъ, весною окончившія гимназію. У одной лицо было смуглое, продолговатое и пугливый взглядъ черныхъ глазъ. Ее звали Ганіевскою.

Бѣньковичъ накинулъ на свой коротенькій носъ пенснэ.

Но оно плохо держалось. Барышни засмѣялись. Золотая дужка пенснэ засверкала, вращаясь вокругъ его указательнаго пальца, какъ искра.

Еще пришла дама, безцвѣтная, съ тупымъ лицомъ и съ желтыми волосами, объ руку съ плотнымъ господиномъ, съ низко остриженными бакенами и сердцевиднымъ ртомъ, краснымъ и сочнымъ, какъ мякоть спѣлаго арбуза. Онъ былъ въ зеленомъ пальто и съ дождевымъ зонтикомъ. Адвокатъ Сыроѣдовъ съ женою, неофиціальный помощникъ Кульчицкаго, служившій нѣкогда въ гу-

бернскомъ правленіи столоначальникомъ. Бѣньковичъ расшаркался предъ желтой дамой и, осѣвъ на лѣвую ногу, хищно посматривалъ на барышень. Сыроѣдовъ сталъ разсказывать, какой подлецъ-народъ жиды: онъ былъ сейчасъ у мирового судьи и проигралъ дѣло.

— Ваша супруга будетъ играть?

— Большое сценическое дарованіе!

Жена посмотрѣла на него въ профиль и улыбнулась.

— Мой другъ! произнесла она жеманно.

Въ литерной ложѣ, погруженной въ густой синеватый сумракъ, появились Адель и Фаничка. Трауръ мѣшалъ Фаничкѣ принять самой участіе въ спектаклѣ. Обѣ перешептывались.

Въ другой ложѣ обозначилось лицо генерала Бакланова, съ вихрами на вискахъ. А на сцену вбѣжалъ Шарамыкинъ во фракѣ и сталъ всѣмъ жать руку. Отъ него разило виномъ.

Посмотрѣвъ въ углы и за кулисы, онъ ушелъ и скоро вернулся съ Савкой и со стульями.

— Господа! прошу васъ!

— Садитесь, садитесь!—кричалъ онъ.

— Савка! столъ! Зарѣжешь, одноглазый дьяволъ! Столъ, который въ кладовой. Сотри пыль, анаѳема!

Вошли: докторъ Мухинъ, громаднаго роста, съ краснымъ, какъ изъ бани, лицомъ и черными прямыми волосами, въ бархатномъ пиджакѣ и малорусской сорочкѣ; Бормотъ съ Векшинской; учитель латинскаго языка Томса, чехъ, маленькій, плечистый, съ круглой грудью, напряженнымъ лицомъ и большими глазами на выкатѣ, точно у лягушки; Кульчицкій въ изящной пуховой шляпѣ и модномъ пальто. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ, въ надеждѣ отыскать Полину Ермолаевну.

Подлетѣлъ Шарамыкинъ. Томса покраснѣлъ и что-то промычалъ. Кульчицкій сказалъ сухо: „На меня не разсчитывайте“. А Мухинъ вынулъ тяжелый серебря-

ный портсигаръ, раскрылъ его и поднесъ Шарамыкину. Но актеръ не курилъ. Мухинъ направился къ m-lle Тимковой. За ней онъ ухаживалъ: объ этомъ всѣ говорили. Онъ протянулъ папиросы ей.

Бормоту Шарамыкинъ мигнулъ на ложу, гдѣ сидѣлъ генералъ. Но студентъ подошелъ къ Омельченковымъ. Онѣ когда-то учились въ пансіонѣ, содержимомъ его родными. Омельченковы представили его Ганіевской.

Векшинская стояла недалеко отъ него и ждала, что онъ познакомитъ ее съ молоденькими барышнями.

Шарамыкинъ не унимался.

— Бормотъ, иди!

— Куда?

— Къ генералу, голова съ мозгами! Извинись.

Юноша вторично былъ имъ пойманъ возлѣ Мухина и Тимковой.

— Иди!

— Отстань.

— Смотри у меня!—сказалъ Шарамыкинъ и хлопнулъ его по плечу. —Докторъ!—обратился онъ къ Мухину:— на пару словъ. Бормотъ, подожди. Докторъ... между нами...

Докторъ наклонилъ голову.

Въ пьяномъ видѣ Мухинъ „идеализировалъ“ людей. Давши денегъ, онъ обнималъ своего должника, смотрѣлъ ему въ глаза и говорилъ, что онъ не знаетъ человѣка великодушнѣе себя. Должникъ долженъ былъ иногда и пить вмѣстѣ съ Мухинымъ. На другой день Мухинъ съ трудомъ вспоминалъ, что происходило, и старался наверстать потерянное, усугубляя проценты и предаваясь азартнымъ играмъ.

Шарамыкинъ спросилъ осторожно:

— Вы дали денегъ Зильберману?

Докторъ потеръ переносицу.

— Нѣтъ.

Актеръ выразительно взглянулъ на молодого человѣка.

— А я къ вамъ хотѣлъ обратиться, докторъ, началъ онъ.

— Не могу, произнесъ Мухинъ.

— Рублей двадцать...

— Не могу.

Онъ направился къ Тимковой.

Шарамыкинъ ушелъ къ Адели, а студентъ въ ложу Бакланова.

Генералъ обнялъ его за талію, усадивъ подлѣ себя, и началъ:

— Такъ и вы театралъ? Театръ—поэзія. Надо любить все, что возвышаетъ насъ и даетъ намъ забвеніе... М-да.

— Само собой...

Генералъ продолжалъ:

— Въ наше время поэзія играла первенствующую роль. Поэзія, женщины и вино.

Бормотъ посмотрѣлъ на него, на его драповую черную жакетку и бѣленькій крестикъ въ петлицѣ.

Генералъ продолжалъ, нѣсколько смущенный молчаніемъ молодого человѣка:

— Теперь любовь отрицаютъ, то-есть женщинъ. Но, господа, нельзя! Я никогда не отрицалъ женщинъ.

Онъ съ горделивой улыбкой прибавилъ:

— И былъ знакомъ съ графиней Ростопчиной!

Наступила продолжительная пауза.

— Молодой человѣкъ! началъ генералъ:—вы мнѣ искренно понравились.

Онъ пожалъ ему руку.

— Разскажу, я вамъ, какъ я женился, началъ довѣрчиво генералъ.—Вы увидите, что значитъ поэзія, женщины и вино.

Онъ улыбнулся и дотронулся до его плеча.

— Это было въ Петербургѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Я, баронъ Дуббельнталь и графъ Разнатовскій были въ оперѣ. Вдругъ вижу: сидитъ этакая полная дѣвушка. Глаза черные! Мои товарищи млѣютъ. Что, говорю, хороша? „Восторгъ". — Она моя, объявляю. — „Знакомъ?"—Въ первый разъ вижу.—„И она твоя?"—Будетъ моя.—„Ты съума сошелъ?—Пари.—„Идетъ".—Пари на дюжину шампанскаго. И что-жъ, молодой человѣкъ?—черезъ недѣлю, я ужь бывалъ. Черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ предложеніе.

Онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на Бормота.

— И былъ счастливъ, прибавилъ онъ.

Студентъ позволилъ себѣ замѣтить:

— Особая натура у васъ.

— Именно! подхватилъ Баклановъ.—Вы меня понимаете.

— А шампанское вы получили?

— М-да.

— А Шарамыкинъ васъ не понимаетъ?

— Шутъ! сказалъ генералъ.—Симпатиченъ, но безъ чести.

Онъ указалъ на сцену.

— Вульгарные субъекты. Особливо же вульгаренъ Кульчицкій. Однако, онъ тоже молодой человѣкъ.

Генералъ съ упрекомъ взглянулъ на Бормота.

Кульчицкій поднялъ голову и низко поклонился Бакланову. Генералъ привѣтствовалъ его рукой.

Когда Кульчицкій вошелъ въ ложу, генералъ сказалъ:

— Мой молодой другъ Бормотъ.

Кульчицкій назвалъ себя.

Бормотъ замѣтилъ, что генералъ разговариваетъ съ Кульчицкимъ иначе, чѣмъ съ нимъ. Онъ сталъ картавить и напустилъ на себя какую-то изысканную вѣжливость. Рѣчь шла о домѣ. Кульчицкій объявилъ, что

ему удастся отложить торги. Генералъ поблагодарилъ и перевелъ бесѣду на театръ.

— Что же нашъ командиръ? Сбѣжала дамочка! пошутилъ генералъ.

Онъ вынулъ папиросы. Кульчицкій съ трескомъ зажегъ спичку. Дымъ поползъ въ залу голубыми струйками. Въ ложѣ курили и молчали.

Узкая дверца пріотворилась. Шарамыкинъ вызвалъ Бормота.

Въ корридорѣ было темно; но можно было различить, что Шарамыкинъ не одинъ.

— Прежде всего познакомлю тебя, началъ Шарамыкинъ:—Адель Бѣлоногъ.

— Мы немного знакомы.

— У насъ бываетъ Фелицата Іадоровна.

— Вовторыхъ, необходимо, мамочка, чтобы ты подтвердилъ ей, что Мухинъ...

— Все равно... произнесла Адель.

— Пожалуйста, не все равно... Послушай, Бормотъ: что Мухинъ сказалъ о Зильберманѣ? Давалъ онъ ему денегъ?

Бормотъ повторилъ сказанное Мухинымъ.

— А! каково, Адель Карповна? воскликнулъ съ торжествомъ Шарамыкинъ.

Корридоръ загибался полукругомъ. Кто-то раскрылъ двери, и изъ громадныхъ сѣней мутный свѣтъ пролился широкимъ потокомъ. Бормотъ увидѣлъ, что дѣвушка блѣдна, а Шарамыкинъ красенъ.

Она простилась съ ними и побѣжала по другому крылу корридора къ Фаничкѣ.

Шарамыкинъ остался съ Бормотомъ, мрачно глядѣлъ на своего друга и нюхалъ табакъ.

Пришелъ Савка, пылая гнѣвомъ.

— Романъ Парамоныч!

— Что?

— Будетъ лепетиція?

— Ахъ ты, чортъ одноглазый! вскричалъ Шарамыкинъ.—А пыль стеръ?

— Что̀ пыль!

— Столъ принесъ?

— Что̀ столъ!

Савка махнулъ рукой, повернулся на своихъ тяжелыхъ сапогахъ, положивъ руку въ необъятный жилетъ съ мѣдными коническими пуговками и исчезъ въ корридорѣ.

Но едва Шарамыкинъ сдѣлалъ съ Бормотомъ нѣсколько шаговъ, какъ Савка снова затопалъ по корридору.

— Романъ Парамонычъ!

— Ну!?

— Гактеры бунтуютъ!

— Дуракъ!

Шарамыкинъ торопливо пошелъ на сцену съ озабоченнымъ лицомъ. Савка долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и качалъ головой. Бормотъ возвратился въ ложу генерала.

За кулисами Векшинская сказала Шарамыкину:

— Поздравляю съ любителями.

Онъ спросилъ:

— Недовольны?

— Подожди еще, какъ морды надуютъ!.. Еще будетъ не такъ... Еще накланяешься... какія-нѐбудь драни дѣвчонки — радѐньки чьто дурнѐньки! — и тѣ нòса поднимаютъ.

Онъ не сталъ слушать ее больше и появился на сценѣ, извиняясь, что нѣтъ Полины Ермолаевны.

— А можно и приступить... Господа, въ самомъ дѣлѣ, не приступить-ли?

— Пора бы, сказала Ганіевская.

Сыроѣдовъ сказалъ:

— Начинайте съ жены!

— Мой другъ! произнесла Сыроѣдова.

Шарамыкинъ забѣгалъ по сценѣ.

— Къ столу! Савка! Филинъ! Еще стульевъ!

Томсу онъ схватилъ за руку и посадилъ возлѣ Сыроѣдовыхъ, а на Омельченковыхъ такъ посмотрѣлъ, что онѣ сами сѣли. Векшинская пришла и начала разговоръ съ Томсой.

Вбѣжала на сцену Полина Ермолаевна, въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и въ барежевомъ платьѣ.

— Excusez... Какъ я опоздала!..

Она поздоровалась съ Сыроѣдовой и ласково потрепала по щекѣ Ганіевскую. Дѣвочка приходилась ей кузиной. Полина Ермолаевна со сцены улыбнулась генералу.

Шарамыкинъ подвелъ къ ней Векшинскую. Обѣ женщины окинули другъ друга быстрымъ взглядомъ. Пальцы ихъ рукъ сплелись. Съ чувствомъ смотрѣли онѣ одна на другую. Протянули губы и поцѣловались.

По знаку Шарамыкина, Савка принесъ охапку тетрадей.

... Полосы золотого свѣта на фальшивыхъ деревьяхъ уже потухли, когда любители стали покидать театръ. Выходили группами. Омельченковы, Ганіевская, Адель и Фаничка, Бормотъ, Векшинская, и Полина Ермолаевна. Бормотъ заглядѣлся на Фаничку. На плечахъ ея сверкала пелеринка изъ чернаго стекляруса. Векшинская приглашена была къ Полинѣ Ермолаевнѣ на обѣдъ, и все ея существо выражало глубокую признательность. Генералъ уѣхалъ раньше, съ Кульчицкимъ, котораго подвезъ домой. Мухинъ и Тимкова. Сыроѣдовы. Дождевой зонтикъ ихъ казался малюткой, котораго они вели за руку. Бѣньковичъ и Шарамыкинъ. Томса и Софья Карловна. Она пріѣхала послѣ Кульчицкой—жена казначея; объ ея голосѣ ходили легенды. Маленькій Томса, хорошо игравшій на віолончелѣ, долженъ былъ акомпанировать ей. Онъ сталъ ея кавалеромъ заблаговременно. Но почти не видѣлъ лица своей дамы и только по обширной тѣни,

которую Софья Карловна отбрасывала на землю, могъ составить представленіе объ ея ростѣ.

Савка запиралъ театръ.

XVII

Провинціалъ любитъ, чтобъ его считали талантомъ. А самъ онъ въ этомъ увѣренъ. Нѣтъ адвоката, учителя, чиновника особыхъ порученій, акцизника, недоросля, гувернера, жидка, служащаго прикащикомъ въ книжномъ магазинѣ, бухгалтера и даже квартальнаго надзирателя, которые не писали бы стиховъ или повѣстей и не были бы убѣждены, что имъ не хватаетъ только терпѣнія создать что-нибудь солидное, и недостаетъ протекціи, безъ которой журналы недоступны. И вотъ, они предпочитаютъ театръ, здѣсь удовлетворяется ихъ жажда славы. Поломавшись на подмосткахъ, они пишутъ объ этомъ въ газетахъ. Извѣстно, что Бѣньковичъ въ прошломъ году преплачевно дѣйствовалъ въ роли Жадова, но въ „Кіевлянинѣ“ расхвалилъ себя. Этотъ Бѣньковичъ не обличаетъ администраціи и нетрогаетъ дворянъ и жидовъ. Отъ денегъ онъ отказывается — боится, что если возьметъ, то перестанутъ печатать, а отъ обличеній воздерживается — прогонятъ со службы. Онъ пишетъ для славы и сообщаетъ болѣе или менѣе безобидныя новости, описываетъ пожары, молебны въ соборѣ при многочисленномъ стеченіи народа; клевещетъ на соперниковъ, имѣющихъ успѣхъ у дамъ (которыхъ называетъ N и Z); разсказываетъ объ общественныхъ скандалахъ (— „Въ церковь, во время вѣнчанія купца X съ купеческой дочерью Y, ворвалась необыкновенной красоты дѣвушка, ведя за руку ребенка трехъ лѣтъ, а другого, еще можно сказать, въ зачаточномъ состояніи, прижимая къ тре-

пещущей груди и, при всеобщемъ сочувствіи, начала громко кричать и поносить своего соблазнителя, требуя законнаго удовлетворенія, но была вскорѣ выведена полицейскими"); повѣствуетъ о происшествіяхъ, выходящихъ изъ ряда вонъ (о двухголовыхъ телятахъ, о странномъ нарывѣ на языкѣ у вдовы коллежскаго ассесора ***, о градобитіяхъ) и тщательно хранитъ свои корреспонденціи, вырѣзывая ихъ и вклеивая въ большую книгу. Ее онъ утащилъ изъ архива акцизнаго управленія; когда-то она была назначена въ запасъ, для входящаго реестра, и сохранилась чистою. По временамъ онъ перечитываетъ ее вслухъ немногимъ друзьямъ своимъ. Шарамыкинъ цѣнитъ этого любителя и далъ ему лучшую роль. Спектакль будетъ смѣшанный: одно отдѣленіе драматическое, другое вокально-инструментальное, третье Шарамыкинъ исполнитъ самъ—„артистическое". Онъ никого не обидѣлъ изъ любителей. Всѣмъ нашелъ занятіе—выборъ невеликъ—и наговорилъ любезностей Полинѣ Ермолаевнѣ. Отозвавъ Векшинскую въ сторону, онъ сказалъ, чтобъ она не брюжжала, десятый процентъ со сбора онъ отдастъ ей. „Ахъ, какой добрый! насмѣшливо воскликнула Векшинская.—Будутъ мнѣ играть, то я тебѣ дамъ двадцать".—„Матушка, двадцать, такъ двадцать!"—сказалъ Шарамыкинъ и махнулъ рукой.

XVIII

На репетиціи собирались черезъ день. Полина Ермолаевна устраивала на сценѣ завтраки. Старшая Омельченкова скоро стала находить, что Бѣньковичъ совсѣмъ не такъ смѣшонъ. Бормотъ былъ представленъ Фаничкѣ Лоскотиной.

Однажды онъ пришелъ рано. Звонили во всѣ коло-

кола—былъ праздникъ. Бормотъ походилъ по сценѣ сталъ насвистывать.

Наискось, черезъ театръ, пронизывая сумерки, тянулись свѣтлыя ленты золотистаго тумана, ударяясь въ бѣлый картонъ ложъ и загораясь на немъ желтыми огнями.

Было такъ свѣтло, что можно было бы увидѣть, кто сидитъ въ райкѣ; только въ боковыхъ ложахъ, вѣерообразно скошенныхъ къ сценѣ, было темно.

Но кто-то кашлянулъ. Бормотъ оглянулся.

— Здравствуйте, Константинъ Петровичъ!

— Кто вы?

— Хо-хо!

— Ну, здравствуйте!

— Идите сюда!

Фаничка сидѣла въ губернаторской ложѣ.

Онъ вошелъ, былъ привѣтливо встрѣченъ. И онъ видѣлъ, какъ въ прозрачныхъ потемкахъ горѣли ея глаза и улыбались губы.

— Хотите? сказала она.—Сегодня такой день, что надо ѣсть яблоки. У меня есть другое. На-те.

Она вынула яблоко изъ кармана. Оно было теплое, и онъ укусилъ его.

— А я изъ церкви удрала. Я невѣрующая. Вамъ скоро ѣхать?

— Августикъ я пробуду...

— Кажется, трудно въ университетѣ?

— Занятій гибель! Финансы, полицейское право, уголовное, гражданское... каноническое, энциклопедія, римское право, морское право...

— Боже, сколько правъ!

— На службу поступишь — какія тамъ права!—продолжалъ Бормотъ: въ Россіи все такъ... Ввели латинскій и греческій, а зачѣмъ?.. Ей-Богу, смѣхъ!

Фаничка спросила:

— А Полина Ермолаевна — не правда ли, какая-то странная?

— Да...

— А на какую службу вы поступите?

— На гражданскую... Но необходима протекція.

— Приходите къ намъ,—сказала Фаничка.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Вы не думайте, однако, что я сухой прозаикъ...

Фаничка прервала его: взглянула на свои часы и объявила, что скоро двѣнадцать. Въ театрѣ стало темнѣе. Одна лента золотистаго тумана погасла.

— Никого нѣтъ!—сказала Фаничка и швырнула на сцену огрызокъ яблока съ ловкостью уличнаго мальчишки.

— Идутъ!

— Сядьте подальше отъ меня! На тотъ стулъ!— шепнула Фаничка торопливо.

Пришли: Адель, Векшинская, Полина Ермолаевна, Бѣньковичъ. Театръ наполнился. Бормотъ ушелъ на сцену и думалъ о Фаничкѣ. Сказавши свою роль, онъ вернулся въ ложу—но Фаничка уже уѣхала.

—≋—

XIX

— Полина Ермолаевна! Мнѣ казалось-бы, что фразу, которую вы говорите послѣ словъ: „Великій Боже“!.. „Я ваша, любезный графъ“... слѣдовало бы сказать такъ: „Я ваша, любезный графъ“, съ тоской... Въ душѣ у ней борьба...—А? сказалъ Шарамыкинъ.

— Я всегда играла, какъ Полина Ермолаевна, начала Векшинская.—Типъ. Ибо, помню, Скачь-Скачевская дѣлала такъ: „Я ваша, лю-без-ный графъ“! А ни одного апплодисмента! А я возьму себѣ и съ веселыми

глазами: „Я ваша, любезный графъ“!!! Боже мой! Стонъ! Вавилонска башня!

... Когда выходили изъ театра, на Полину Ермолаевну напалъ страхъ въ корридорѣ, и она схватила Бормота за руку.

— Осторожно! здѣсь можно оступиться, замѣтилъ Бормотъ, который добросовѣстно относился къ роли кавалера.—Три ступеньки...

— Три?—спросила она и оступилась.

Бормотъ поддержалъ ее.

— Merci!—Тсс!

Подошла Векшинская. Дружба между обѣими дамами росла.

Кульчицкая, прощаясь съ Бормотомъ, покраснѣла и прищурила глаза.

XX

Войцѣхъ торговалъ готовымъ платьемъ, и за окнами его магазина соблазнительно были разложены на красномъ суконѣ жилетки и брюки. Высокій полякъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклыми глазами въ темныхъ впадинахъ, и съ громаднымъ лбомъ, онъ держался важно, погруженный въ глубокія думы. По воскресеньямъ, когда онъ, солидно одѣтый и въ цилиндрѣ, шелъ въ костелъ, его можно было принять за инкогнито путешествующаго заграничнаго министра.

Бормотъ вошелъ въ магазинъ, Войцѣхъ читалъ „Klosy“. Онъ всталъ и тускло-любезно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Мнѣ надо жакетку...

Войцѣхъ взглянулъ на плечи и грудь Бормота.

— И брюки... И жилетъ, прибавилъ Бормотъ.

— Шелковый?

— Д-да...

Войцѣхъ взялъ въ руки жердь съ крючкомъ, ткнулъ въ жакетку, въ жилетъ, въ сѣрыя панталоны, снялъ съ распорокъ, смахнулъ пыль, подалъ товаръ.

Посмотрѣвшись въ трюмо, молодой человѣкъ остался доволенъ.

— Дешевле нельзя?

На умномъ лицѣ Войцѣха пробѣжала тѣнь.

Бормотъ сказалъ:

— Получите пока... А завтра или послѣ завтра... (небрежно) пришлю остальные...

Войцѣхъ пересчиталъ деньги, спряталъ въ конторку, ловко и красиво завернулъ покупку въ синюю бумагу и бросилъ за прилавокъ. Послѣ чего протянулъ руку къ своей газетѣ.

Бормотъ вышелъ съ большимъ достоинствомъ и направился къ Шарамыкину. Но Шарамыкинъ первый пожаловался на безденежье. Онъ прошелся беззвучными шагами по комнатѣ—и на поворотѣ вскричалъ:

— Можно достать у генерала!

— Что ты!

Актеръ перекрестился лѣвой рукой.

— Неловко!

— Кисель ты, братъ! Неловко! Пойдемъ къ нему!

— Нѣтъ.

— Душечка... мнѣ самому надо. Повѣрь — страшно надо рублей пять. Мнѣ не дастъ!—Для себя я и просить не стану... Понимаешь? Я ему долженъ, братецъ ты мой... Самъ не знаю сколько! А тебѣ... Рублей тридцать!? Боже мой.

Онъ ласково глядѣлъ на молодого человѣка.

— Какъ-же ты устроишь?

— А вотъ какъ: мы придемъ, и ты все время грусти... Глаза сдѣлай скучные. Генералъ спроситъ: что съ вами? Но ты все грусти... Уйдешь, а я останусь. Тутъ, конечно, генералъ первымъ дѣломъ ко мнѣ: что

съ нимъ? А я ему такъ—и такъ... Нуждается... Молодежь... Гуманность... Дастъ!

Онъ натянулъ сапоги, одѣлся, и они вышли.

Смеркалось.

XXI

Бѣньковичъ жилъ противъ генерала—въ мезонинѣ съ итальянскимъ окошечкомъ. Онъ сидѣлъ послѣ обѣда съ биноклемъ въ рукахъ, смотрѣлъ въ прозрачныя окна сосѣда и видѣлъ...

Онъ видѣлъ, какъ генералъ прилегъ на широкую отоманку, покрытую ковромъ, и сталъ курить, попивая вино. Вошелъ его лакей, въ воротничкахъ и при часахъ, и подалъ длинную бумажку,—сверкнувшую противъ солнца бѣлымъ пятномъ, а самъ сталъ поодаль, заложивъ руку за спину. Генералъ, не глядя на слугу, кивнулъ головой. Но лакей не уходилъ, переминаясь съ ноги на ногу. Генералъ поднялъ на него глаза. Лакей сталъ „разсуждать“ рукой. Генералъ нахмурился, покраснѣлъ, вскочилъ и затопалъ ногами, махая чубукомъ. Лакей все не уходилъ. Генералъ схватилъ его за шиворотъ. Лакей казался деревянной куклой. Его голова, руки и ноги болтались, какъ на проволокахъ. Генералъ вытолкалъ его за дверь и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, иногда совсѣмъ исчезая въ облакѣ табачнаго дыма. Вскорѣ лакей вышелъ изъ калитки, вернулся на ломовомъ извозчикѣ и вынесъ вещи. Въ числѣ ихъ былъ большой красивый самоваръ. Лакей сѣлъ на красный сундукъ, окованный жестью и желѣзомъ, и уѣхалъ. Прошло полчаса. Генералъ лежалъ. Но изъ-за портьеры выглянула сѣдая голова еврея. Генералъ взглянулъ—еврей вышелъ весь изъ-за портьеры, худой и въ длинномъ сюртукѣ. На шеѣ у него былъ зеленый шарфъ. Генералъ чубукомъ указалъ ему на разныя вещи. Еврей осторожно

сталъ ходить по комнатѣ, наклонялся, смотрѣлъ на вещи, прищуривая одинъ глазъ, качалъ головой, улыбался съ сожалѣніемъ и все складывалъ въ кучу. Онъ хотѣлъ взять каску, но генералъ замахалъ чубукомъ, еврей согнулся и отошелъ въ сторону. Онъ юркнулъ за портьеру, вернулся съ другой кучей вещей и низко кланялся, умильно глядя на генерала. Наконецъ, генералъ привсталъ съ гнѣвнымъ лицомъ. Еврей поднялъ ладони до ушей и, съ грустной улыбкой, вынулъ изъ-за пазухи пачку ассигнацій. Генералъ, не считая, положилъ деньги въ карманъ, а еврей быстро завязалъ вещи въ узелъ и ушелъ, продолжая низко кланяться. Генералъ постучалъ въ стѣну кулакомъ. Кучеръ, въ красной рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ, подалъ новую бутылку вина. Онъ исчезъ, появился на улицѣ, быстро шагая, и вернулся съ лакеемъ. Генералъ швырнулъ лакею деньги. Лакей поднялъ ассигнаціи и упалъ въ ноги. Но генералъ отрицательно потрясъ головой и отвернулся. Лакей ушелъ. Генералъ то лежалъ, то ходилъ. Ружья и шашки на стѣнѣ блестѣли въ широкомъ солнечномъ лучѣ; на полу валялась тигровая кожа, растянувъ свои безжизненныя лапы.

Бѣньковичъ подумалъ, что можно спрятать бинокль.

Напившись чаю, онъ не утерпѣлъ и снова сталъ подсматривать. Генералъ сидѣлъ на отоманкѣ рядомъ съ дѣвушкой въ розовомъ платьѣ. Она потуплялась. Бѣньковичъ припалъ къ биноклю. Дѣвушка дала генералу руку. Но, взглянувъ на окна, встала и опустила вездѣ шторы. Бѣньковичъ лихорадочно заходилъ по своей комнатѣ. Въ этотъ вечеръ онъ два раза пилъ чай.

XXII

Адель пошла къ Шарамыкину, не застала и повернула назадъ переулками еврейскаго квартала.

Вечеромъ кварталъ оживаетъ. Отцы семействъ возвращаются домой, громко бесѣдуя, матери унимаютъ дѣтей или сидятъ на порогѣ и кормятъ младенцевъ, обнаживъ длинную грудь. Мальчишки въ штаникахъ по горло бѣгаютъ съ крикомъ и машутъ прутиками. Дѣвочка съ огненными кудрями и въ рубашенкѣ, скомканной на спинѣ, ползаетъ въ грязи. Старикъ въ ермолкѣ и съ бѣлыми пейсами бормочетъ молитвы у окна, устремивъ мутный взглядъ въ потухающее небо. Франтъ, въ бѣлыхъ воротничкахъ, идетъ и, какъ увядающій цвѣтокъ, колеблетъ головой. Молодые люди въ картузахъ на затылкѣ и въ ластиковыхъ длиннополыхъ кафтанахъ. Согнувшись, проползаетъ столѣтняя старуха въ чалмѣ. У ней красные сывороточные глаза. Дома скучены, врастаютъ въ землю и разваливаются. Козы стоятъ на крышахъ и блеютъ. Только у немногихъ домовъ сносный видъ. Но и на нихъ особая печать. Открыты окна второго этажа и видна дорогая хрустальная люстра, а на подоконникѣ лежитъ, на улицу, мокрая перина. Пройдя нѣсколько шаговъ, Адель вдругъ увидѣла *того* солдата. На немъ было статское платье, а сапоги со шпорами.

Сердце ёкнуло. Онъ пошелъ быстрѣе; она слышала его твердые и звенящіе шаги.

Она почти бѣжала, наклонивъ голову.

Вдали шла Фелицата Іадоровна. Адель подбѣжала къ ней.

— Тетушка!

Солдатъ точно сквозь землю провалился.

— Ты куда, Аделька?

— А вы?

— Къ Бормотамъ... Говорятъ, Аглая Петровна больна.

— А я у Лоскотиныхъ была и не застала.

— Каждый день шляешься, принимать перестанутъ...

Тетушка покачала головой, и на шляпкѣ ея заколебались розы на проволочныхъ стебелькахъ.

— Ну, прощай,—строго сказала она.

Адель нѣсколько разъ оглянулась. Тетушка скрылась.

Улица другая. Вмѣсто евреевъ чиновники и мѣщанѣ. За окнами фуксіи и герани. У воротъ на лавочкахъ мѣщанскія барышни въ синихъ и красныхъ платьяхъ. Отставной военный, съ жирнымъ загривкомъ, путешествуетъ черезъ улицу въ халатѣ. Собаки рѣзвятся. Тихо шумятъ ивы, отражаясь въ непросыхающихъ лужахъ. Адель подошла къ своему дому, взялась за кольцо и чуть не вскрикнула: поодаль стоялъ солдатъ, пристально смотрѣлъ на нее и грызъ сѣмячки.

XXIII

А Фелицата Іадоровна перерѣзала Спасскій переулокъ. Потянулись солидные деревянные и каменные дома, съ красивыми подъѣздами. Домъ генерала Бакланова, цвѣтникъ, запахъ резеды. Дубовая дверь пріотворилась, и тетушка встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Серафимочкой.

Отшатнулась и гнѣвно вскричала:

— Ты?..

Серафимочка остолбенѣла.

— Отвѣчай мнѣ сейчасъ!

Тетушка подняла руку.

— Господи, пресвятая Богородица! И онъ хорошъ! Невинныхъ дѣвушекъ портитъ! Нечего сказать! Прокричу! Не подарю! Нѣтъ! О-о-о! Онъ узнаетъ, какъ обманывать благородное сердце! Я сама дѣвушка! Я въ акушеркахъ была, у меня въ свидѣтельствѣ написано, что я дѣвушка! Ты?!..

Она потрясла пальцемъ у носа Серафимочки.

— Помни, мерзкая! Я слѣжу за тобой! Боже мой! Каковъ! Я ему покажу! Я его щадила! Выручала! Сто рублей сейчасъ несла. Видитъ Богъ, не жалѣла!

Глаза ея горѣли.

— Развратъ!—кричала она, ведя племянницу за руку.—Жаба!

Она больно сдавила Серафимочкѣ пальцы.

Серафимочка вырвала руку и сказала:

— Змѣи...

— Кто змѣи?

— Ящерицы!

— Кто ящерицы?

— Твари!..

Тетушка была поражена. Племянница повысила голосъ.

— Ахъ, Боже мой,—преступленіе! Мнѣ какое дѣло, что у васъ въ бумагѣ написано! Я себя знаю!.. Испугали—ахъ, ахъ!

— Молчи!

— Что молчать! Знаемъ мы васъ! Ишь нарядились!.. А я дѣвушкой была и буду. Я свою честь при себѣ имѣю.

— Серафимка! Люди идутъ!

Серафимочка умолкла. Шарамыкинъ и Бормотъ раскланялись съ дамами. Тетушка поговорила любезно съ Шарамыкинымъ и представила Бормота племянницѣ. Серафимочка подала ему руку, которую только-что сдавила тетушка, и резсмѣялась серебристымъ смѣхомъ.

— Что вы сегодня не были, Романъ Парамонычъ? спросила она.

— Некогда.

— Адель скучаетъ.

— Мы видаемся въ театрѣ... Денегъ не нашли?

— Нѣтъ.

Серафимочка ощупала карманъ.

— И не найдете! проговорилъ онъ съ увѣренностью.—

Каковъ, братъ, Зильберманъ, а? Помните, Фелицата Іадоровна, какъ я распинался за него?.. Разскажи, что Мухинъ... Но, впрочемъ, я самъ...

И онъ разсказалъ.

— Жидъ.—Заходите! сказала тетушка, прощаясь.

Фелицата Іадоровна и Серафимочка остались вдвоемъ.

— Сто рублей несли генералу? ѣдко спросила племянница.

— Молчи! вскричала тетушка,—Заѣмъ! Глаза выпью!

— Но вы бы лучше за Аделькой смотрѣли.

— Что?

— Платья у ней что-то тѣсны дѣлаются... Тутъ ужъ не генераломъ пахнетъ, радость вы наша!

Вблизи никого не было, сумерки слетали на дома и деревья. Тетушка замахнулась, чтобъ ударить Серафимочку. Но молодая дѣвушка быстро перебѣжала на другую сторону улицы. Фелицата Іадоровна задыхалась отъ слезъ. Она шла по тротуару и злобно смотрѣла въ сумракъ, откуда по временамъ шипѣли возгласы племянницы:

— Низкія женщины! Мокрицы!

XXIV

Бормотъ лежалъ въ постели и прислушивался къ словамъ друга. Играло солнце. Онъ кашлянулъ. Другъ вошелъ.

— Деньги не снились?

— Нѣтъ!

— Это тебѣ. Возьми.

— Что ты?

— Бери, когда даютъ.

— Какой ты хорошій человѣкъ! произнесъ Бормотъ съ чувствомъ.

Одѣлся, пошелъ прямо къ Войцѣху, заплатилъ деньги, распаковалъ дома свертокъ, примѣрилъ—чудо, что такое!

— Теперь можно бы и къ Фаничкѣ...

Пока не смерклось, онъ мечталъ о Фаничкѣ. Ему захотѣлось имѣть ея карточку. Они взялъ альбомъ съ фотографіями. Фаничкѣ онъ предложитъ свою карточку, а взамѣнъ она отдастъ свою. Онъ перевернулъ листъ, и вдругъ его карточки не оказалось. Въ прямоугольникѣ, съ округленными углами, виднѣлась только розовая подкладка.

Поздно пришла Векшинская. Она сцѣпилась съ матерью. Старуха не оставила ей ужинать. Дочь швыряла вещи, мать поднимала и клала на мѣсто.

— А дома дурень Бога нашего? спросила Векшинская.

— Дома.

Векшинская затихла и вошла къ Бормоту.

Она улыбалась.

— А, начала она громко.—Ожидалъ меня!

Онъ уклонился отъ поцѣлуя.

Она не обидѣлась.

— Куда дѣвалась карточка изъ альбома? - сурово спросилъ онъ.

— Карточка?! Ну, прости меня! Я и безъ того имѣю столько гòра сегодня! На сердцѣ одной особы.

— Удивляюсь, право! У какой-же особы?

— А то секретъ!

— Интересно знать.

— Вы, мужчины, ужасные! Жалости въ васъ нѣтъ а ни сколько!

Она прижала большой палецъ къ указательному.

— Вы насъ грызете, продолжала она: — тянете съ насъ жилы, и мы черезъ то сохнемъ!..

Бормотъ посмотрѣлъ на ключицы Векшинской и на ея руки.

— Никого я не грызу.

— А ты есть самый ужасный! вскричала она, подбѣгая къ нему.—Своимъ равнодушіемъ ты умѣешь все сдѣлать! О, ты будто не смотришь! О!

Онъ молчалъ.

— Не догадываешься, у кого твоя карточка?

— Нѣтъ.

— Она въ тебя отъ разу влюбилась... Ну?

Бормотъ пожалъ плечами.

— Она по тебѣ страдаетъ. Другого забыла для тебя... Твоя карточка на его мѣстѣ... У ней толстые волосы и такіе глаза... такіе... — она потрясла головой. — Она съ деньгами, заключила она серьезно.

— Чортъ возьми! проворчалъ Бормотъ.

— Искусный человѣкъ!

— Но, кто-же?

— Если хочешь, то можешь повидаться... Я тебѣ устрою... А?

Ему странно было слышать это отъ Векшинской.

— Дурень!

— Ну, хорошо. Но кто? добивался онъ.

— Онъ не знаетъ! Скажите. Дитё. Онъ изсушилъ ее и не знаетъ! На милость Бога! Ахъ, дай мнѣ покой! заключила она съ негодованіемъ, и перемѣнила разговоръ.—Кушать такъ хочется, что тебя зъѣла бы... Ничего не имѣешь?

— Есть колбаса.

Она схватила колбасу и стала жадно ѣсть. А онъ завертывалъ альбомъ въ бумагу.

XXV

Послѣдняя репетиція.

Бормотъ засталъ генерала въ литерной ложѣ. Шарамыкинъ проклиналъ въ душѣ вѣчно опоздывающихъ любителей.

На подмосткахъ стоялъ рояль чернаго дерева, взятый у Шаровицыной. Софья Карловна смотрѣла въ ноты; напѣвая въ полголоса, она берегла себя для спектакля. „Тихо на дорогѣ, дремлетъ все вокругъ... Что же не прих-о-о-о-дитъ мой невѣрный другъ“. Томса, въ глубинѣ сцены, пилилъ на віолончели. Инструментъ издавалъ выпуклые звуки. Бѣньковичъ шагалъ по авансценѣ и повторялъ роль.

У генерала Бормотъ просидѣлъ съ полчаса. Ложа Фанички была не занята.

Бѣньковичъ, осѣвъ на правую ногу и прищуривъ глазъ, кричалъ:

— „О, графиня! Еслибъ вы знали, какъ горитъ это сердце, полное безумной любви... О, еслибъ хоть на мигъ проникли вы умственнымъ взоромъ въ это бѣдное, горячее сердце! Но вы холодны, графиня“... (съ упрекомъ).

Полина Ермолаевна (широко раскрывая глаза):

— „Неужели, графъ?.. О, какъ вы меня мало знаете! ха-ха-ха“ (сардонически).

Бормотъ задумался. Онъ пересталъ слушать.

— А вы все скучаете?—вдругъ слышитъ онъ голосъ генерала. О чемъ?

— Такъ...

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!—ласково сказалъ генералъ.

Шла сцена Адели съ Векшинской. Адель — незаконная дочь графини — съ крикомъ бросается на шею къ Векшинской — своей кормилицѣ, которая одна знаетъ тайну ея рожденія.

— Да!—вдругъ началъ Баклановъ таинственно.— Я сейчасъ жида видѣлъ...

Бормотъ смутно что-то вспомнилъ.

— Вонъ тамъ!

Генералъ указалъ папироской на среднюю ложу во второмъ ярусѣ.

— Какого жида?—спросилъ онъ.

— Помните, я вамъ говорилъ?

Бормотъ возразилъ:

— Теперь наука не допускаетъ привидѣній.

Кромѣ записокъ и книгъ, рекомендованныхъ профессорами, онъ ничего не читалъ, даже романовъ; находилъ, что это не серьёзное чтеніе; но случайно попалось изслѣдованіе о „снахъ", онъ заинтересовался и прочиталъ. Это было единственное научное пріобрѣтеніе его.

Генералъ нѣсколько струсилъ тона, какимъ молодой человѣкъ сдѣлалъ замѣчаніе.

— Почему не допускаетъ?

— Обратное зрѣніе...—пояснилъ Бормотъ.

Онъ умолкъ, взглянувъ на ложу Фанички.

— Напрасно наука или, лучше сказать, молодежь, не допускаютъ привидѣній, сталъ говорить генералъ. Мнѣ кажется, они допускаютъ, если находятъ имъ объясненіе. Также—почему намъ снятся такіе люди, которыхъ мы никогда не знавали и не видѣли? Это во-первыхъ...

Лицо его озарилось краснымъ огнемъ папиросы, и онъ продолжалъ:

— Во-вторыхъ—эстотъ жидъ...—А въ-третьихъ—самое главное: существованіе Бога. Никто его не видѣлъ, но всѣ чувствуютъ. Я неоднократно чувствовалъ присутствіе Божіе во время сраженій, по трепету. Холодный, благоговѣйный трепетъ. Вы скажете—трусость? Но откуда-же благоговѣніе? А трусомъ я не былъ. Хотя, конечно, не былъ и глупцомъ—на видимую смерть не кидался. Теперь вотъ еще... Поразительно. Никто изъ насъ не знаетъ, что съ нимъ случится... Можетъ быть, я сегодня умру... Вдругъ раскроются раны, и конецъ! Но и въ мелочахъ мы ничего не можемъ знать. Мы слѣпы, молодой человѣкъ, мы кроты!

Онъ пососалъ папиросу.

— Вы, молодой человѣкъ, развѣ знаете, что будетъ съ вами завтра?

Бормотъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Относительно Бога не спорю... Но все-таки я, напримѣръ, думаю, что знаю, что со мною случится... Конечно, если ничего не произойдетъ особеннаго!

— Особеннаго!—подхватилъ генералъ.—Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Онъ укоризненной покачалъ головой.

— Нѣтъ, прошу васъ, вѣрьте въ Него!..

Бормотъ увидѣлъ Фаничку.

— Простите, мнѣ сейчасъ выходить, я уйду! сказалъ онъ и покинулъ генерала.

XXVI

Онъ вышелъ, и Фаничка вышла. Дверцы изъ ложъ были открыты, и сумрачный полукругъ корридора прерывался мутными потоками свѣта.

Машинально они смотрѣли на сцену, и сколько было дверецъ, столько разъ мелькнула она передъ ними, свѣтлой впадиной, съ своими фальшивыми деревьями, слуховыми окнами и любителями.

У выхода въ сѣни Фаничка сказала:

— Пойдемъ наверхъ!

Корридоръ второго яруса былъ освѣщенъ только противъ средней ложи овальнымъ окномъ съ цвѣтными стеклами.

— Какъ-же вамъ не стыдно! начала Фаничка:—Я васъ ждала!

Бормотъ сказалъ, что ему помѣшали занятія.

— Но вы завтра должны непремѣнно быть... Слышите?

— Буду.

— А если будетъ гроза?

— Все равно!

Они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ изъ окна свѣтъ лился синими, оранжевыми и красными лучами.

Бормотъ началъ:

— Смѣшной генералъ!

— А что?

— Ему жидъ является. И какъ разъ въ этой ложѣ!

Онъ разсказалъ ей о генеральскомъ жидѣ.

— Какъ страшно. Посмотримъ! сказала Фаничка.

Они вошли въ темную аванложу. Пестрый свѣтъ упалъ на полъ косой звѣздой. Въ углу диванчикъ, обитый бархатомъ, направо — дверь съ портьерой (откуда слышались голоса любителей), прямо зеркало, въ которомъ тускло отразилось разноцвѣтное пятно на полу.

Фаничка сказала:

— Но гдѣ, однако, жидъ?

— Онъ тамъ! отвѣчалъ Бормотъ и хотѣлъ поднять портьеру.

Но Фаничка дернула за рукавъ.

— Не надо! Увидятъ!

Они сѣли на диванчикъ.

— А вы не знаете Зильбермана?

— Какже!

— Бездарный Іуда. Товарищъ тѣмъ не менѣе!

— Вы его не любите?

— Онъ подозрительный человѣкъ.

— Можете себѣ представить!—вскричала Фаничка. А онъ въ Дубовкѣ... Боже мой!

— Я слыхалъ,—сказалъ Бормотъ.—Вы свои земли мужикамъ отдаете?

— Вообразите!

— Зачѣмъ-же?

Фаничка сказала, что объ ея долѣ еще ничего не рѣшено... Притомъ-же она не сочувствуетъ... Но Зильберманъ чуть не убѣдилъ ее...

— Онъ воръ!
— Неужели?
— Онъ укралъ деньги у сестрицы m-lle Адели!
— Ахъ!—Я скажу Мери, Лизѣ!
— Прогоните его!..
— О, я настою на этомъ!
Раздался звонокъ.
— Мой выходъ!—сказалъ Бормотъ, со вздохомъ.
Фаничка хотѣла уйти первая.
Но едва они поднялись, какъ дребезжащій надорванный голосъ крикнулъ:
— Господинъ Бормотъ!
Фаничка испугалась и побѣжала, Бормотъ остался одинъ.
Зильберманъ смотрѣлъ, откинувъ портьеру.

XXVII

Въ Дубовкѣ арендаторъ поговорилъ съ Зильберманомъ и рукой махнулъ. А онъ ходилъ по полямъ, смотрѣлъ на лѣса, на сжатую рожь и переписывался съ Мери.

Его очень встревожило, что тючка она не получила. Но письмо, въ которомъ она извѣщала его объ этомъ, свело его съ ума. Мери подписалась „ваша". Онъ задрожалъ. Не любить Мери—значитъ не жить, она для него—все. И онъ написалъ ей длинное письмо, которое на другой день, когда оно уже было послано, самъ назвалъ безумнымъ. „Или вы презираете меня? Во имя счастья людей, за которыхъ пролью послѣднюю мою каплю крови"... На него онъ не получилъ отвѣта. Онъ похудѣлъ и послалъ другое письмо. Онъ извинялся, что „посмѣлъ": и опять ни слова въ отвѣтъ. Наконецъ, въ третьемъ письмѣ онъ признался, что— „пошутилъ". Она молчала. Онъ подумалъ, что надѣ-

лалъ глупостей и уѣхалъ, чтобы узнать о тючкѣ отъ Адели и Мери. Но такъ робѣлъ свиданія съ Мери, что не шелъ къ ней и прятался въ театрѣ.

Когда Бормотъ обернулся, Зильберманъ судорожно схватилъ его за руку.

— Клеветникъ?

— Вы подслушали? испуганно спросилъ Бормотъ.

— Я сидѣлъ въ ложѣ.

— Вы воръ и шпіонъ!

Зильбермалъ пожалъ плечами. Ему хотѣлось быть кроткимъ. Человѣкъ, бросившій сто тысячъ состоянія ради идеи, не можетъ украсть двадцать пять рублей. Но что-то злое шевельнулось въ груди и разлилось по жиламъ, какъ ядъ.

— Клеветникъ! Клеветникъ! Подлый человѣкъ!

Бормотъ потрясъ его за плечо.

— Эй, воришка!

Зильберманъ вспомнилъ сцену на улицѣ. Гордость не позволила ему тогда выяснить эту исторію.

— Я взялъ у Мухина...

— Воръ! А еще нигилистъ! Воришка!

Зильберманъ сказалъ со слезами:

— Такія оскорбленія смываются только кровью!.!

Бормотъ замахнулся. Зильберманъ присѣлъ.

— Трусишка!

— Но я убью васъ, какъ собаку!

Бормотъ посмотрѣлъ на него. Въ разноцвѣтномъ сумракѣ смѣшною казалась фигура Зильбермана: тощій, грязный жидокъ съ задорно приподнятымъ плечомъ и съ дрожащими губами.

— Прочь!

— Бормотъ! Станьте на мое мѣсто! Ради Бога!

Зильберманъ заплакалъ.

Но Бормотъ торопливо ушелъ.

За кулисами Векшинская шепнула ему:

— Она сегодня будетъ...

— Кто?

— Та особа...

— „А провались она“, подумалъ Бормотъ и вышелъ на сцену.

XXVIII

Но что если Фаничка?

Дома онъ старался забыть Зильбермана.

— „Что, если не Кульчицкая, а Фаничка?“

Однако, ему хотѣлось бы, чтобъ у Фанички ничего не было общаго съ Векшинской.

— „Кульчицкая!“—подумалъ онъ съ увѣренностью.

Послышался шумъ въ передней, смѣхъ, женскій говоръ, и вошла Векшинская въ шляпкѣ, а за ней Полина Ермолаевна, тоже въ шляпкѣ, съ широкими полями и страусовыми перьями, и въ шелковой накидкѣ.

— А для чего вы такой кислый? спросила Векшинская. Развѣ такъ встрѣчаютъ!

Полина Ермолаевна не смотрѣла прямо. Бормотъ потупился.

— О!... Но, такъ вы-жъ посидите тутъ, мои миленькіе, а я въ тотъ моментъ...

Векшинская оторопѣло выскочила и захлопнула дверь.

— Итакъ я... chez vous! сказала Полина Ермолаевна.

Она остановила на Бормотѣ свои голые глаза и разсмѣялась.

— Что вы? спросилъ Бормотъ тревожно.

Смѣхъ ея усилился; потрясая руками, она проговорила:

— Я не скажу...

Онъ посмотрѣлъ на ея руки. Онѣ были мягкія, короткія, съ золотистымъ оттѣнкомъ. Она все продолжала

смѣяться. Щеки возлѣ ея крупнаго носа сморщились. Это былъ изнемогающій смѣхъ.

— Тсс! Silence!

Она стала смотрѣть на него изъ за носового платка, онъ спросилъ:

— А вашъ мужъ?

— Зачѣмъ?

Она не понимала вопроса, находила его излишнимъ. И опять засмѣялась.

Солнечный лучъ упалъ на шею Кульчицкой и освѣтилъ складку возлѣ уха, прикрытую тонкими, какъ паутина, волосами. Она повернула голову и глядѣла въ уголъ, гдѣ стояла желѣзная кровать.

Вдругъ она закрыла лицо руками.

Ему стало совѣстно.

— Ну, что, какъ нашъ спектакль?

— Ахъ! послышалось изъ-подъ рукъ Полины Ермолаевны. Aimez-moi!

— Что?

— Гадкій! Ты гадкій!

— Полина Ермолаевна!

Она протянула руки, а онъ отстранился отъ нея. Какое-то негодующее чувство наполнило его. Онъ готовъ былъ говорить проповѣди. Чѣмъ противнѣе была она ему, тѣмъ нравственнѣе онъ становился. Она горѣла, а онъ сидѣлъ, сухой и безстрастный.

— Вы не дѣвушка, началъ онъ. Вы замужняя. Какой шагъ!

Въ отвѣтъ, она подошла къ нему, улыбаясь. Кружева на рукавчикахъ дрожали. Мутный взглядъ блуждалъ.

Онъ испугался. „Стыдно“ быть Іосифомъ Прекраснымъ, но стыдъ сердца въ немъ оказался сильнѣе. Онъ сталъ хитрить.

— Меня товарищъ зоветъ! вскричалъ онъ. Стучитъ въ окно!

Онъ схватилъ шапку и выбѣжалъ, чуть не сбивъ съ ногъ въ передней старуху, которая варила кофе.

— Змысла нѣтъ въ такихъ поступкахъ!.. сердито крикнула ему въ слѣдъ Векшинская. Блазень! Кусокъ трапки!

XXIX

Точно тенета окружали Зильбермана. Онъ еще утромъ увидѣлъ, что черезъ Новый рынокъ прошелъ человѣкъ въ штатскомъ платьѣ и въ шпорахъ. Теперь человѣкъ стоялъ у самаго подъѣзда, но въ формѣ: тотъ самый— безусый, съ краснымъ лицомъ. Дурной знакъ! Адель въ корридоръ не выходила. Послѣ ссоры съ Бормотомъ соблюдать тайну было безполезно. Бормотъ разскажетъ. Но идти за кулисы Зильберманъ не рѣшался. Онъ, какъ тѣнь, слонялся по сумрачнымъ корридорамъ театра.

Было около пяти часовъ.

Репетиція кончалась.

Зильберманъ пробрался черезъ уборную на боковой подъѣздъ и подстерегалъ Адель.

Адель вышла съ Шарамыкинымъ. Но скоро онъ простился съ нею и пошелъ въ часть подписывать афишу.

Зильберманъ погнался за Аделью. Солнце прямо било ему въ глаза. Деревья и зданія вдали расплывались въ золотистомъ туманѣ.

Сдѣлавъ шаговъ триста, онъ очутился въ тѣни, бросаемой на площадь каланчею, и опять увидѣлъ Адель. Она шла очень скоро. Жандармъ нагналъ Зильбермана, поровнялся съ нимъ и опередилъ. Его желѣзныя шпоры звенѣли, и онъ ступалъ твердо, какъ подкованная лошадь. Дрожа отъ страха, Зильберманъ отсталъ.

Онъ ощупалъ въ карманѣ деньги—въ Дубовкѣ онъ получилъ еще впередъ,—и направился въ магазинъ

братьевъ Лузгановыхъ. Тамъ купилъ револьверъ, пороха и пулекъ.

Въ саду онъ зарядилъ револьверъ.

Положеніе представлялось ему безвыходнымъ. Мери—и „безумныя“ письма—и необходимость отказаться отъ „миссіи“ въ Дубовкѣ; Бормотъ—и клевета; Адель и неизвѣстность, что сталось съ тючкомъ Лаптева, и, наконецъ, этотъ Лаптевъ, таинственный, геніальный, или сумасшедшій, отвергаемый Лизаветой Павловной, но сильный и привлекательный—все спуталось, перемѣшалось, слилось въ грозный кошмаръ на яву.

Онъ забрался въ чащу сада и съ тревожной улыбкой глядѣлъ по сторонамъ. Мертвые листья шуршали подъ ногами.

— Убійство убійству рознь,—соображалъ онъ.—Есть судъ совѣсти. Онъ не покараетъ.

— „Убей!“—тоскливо прошептали сухіе листья.

— Я все отдалъ въ жертву людямъ. А взамѣнъ что получилъ? Оклеветанъ!

— „Убей!“

Зильберманъ засмѣялся. Было тихо по-прежнему. Высокая, мѣстами уже сухая трава неподвижно тянулась къ небу. И листья сирени были неподвижны—точно прислушивались.

Слезы брызнули изъ глазъ. Онъ опустился на траву, прижался къ ней грудью и плакалъ и грызъ пальцы.

XXX

Было пасмурное утро. Туманъ застилалъ окно. Бормотъ всталъ. Надо сдѣлать визитъ Лоскотинымъ.

Онъ одѣлся. Галстукъ повязалъ черный, съ малиновыми разводами. Надушился тремя сортами духовъ; ароматъ проникъ къ Векшинской за ширмы, и она стала саркастически шептать: ужь не собирается-ли онъ от-

крыть лавку „съ одеколономъ"; и старуха завозилась на кухнѣ.

Было десять часовъ.

Векшинская крикнула:

— А куда молодой пѣтушокъ летѣть задумалъ?

— Я—никому не даю отчета.

— А, да! Ты знаешь: — Шарамыкинъ умнѣй отъ тебя...

— Ну-,съ?

— Отъ стану еще тебѣ божиться! Факторъ прибѣгалъ—антрепренерша пріѣхала... Зъ Орла...

— Шарамыкина возьметъ?

— Не очень-то!

И Векшинскея стала разбирать Шарамыкина и ругать.

Молодой человѣкъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, между вами такая тѣсная... дружба...

Векшинская всплеснула за ширмами руками.

— Ты сегодня родился? Сколько ты имѣешь лѣтъ? Слава Богу, такой выросъ, не знаетъ, что актеръ—одно, а мущина—другое!

И она съ убѣжденіемъ заключила:

— Онъ одличный мущина.

Бормотъ сталъ ходить по комнатѣ.

— А когда-жь ты мнѣ спектакль устроишь?

Бормотъ промычалъ что-то.

— Отъ-то-то! Всѣ вы такіе! сказала Векшинская спокойно и зѣвнула. Обстоятельства ея стали лучше, она заручилась дружбой Полины Ермолаевны, и безъ страха смотрѣла впередъ. — Да Богъ съ тобой!—Но купи мнѣ букетъ зъ лентой... и вели черезъ музыкантовъ... Слышишь?

— Денегъ нѣтъ.

— Потому что глупъ, замѣтила она съ презрѣніемъ.

Бормотъ посматривалъ въ окно и на часы, взялъ шляпу и, не дождавшись самовара, вышелъ.

По улицамъ мягко клубился туманъ, почти до самыхъ

крышъ. Трубы дымились бурымъ дымомъ. Гдѣ-то свѣтило солнце; его не было видно; сбоку сіяло какое-то пятнышко; можетъ быть, это было оно. Люди и лошади вдругъ выступали изъ тумана. Голоса и звуки раздавались какъ за перегородкой.

На углу жилъ часовой мастеръ. Бормотъ посмотрѣлъ на циферблатъ, бѣлѣвшій въ окнѣ. Раззолоченныя стрѣлки показывали ровно одиннадцать.

„Какъ долго тянется время!..“

Онъ пошелъ по набережной въ городской садъ, который надо было проходить.

Направо старинная крыша семинаріи со множествомъ высокихъ трубъ висѣла въ воздухѣ. Надъ рѣчкой туманъ стлался широкой пеленой. Верхушки деревьевъ казались островками. Стукъ валька жидко шлепалъ гдѣ-то. Слышалось, какъ водовозъ наливаетъ воду въ пустую бочку.

Бормотъ перерѣзалъ Жандармскій Спускъ и очутился у воротъ сада: рѣшетчатыя, со столбами въ русскомъ вкусѣ и рѣзной кровелькой. Савка стоялъ въ короткой поддевкѣ и въ картузѣ, съ кожаной сумкой черезъ плечо, и кистью онъ широко махалъ по столбамъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Гафиши расклеиваю.

Бормоту хотѣлось прочитать и свое имя. Одна уже была наклеена.

— Вы приклеили кверху ногами! вскричалъ Бормотъ.

— Гистóрія!—вскричалъ Савка... И просилъ-же гу типографіи мѣтку класть...—Два разы просилъ!.. Тольки деньги брать... О! деньги брать люблятъ... „Савочка, дружокъ“... Черти!

Онъ долго ругался.

Бормотъ дождался слѣдующей афиши. Крупными буквами на сѣрой бумагѣ было напечатано:

САМА СЕБЯ РАБА БЬЕТЪ, КОЛИ НЕЧИСТО ЖНЕТЪ.

ДРАМА ВЪ 3 АКТАХЪ.

СОЧ. АЛЕКСАНДРА ГЕКТОРОВА.

(Сюжетъ заимствованъ)

Слѣдовалъ перечень дѣйствующихъ лицъ и актеровъ. Имя Бормота не было опущено.

Онъ взялъ афишу, спряталъ въ карманъ „на память", и Савка исчезъ въ туманѣ.

Изъ бѣлой мглы высовывались мохнатыя лапы какихъ-то мирныхъ чудовищъ. Липа выставила свой желтый бокъ. Колючая ель протянула темныя иглы. Какъ молокомъ облитыя, краснѣли ягоды рябины.

Бормотъ шелъ, вдыхая туманный воздухъ. На душѣ было весело, пріятная дрожь пробѣгала по тѣлу. Онъ думалъ о Фаничкѣ и не помнилъ Зильбермана.

Посвистывая, сѣлъ онъ на лавочку. Его забавляло, что туманъ позволяетъ ему подслушивать разговоры любителей раннихъ прогулокъ. Мимо прошелъ губернаторъ, въ тепломъ пальмерстонѣ и военной фуражкѣ, съ жандармскимъ полковникомъ, Бѣньковичъ съ старшей Омельченковой, Мухинъ съ Тимковой. Люди подвигались передъ нимъ, какъ за кисейнымъ пологомъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ повернулъ въ главную аллею. Бѣлая, лежала она передъ нимъ. Кричали вороны. Деревья въ своихъ саванахъ словно готовились къ смерти.

Онъ шелъ медленно. Вдругъ онъ увидѣлъ вдали—шагахъ въ двадцати — какую-то неопредѣленную фигуру, скорѣе пятно, чѣмъ человѣка, волнующуюся, съ неясными контурами, почти колоссальную, и вздрогнулъ: не потому что она была такая громадная—онъ зналъ, что иногда въ туманѣ предметы кажутся больше—но веселое настроеніе его внезапно пропало. Въ груди

стало пусто. Фаничку онъ забылъ и вспомнилъ Зильбермана.

XXXI

Фигура становилась яснѣе и сокращалась. Показались глаза.

— Зильберманъ!

Зильберманъ сейчасъ-же подошелъ.

У него было мрачное лицо и тряслась челюсть.

Бормотъ остановился, и въ страхѣ глядѣлъ на Зильбермана.

А Зильберманъ молчалъ.

Бормотъ казался ему виновникомъ всѣхъ его несчастій. Воплощеніе клеветы и пошлости! Ему хотѣлось-бы плюнуть на него и убить плевкомъ.

Онъ опустилъ руку въ карманъ, лицо его передернулось.

Бормотъ сдѣлалъ шагъ впередъ, Зильберманъ тоже сдѣлалъ шагъ. Взглядъ его былъ устремленъ на врага, рука высунулась изъ кармана. Глаза Бормота стали круглыми. Онъ увидѣлъ револьверъ.

Какъ нарочно, никто не шелъ. Садъ потонулъ въ туманѣ и былъ пустыненъ.

Зильберманъ прицѣлился изъ револьвера, какъ изъ ружья, и прищурилъ правый глазъ.

Бормотъ видѣлъ, какъ горитъ его другой неприщуренный, хищный и какъ-бы смѣющійся глазъ, и ступилъ еще, но торопливо, и еще, и потомъ участилъ шаги и, наконецъ, побѣжалъ, какъ никогда не бѣгалъ, съ громкимъ крикомъ.

— А!!! Спасите!..

А Зильберманъ все смотрѣлъ на него, взвелъ на бѣгу курокъ, и тоже кричалъ.

— Ааа!..

Они пробѣжали главную аллею, перескочили ровъ, пронеслись по лужайкѣ за садомъ, до старыхъ селитряныхъ бугровъ, и туманъ разступался передъ ними, скрывая ихъ, и клубился кругомъ, тихій, бѣлый, зловѣщій.

Вдругъ, Бормотъ запнулся и упалъ. Онъ увидѣлъ песокъ, траву. Бухъ! прокатился выстрѣлъ.

. . . . . .

Туманъ клубился до часу. Вѣтеръ подулъ и сорвалъ пелену съ рѣчки, понесъ и захватилъ съ нею всю мглу, которая окутывала семинарію, заливала улицы, застилала городъ. Вынырнули деревья, дома, мостъ съ фонарями, церкви. Вода блеснула оловяннымъ блескомъ. На углу набережной и Жандармскаго Спуска засіяла раззолоченная вывѣска нотаріуса. По освобожденнымъ улицамъ замелькали прохожіе, помчались экипажи.

Воздухъ былъ еще слегка молочный. Солнце уже пронизывало его; но опаловая дымка волновалась надъ городомъ.

Но это было не долго. Золотыми искрами вспыхнули кресты, вода стала серебряной, выдѣлился очеркъ зеленыхъ и красныхъ крышъ, фонари и окна засверкали. Туманъ растаялъ.

Солнце торжествовало побѣду. Садъ утопалъ въ блескѣ голубого дня.

Оно не пропустило ни одного цвѣтка, ни одной травки. И бросило привѣтливый лучъ даже на трупъ, блистая надъ нимъ, какъ всевидящее око.

XXXII

Всегда часомъ позднѣе начинаются любительскіе спектакли. Но и публика это знаетъ, и не спѣшитъ.

Еще въ половинѣ десятаго много мѣстъ было не занято. Шарамыкинъ, въ курчавомъ сѣдомъ парикѣ, смотрѣлъ черезъ отверстіе въ занавѣсѣ.

Матовые шары струили яркій свѣтъ, люстра сверкала синими и оранжевыми искрами, капельмейстеръ помахивалъ палочкой, оркестръ гремѣлъ, въ ложахъ громко разговаривали, раекъ стучалъ, кто-то уже нарѣзался, и его выводили. Занавѣсъ колебался: розово-голубое небо, пальмы на янтарномъ закатѣ, зеленое море и Колумбъ, открывающій Новый свѣтъ. Глазъ Шарамыкина, когда онъ смотрѣлъ на публику, приходился во рту великаго человѣка.

По корридорамъ ходили пары. Графъ де-Гужаръ, глядя любящимъ взглядомъ на хорошенькую жену управляющаго акцизными сборами, громко болталъ съ нею по французски и увѣрялъ, что его служба — c'est une page de roman. Шаровицынъ хохоталъ въ буфетѣ. Табачный дымъ ѣлъ глаза. Толпились цилиндры и фуражки и, при тускломъ свѣтѣ, пили и жадно закусывали.

Слабо освѣщены были кулисы. Мебель была разставлена и постланъ войлочный коверъ, изображавшій великолѣпіе графской обстановки. Направо каминъ изъ парусины. Надъ нимъ голубое зеркало, а комната красная, съ бѣлымъ карнизомъ. Любители ходили по сценѣ, уже одѣтые, и съ удивленіемъ глядѣли другъ на друга. Молодые люди въ цилиндрахъ на затылкѣ, пользующіеся привилегіею входа за кулисы, ухаживали за Векшинскою.

Шарамыкинъ вскричалъ:

— По мѣстамъ!—Звони!—Полина Ермолаевна! Въ кресло передъ каминомъ! Перестань звонить, чортъ! Давай занавѣсъ! Занавѣсъ, говорю! Ззаннавѣсъ!

Занавѣсъ взвился. Шаги опоздавшихъ гулко стучали въ залѣ.

Но всѣ успокоились. Только какая-то дама еще жеманно откашливалась.

Шарамыкинъ, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и нанковыхъ панталонахъ, обводилъ театръ пытливымъ окомъ. Онъ былъ подагрическимъ старымъ графомъ Чернохвостовымъ; говорилъ разбитымъ голосомъ, и колѣни его

дрожали. Полина Ермолаевна была его тридцати-пятилѣтняя дочь. На ней черное платье-принцесса и золотой медальонъ. Она качалась въ длинномъ креслѣ.

Адель въ первомъ актѣ слѣдила за выходами. Она сидѣла возлѣ средней двери, за столикомъ, у огарка, и смотрѣла въ сценарій. Послѣ словъ: „Отецъ! Свѣтъ никогда не проститъ мнѣ этого, и пусть оно останется подъ спудомъ“... долженъ былъ выйти Бѣньковичъ, т. е. графъ (Ратмирскій), новый, съ современными взглядами, что видно ужъ изъ того, что онъ адвокатъ. Адель по временамъ поднимала глаза и въ просвѣтѣ видѣла на лѣсенкѣ, освѣщенной зеркальнымъ рефлекторомъ, жандарма въ каскѣ. Это былъ *тотъ* солдатъ. Она привыкла къ нему. Бѣньковичъ выскочилъ на сцену, струсилъ, напялилъ пенснэ; раздалось хихиканье въ публикѣ.

Но Бѣньковичъ разыгрался. Когда, послѣ словъ графини: „Я ваша, любезный графъ!“ (радостно), онъ произнесъ монологъ: „Графиня, графиня! О, еслибы весь міръ былъ полонъ графинями!“—ему даже похлопали.

Въ антрактѣ, продолжавшемся полчаса, театръ шумѣлъ неяснымъ говоромъ толпы, сквозь который вдругъ вырывался смѣхъ дѣвушки, трель кларнета, треньканье скрипокъ, звонъ шпоръ, плачъ ребенка, пьяный басъ, стукъ на сценѣ за колеблющимся занавѣсомъ. Наконецъ, раекъ сталъ колотить въ полъ ногами и палками, и кричалъ: „время“. На минуту онъ затихалъ, когда появлялся приставъ или полицеймейстеръ, но снова начиналъ жидкими апплодисментами, которые быстро разрастались, трещали, гремѣли. Раекъ ревѣлъ, вылъ. Оркестръ грянулъ. Это успокоило.

Фаничка сидѣла въ своей ложѣ.

Она смотрѣла на пустой партеръ. Кресла казались ей красными квадратиками съ бѣлыми ярлычками. Коегдѣ сидѣли смиренныя личности, боясь встать, небо

гатые люди, привезшіе изъ деревень дѣтей въ гимназію: въ новыхъ мундирчикахъ, стриженыхъ, съ оттопыренными ушами, съ рукой у рта. Раекъ былъ набитъ. Фаничка въ бинокль узнала своего садовника. У оркестра полусидѣлъ на барьерѣ „заѣзжій литераторъ". Онъ разговаривалъ съ генераломъ Баклановымъ. Фаничка не спускала съ него загорѣвшагося взгляда, забывъ о Пьерѣ и о Бормотѣ.

Второй актъ. На сценѣ лѣсъ. Вдали желтыя горы, и на нихъ тѣнь отъ Савки, стоявшаго за кулисами. На первомъ планѣ русская изба, Адель за самопрялкой, въ голубомъ сарафанѣ и въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ. Она—крестьянская дѣвушка Наташа—любитъ графа Ратмирскаго. „Заправская актриса!" шепталъ Шарамыкинъ за кулисами, потирая руки, а Векшинская, въ кокошникѣ, набѣленная и съ подведенными глазами, презрительно пожимала плечами и говорила: „Но! Дай мнѣ покой!" Послѣ словъ: „*Графъ*!.. Ну, такъ что же! Теперь всѣ равны!"—публика захлопала Адели, а послѣ: „Я простая крестьянка, но подъ этой рубашкой бьется благородное сердце"—раекъ заревѣлъ: „Бисъ! Фора!" Генералъ нагнулся и сказалъ что-то музыканту съ подвязанной щекой. Шарамыкинъ вышелъ на сцену.

Первый рядъ не хлопалъ.

Сидѣли въ первомъ ряду: генералъ, литераторъ, Шаровицынъ, графъ де-Гужаръ, воинскій начальникъ, полицеймейстеръ, Войцѣхъ, докторъ Шаршмитъ, управляющій казенной палатой Ланцертъ и еще какіе-то старички—направо. А налѣво—Кульчицкій, слѣдующее мѣсто было пусто, братья Лузгановы (три мѣста), сухой, похожій на Черемисова директоръ гимназіи, шуллеръ Борко, съ рыжими усами, весь въ золотыхъ цѣпочкахъ и брильянтовыхъ кольцахъ, и неизвѣстные помѣщики, въ просторныхъ костюмахъ и весьма плотные.

Среди акта, въ партеръ вошла, шумя шелковымъ

платьемъ и стуча каблучками, стройная женщина. Дамы перевели глаза на нее. У ней были почти бѣлые волосы. Лицо, какъ на модной картинкѣ. Одѣта пестро, съ средневѣковыхъ оттѣнкомъ, и на шляпѣ съ широкими полями стразы. Она сѣла рядомъ съ Кульчицкимъ. Онъ взглянулъ,—поблѣднѣлъ, наклонилъ голову, и застучалъ ногой. Онъ узналъ Скачъ-Скачевскую.

Векшинская объясняла Адели, тронутая ея страданіями, права ея на любовь графа, и увидѣла Скачъ-Скачевскую. „А! И стала жеманиться.

Она считалась теткой Адели, но была ея кормилицей; семнадцать лѣтъ назадъ, она служила горничной у барышни Чернохвостовой. Проходили военные. Барышня родила дочь. А горничная почувствовала себя способной поступить въ мамки. Графъ-отецъ далъ Векшинской землю и положилъ на ребенка пенсію. Онъ простилъ дочь, но „жизнь его была отравлена“,—сказала Векшинская и залилась слезами.

„И такъ въ моихъ жилахъ течетъ графская кровь?“ съ негодованіемъ вскричала Адель.

„Ты графиня, но только зъ лѣвой руки“! отвѣчала Векшинская.

Раекъ зашикалъ и отъ раскатовъ его хохота дрогнули огни. Векшинская провалилась.

Но Адель стала любимицей публики. Ее вызвали. Музыкантъ, по знаку Бакланова, подалъ ей букетъ. Она расплакалась. Театръ гремѣлъ: „Браво! браво!“ Неприличный басъ, разрывался и выводилъ изъ себя полицію. Скачъ-Скачевская махала платкомъ.

Занавѣсъ упалъ.

XXXIII

Адель не слышала упрековъ Векшинской и похвалъ молодыхъ людей въ цилиндрахъ на затылкѣ, брала кон-

фекты, которыя подносили ей, нюхала свой драгоцѣнный букетъ. Графъ де-Гужаръ поздравилъ ее съ талантомъ. Какія-то барыни пришли и ласкали ее. Все ей казалось какъ во снѣ.

А Шарамыкинъ ревниво поглядывалъ на нее. Онъ вдругъ полюбилъ ее, какъ уже двадцать лѣтъ никого не любилъ. Сердце его проснулось и дрожало. Онъ хотѣлъ-бы упасть къ ея ногамъ, цѣловать ихъ, просить прощенія за горькія обиды, повиниться во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Душа у него болѣла.

Савка возился съ декораціей третьяго акта, стуча тяжелымъ молоткомъ. Шарамыкинъ самъ взялъ молотокъ и стучалъ; хотѣлось истомиться, изныть въ работѣ.

Декорація называлась „желтымъ павильономъ". Всѣ были на лицо, кромѣ Бормота. Роль его была ничтожна, и ее возложили на Сыроѣдова.

Когда Бѣньковичъ забѣгалъ по сценѣ, крича что онъ любитъ графиню и Наташу, Шарамыкинъ пошелъ въ уборную Полины Ермолаевны торопить ее. На ней было свѣтлое платье, съ вырѣзомъ на груди. Двѣ свѣчи освѣщали ее. Она засмѣялась. Въ ней было что-то мерзкое и чертовски-соблазнительное для него.

Грязь опять поднялась со дна его сердца, и горячая струйка добраго чувства, согрѣвшая было его, перестала бить.

Бѣньковичъ, узнавъ отъ Векшинской, что Наташа незаконная дочь графини, взялъ уже револьверъ, чтобъ убить себя. Положеніе его осложнялось. Онъ взывалъ къ Векшинской: „Ты, дочь народа! Ты видѣла, какъ я любилъ это дитя, въ ея прелестномъ сарафанѣ, съ вѣнкомъ розъ на ея ангельской головкѣ... Ты видѣла, какъ свято я берегъ чистоту ея сердца... Я хотѣлъ, не взирая на свой ничтожный, пошлый титулъ, соединить судьбы наши... Что мнѣ титулы! Что мнѣ мое графство,

когда душа жаждетъ истинной любви! Но—увы!.. Такъ она ея мать!!!“ (пауза съ дикимъ вращеніемъ глазъ). Вошелъ подагрическій графъ. Онъ все слышалъ. Честный старикъ прощаетъ Ратмирскому связь съ графиней. Голосъ его дрожитъ, а Ратмирскій судорожно ходитъ по сценѣ, взбиваетъ на затылкѣ волосы, пріотворяетъ дверь и велитъ лакею закладывать лошадей. „Куда?“ спрашиваетъ графъ у графа. „За границу!... отвѣчаетъ графу графъ.—Вырвать это сердце!.. (колотитъ себя въ правый бокъ). Но является графиня. Но вбѣгаетъ Наташа. Распущены волосы, блѣдное лицо, огромные глаза. Театръ замеръ. Еще ни слова не сказано, а ужъ всѣхъ что-то потрясло, что-то рвануло съ мѣста, потянуло къ сценѣ: Адель страдала. Заговорила она тихо, отрывисто, а все было слышно и жадно ловилось. А потомъ—громче. Но тутъ уже примѣшались рыдающіе звуки. Слова были пошлыя, но самое чуткое ухо не было оскорблено; она всему придала жизнь. Игра была наивная, безъ расчета, она сама не знала, что выйдетъ: но это такъ трогало, такъ потрясало. Она призналась графинѣ, что любила Ратмирскаго, а теперь не любитъ. Но видно было, что не правда, что она продолжаетъ любить. Однакоже, непоколебимо рѣшила принести жертву. Сама она идетъ въ монастырь—замолить грѣхъ. Тутъ ужъ рыданія ея усилились. Сдержать ихъ нѣтъ ужъ силъ. Она схватила себя за голову. Театръ дрогнулъ. Раекъ застоналъ. Ее долго вызывали. Она вышла. Она увидѣла, что зала протягиваетъ къ ней трепещущія руки, гремитъ, дамы изъ ложъ машутъ платками... Скачъ-Скачевская сорвала съ себя брошку и бросила на сцену, и она зазвенѣла у ея ногъ.

Она ушла, пьеса точно осиротѣла. Послѣ словъ: „Графиня! вы мой вампиръ!“ выскочилъ, непереодѣтый, и съ темнымъ лицомъ Бормотъ и доложилъ о лошадяхъ. Графиня схватила револьверъ, побѣжала за кулисы и застрѣлилась, а оба графа и Векшинская

стали на колѣни около суфлерской будки и возвели глаза къ потолку, молясь за душу погибшей.

XXXIV

Бормотъ бросился въ буфетъ. Въ сизомъ воздухѣ молодой человѣкъ различилъ Бакланова. Онъ сидѣлъ за мраморнымъ столикомъ. Бормотъ выпилъ коньяку и подошелъ къ генералу.

— А! Очень хорошо-съ. Садитесь... Не правда ли?.. эстакій талантъ! право, невозможно было подумать... М-да... Нонѣшняя молодежь! Не угодно-ли...

Онъ указалъ на портвейнъ.

— Дайте другую бутылку! крикнулъ онъ.

Бормотъ сразу выпилъ стаканъ. Баклановъ посмотрѣлъ на него.

— М-да... произнесъ онъ, пожевавъ губами.

Бормотъ молчалъ. Ему чудился крикъ Зильбермана.

— Я еще выпью.

Но онъ не пьянѣлъ. Только голова трещала. Трупъ до сихъ поръ лежитъ тамъ? Какъ доказать, что не онъ убилъ Зильбермана? Полицеймейстеръ поздоровался съ Баклановымъ и съ нимъ. Похвалилъ Адель и ни слова о Зильберманѣ. Трупъ лежитъ съ пробитымъ вискомъ и револьверомъ въ лѣвой рукѣ.

Кто повѣритъ, что Зильберманъ струсилъ—и убилъ себя? Кто повѣритъ этому? Но револьверъ крѣпко зажатъ въ рукѣ.

Вызывали Адель и Шарамыкина. Въ буфетъ нахлынула публика.

Вспыхивали папиросы, раскрывались черные рты, клубился дымъ, прыгали плечи и щеки отъ смѣха, всѣ говорили и хохотали, все сливалось въ волнующійся гамъ. Бормотъ напрягалъ слухъ. О Зильберманѣ никто не говорилъ.

Онъ подошелъ къ полицеймейстеру, плотному брюнету, съ красивыми карими глазами, съ добрыми толстымъ ртомъ, до невозможности набитымъ какою-то закускою, и сказалъ:

— Когда вы можете меня принять?

Полицеймейстеръ съ трудомъ проговорилъ:

— Вѣрно, пописываете?.. Ну, приходите... ко мнѣ. Мы гласности не боимся! Батюшка!.. тутъ онъ наклонился къ Бормоту и, проглотивъ свою закуску, прошепталъ:— я самъ пишу...

Онъ постучалъ себя пальцемъ въ грудь, подмигнулъ, и сталъ опять закусывать.

Бормота подозвалъ генералъ.

— Скажите, пробѣжали вы мои прожекты? „Духъ газетъ и журналовъ?...“ и другіе?

— Какіе?

— Вы взяли, сказалъ генералъ съ упрекомъ.

Бормотъ сталъ припоминать. Но боль въ головѣ стала невыносима. Шаршмитъ курилъ и разсѣянно смотрѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ, какъ Зильберманъ. Онъ въ ужасѣ вскочилъ. Все съ дикимъ гоготаніемъ завертѣлось кругомъ: лица, смѣющіяся и спокойныя, красные огоньки, плечи, руки. Онъ упалъ, какъ деревянный, на полъ. Генералъ наклонился надъ нимъ и кричалъ:

— Доктора!

Его облили водой и, когда онъ очнулся, вывели изъ буфета.

Фаничка ходила по корридору съ Ганіевской. Она издали увидѣла Бормота.

— Будьте спокойны, ваше превосходительство, говорилъ приставъ генералу:—у насъ такой ужъ обычай—за каждымъ актомъ мертвое тѣло, иногда и два-съ...

Фаничка покраснѣла и поскорѣе ушла.

XXXV

...Вокально-инструментальное отдѣленіе ознаменовалось „взятіемъ Карса“.

Шарамыкинъ стоялъ, окруженный барабанами. Дребезжала дробь. Все чаще мелькали бѣлыя перчатки артиста. Рокотали барабаны. Все чаще мелькали бѣлыя перчатки. Бумъ-бумъ! — Ужасающіе звуки умѣрялись гармоничнымъ звономъ. Разсыпалась дробь. Звенѣли барабаны. Бумъ-бумъ! Гудѣла дробь. Бумъ! Оркестръ грянулъ. Бѣлыя перчатки мелькали вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ, прыгали межъ барабановъ. Крики райка слились съ барабаннымъ трескомъ. Тратата-трррр... Ухнулъ самый большой барабанъ. Бумъ-бумъ-бумъ! Пушки стрѣляли. А маленькіе барабаны продолжали заигрывать разсыпчатыми гаммами все короче и чаще, все чаще, все дробнѣе. Армія бѣжала вскачь, давая залпы изъ ружей. Скрипки и флейты стонали или побѣдно выли. Бумъ-бумъ-бумъ! Бахъ! Барабанъ ревѣлъ, не заглушая страшной музыки мелкихъ барабановъ. Карсъ взятъ, взорванъ на воздухъ. Бахъ! Бѣлыя перчатки застыли въ воздухѣ бѣлыми зигзагами. Бахъ, бахъ!

Карсъ взятъ. Но его заставили брать еще два раза. Шарамыкинъ изнемогъ, лобъ его блестѣлъ отъ пота.

Уже выходили изъ театра, когда пьяный басъ крикнулъ: „Бѣлоногъ! А-дель Бѣ-ло-ногъ!“ Стали вызывать Адель. Долго вызывали: „Бѣлоногъ! Бѣлоногъ!“ Вышелъ Шарамыкинъ, и, когда публика стихла, объявилъ:

— Госпожа Адель Бѣлоногъ, по непредвидѣнныхъ обстоятельствамъ, въ театрѣ не находится.

Ложи и партеръ опустѣли. Въ поднявшейся пыли тускло горѣли огни. Но раекъ все кричалъ:

— Бѣлоногъ, Бѣлоногъ!

Занавѣсъ не поднимался. Савка сталъ тушить лампы.

— Бѣлоногъ!

— Шарамыкинъ!—крикнулъ кто-то.

— Бѣлоногъ!

Но и раекъ опустѣлъ. Только пьяный басъ ревѣлъ еще одиноко:

— Бѣлоногъ! Гос-по-жа А-дель Бѣ-ло-ногъ!

Темнѣло.

XXXVI

Арестъ Адели напугалъ городъ. Спрашивали: за что? Не понимали, какъ могла она запутаться въ политику. Больше всѣхъ ошеломило это генерала. Къ нему утромъ прибѣжала въ слезахъ Фелицата Іадоровна. Онъ недоумѣвалъ, восклицалъ и поѣхалъ къ жандармскому полковнику. Полковникъ пожалъ плечами: дѣло серьезное. Генералъ послалъ длинную телеграмму своему другу въ Петербургъ и получилъ отвѣтъ, обрадовавшій его. Другъ извѣщалъ, что Бѣлоногъ освободятъ. На другой день генерала посѣтилъ жандармскій полковникъ и учтиво объяснилъ, что Адель выпустить пока нельзя, но во время ареста она будетъ пользоваться полнымъ вниманіемъ, о чемъ передано и роднымъ. Въ виду такого высокаго покровительства (онъ слегка поклонился), адъютантъ будетъ сообщать его превосходительству о состояніи ея здоровья и ходѣ дѣла. Генералъ, такимъ образомъ, увидѣлъ, что онъ почти ничего не сдѣлалъ. Но это подняло его желчь. Онъ написалъ сердитое письмо другу, ѣздилъ по городу и кричалъ у знакомыхъ, что послѣ „эстого“ грудныхъ младенцевъ недостаетъ только брать. Но сейчасъ-же значительно замѣчалъ:—„М-да... нонѣшняя молодежь“.

Адель ждала, что ее будутъ пытать. Еще покойный

Зильберманъ былъ увѣренъ, что, по крайнѣй мѣрѣ, сѣкутъ политическихъ. Но съ ней были вѣжливы, ее хорошо содержали и ей часто присылалъ кто-то корзины съ яблоками, грушами, виноградомъ, съ сладкими пирожками. Она упорно молчала, отъ кого и зачѣмъ получила тючокъ. Въ тючкѣ была еще записка. Адели показали ее, она прочла и сказала, что первый разъ видитъ ее. Отъ нея не добились ничего.

Такъ прошло два мѣсяца.

... О самоубійствѣ Зильбермана сдѣлано было разслѣдованіе; Бормота нѣсколько разъ требовали въ слѣдственную камеру. Наконецъ, онъ уѣхалъ въ Кіевъ.

Лоскотины перестали говорить о Зильберманѣ. Конечно, Мери никогда не полюбила бы Зильбермана. Но теперь, когда онъ былъ мертвъ, въ его нелѣпыхъ письмахъ звучала для нея какая-то скорбная нота. Лиза была увѣрена, что еслибъ онъ какимъ-нибудь чудомъ воскресъ, опять вышло бы тоже самое; въ его характерѣ было что-то роковое для него и для другихъ. Она уѣхала еще въ началѣ сентября. Мэри тоже, спустя недѣлю, уѣхала съ Фаничкой въ Петербургъ. Въ Дубовкѣ мѣсто Зильбермана занялъ простой казакъ... Ихъ старый домъ опустѣлъ и мрачно стоялъ, съ забитыми ставнями, осыпаемый мертвыми листьями дряхлыхъ тополей.

Кульчицкая уѣхала въ Крымъ: мужъ не противился теперь. Онъ возобновилъ знакомство съ Скачъ-Скачевской. И когда въ квартирѣ ея шла бѣшеная игра, и она, поставивъ ногу на стулъ, метала карты, и Борко проигрывалъ ей свои кольца и цѣпочки или выигрывалъ у ней все до послѣдней тряпки, Кульчицкій сидѣлъ гдѣ нибудь на диванчикѣ и ласкалъ шелковистые волосы крошечнаго ребенка, который, заброшенный и неумытый, спалъ, положивъ ему на колѣни голову. Ему нравился ребенокъ. Однажды утромъ онъ узналъ новость. Полина Ермолаевна вынула изъ городского банка

свои именные билеты и сняла въ Новороссійскѣ театръ. Режисеромъ у ней—Шарамыкинъ. Съ нею Векшинская. Кульчицкій поѣхалъ къ Скачъ-Скачевской и купилъ ребенка. Онъ обѣщалъ воспитать дѣвочку какъ свою дочь. Скачъ-Скачевская расплакалась и разсталась съ малюткой. Съ тѣхъ поръ Кульчицкій пересталъ ѣздить къ Скачъ-Скачевской. Но въ домѣ его появилась молоденькая нѣмка-бонна съ ослѣпительно-бѣлой кожей, толстымъ лицомъ и рыжими волосами. Она покорна и уступчива. Кульчицкій доволенъ ею.

Еще два слова. Когда онъ узналъ, что Адель арестована и былъ обыскъ у Лоскотиныхъ, то, при свиданіи съ жандармскимъ полковникомъ, ему хотѣлось разсказать о визитѣ къ нему Зильбермана, самоубійство котораго осталось загадкой. Ниточка, но она привела бы къ клубочку. Онъ ошибался, но считалъ свой секретъ довольно важнымъ. Однако же, не разсказалъ: рѣшилъ быть порядочнымъ человѣкомъ—во всѣхъ отношеніяхъ.

XXXVII

Стояли славные дни. Блѣдное небо, нежаркое солнце, прозрачный воздухъ, четкія дали. Берегъ Ужа видѣнъ какъ въ бинокль. Генералъ спѣшилъ надышаться здоровымъ воздухомъ.

Въ половинѣ октября 1874 года онъ вышелъ изъ экипажа, у воротъ городского сада, и побрелъ по аллеямъ. Было это послѣ обѣда, и солнечные лучи косо ложились на землю. Шуршали листья, медленно крутились, цѣплялись за вѣтки, падали на дорожки, на шинель генерала. Бодрящимъ ароматомъ увяданія вѣяло отъ сада.

Кто-то вѣжливо окрикнулъ старика. Онъ посмотрѣлъ назадъ въ полоборота: графъ де-Гужаръ.

Графъ отдалъ честь тѣмъ полуфамильярнымъ жестомъ, какимъ молодые офицеры привѣтствуютъ отставныхъ генераловъ.

— Я былъ у васъ.

— Смѣю спросить, зачѣмъ? изысканно вѣжливо и картаво произнесъ генералъ.

— По поводу госпожи Бѣлоногъ... Она свободна.

Генералъ крѣпко пожалъ руку адъютанта.

— Благодарю васъ, графъ, за пріятное извѣстіе!— Но какъ же? Она невиновна?

— Ваше превосходительство, какая-то непонятная случайность... впрочемъ, найденъ слѣдъ...

Онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на генерала.

— Помните, пріѣзжалъ литераторъ?..

— Да...

— Онъ, кажется, съ вами былъ знакомъ?..

Генералъ подумалъ.

— Не помню.

— Былъ, былъ! У меня хорошая память: въ театрѣ съ вами разговаривалъ...

— А!.. Можетъ быть...

— Онъ у всѣхъ насъ бывалъ... У губернатора... У полковника!..

— Ну?

— Во-первыхъ, онъ, строго говоря, не литераторъ.

— Ну?

— Ну, вотъ теперь—косвенно... по почерку... Нѣкто Лаптевъ... И строго говоря, даже не Лаптевъ...

Онъ оборвалъ себя, покраснѣлъ и сталъ закуривать папироску, которая еще дымилась.

Генералъ посмотрѣлъ на него, и сказалъ серьезно:

- Удивительныя времена мы переживаемъ!

XXXVIII

Адель вернулась домой и сейчасъ же слегла. Она еще съ утра чувствовала боль въ поясницѣ. Ее разспрашивали, что̀ съ ней было, но она не могла отвѣчать, глаза ея потухли. Вдругъ, она стала кричать. Фелицата Іадоровна прекратила разспросы. Она не упрекала ее. Она давно знала. Но ее ужасало, что Адель такъ не во время жалуется на схватки. И она пригласила Шаршмита и его жену.

Конвульсіи пробѣгали по тѣлу. Адель дико вскрикивала и хваталась, черезъ голову, за стѣнку кровати, съ краснымъ напряженнымъ лицомъ. Или блѣднѣла, и глаза погасали въ смертельной тоскѣ. И только судорожно трепетали концы худенькихъ пальцевъ.

На другой день ей стало совсѣмъ худо. Серафимочка ходила на цыпочкахъ, Фелицата Іадоровна молилась. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ генералъ. Послали за священникомъ. Онъ причастилъ Адель.

Ночью она умерла.

За гробомъ шли родные, Ганіевская, генералъ, Савка, нѣсколько нищихъ. Печальное шествіе. Дождь моросилъ. Когда гробъ заколотили, Фелицата Іадоровна раздирающимъ голосомъ стала кричать:

— Аделька! Аделька!

И Серафимочка горестно вскричала:

— Аделька!

Но гробъ былъ нѣмъ.

Савка помогъ могильщикамъ опустить гробъ въ яму. Засыпали землей. Выросъ бугоръ...

Всѣ постояли, и разошлись.

Фелицата Іадоровна сдѣлала поминальный обѣдъ, но генералъ не могъ ѣсть, и уѣхалъ къ себѣ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ окно на сѣрый день. Дождь билъ въ стекла, капли воды сбѣгали по нимъ медлительно, какъ слезы.

Старикъ вздыхалъ и думалъ, что пора и ему на покой.

„Отеч. Записки“, 1882.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

О. І. Климовичъ

I

Почтовая кибитка поднялась по крутому косогору. Звенѣлъ колокольчикъ. Красивая женщина лѣтъ двадцати-семи сидѣла въ кибиткѣ.

Она смотрѣла на дома губернскаго города, двумя рядами стоявшіе по обѣимъ сторонамъ шоссе.

Было около шести часовъ вечера, и по узкимъ тротуарамъ лѣниво подвигался народъ: дамы въ прошлогоднихъ модахъ, молодые люди въ матерчатыхъ перчаткахъ и съ тросточками, евреи въ ластиковыхъ сюртукахъ, ихъ жены въ шелковыхъ платьяхъ и бархатныхъ пальто.

Нѣсколько лѣтъ не была она въ городѣ. Городъ успѣлъ прославиться, и о немъ по временамъ говорилось въ печати. Однажды голова его не отправился къ новому губернатору съ визитомъ. Либеральныя газеты превозносили мужественнаго голову. Въ другой разъ полицеймейстеръ посадилъ въ кутузку мироваго судью. Консервативныя газеты кричали, что власть начинаетъ, слава Богу, становиться на ноги. Писали о докторѣ Шаршмитѣ, открывшемъ первую гласную кассу ссудъ. Корреспондентъ, чуткій ко всему, что знаме-

нуетъ собою прогрессъ, радовался, что мѣстные жители избавились, наконецъ, отъ язвы тайнаго ростовщичества. Въ послѣдній разъ о городѣ упоминалось по поводу многочисленныхъ случаевъ самоубійства между молодыми людьми. Отравились гимназистъ и гимназистка, которымъ родители не позволили вѣнчаться, застрѣлился прапорщикъ, на котораго накричалъ генералъ, повѣсился чиновникъ Иванъ Иванычъ Чуфринъ.

Тѣ же магазины, тѣ же облѣзлые тополи, тѣ же невзрачные, сонные дома, таже пыль. Вывѣска на земской управѣ, сверкавшая когда-то гордо и хвастливо, осыпалась, потемнѣла, и съ недоумѣніемъ смотритъ на нее заѣзжій человѣкъ и читаетъ: „....кая управа“?

Почтовая станція находилась противъ бульвара. По немъ бродили коровы.

Пятнадцать лѣтъ назадъ онъ былъ привѣтливѣе. Въ весеннемъ небѣ горѣли звѣзды; на землѣ онѣ дрожали въ тихихъ лужахъ. Этотъ четырехъ-угольный соборъ торжественно и ласково гудѣлъ своими колоколами. Лиза шла съ маленькой Мери и со старухой Антипьевной слушать „Дѣянія“. Ровно въ двѣнадцать часовъ воскреснетъ Христосъ, радостно станутъ пѣть на клиросахъ, на бульварѣ зажгутъ смоляныя бочки, она вернется домой и скажетъ: „Христосъ воскресе, maman!„ Она пришла въ соборъ съ твердымъ намѣреніемъ молиться. Антипьевна повела дѣтей на хоры. Но тутъ имъ стало „ужасно смѣшно“, и они хохотали на всю церковь. И сильнѣе сестры, трепеща какъ въ лихорадкѣ, хохотала она—старшая, къ ужасу Антипьевны...

Кибитка остановилась. Невольно вздохнула молодая женщина, оставшись одна въ комнатѣ почтовой станціи. Все прошло. Но изъ окна виднѣлся соборъ, незыблемый, какъ скала.

II

Станціонный смотритель вошелъ въ комнату и, поглаживая сѣденькіе височки, сказалъ:

— Сударыня, позвольте узнать — вы не Лизавета Павловна Лоскотина?

— Да.

— Вашъ дѣдушка былъ моимъ благодѣтелемъ, воспиталъ меня и въ люди вывелъ, да и покойная маменька ваша, Нина Сергѣевна, царствіе ей небесное, не оставляла меня своими благодѣяніями.

Онъ любезно вздохнулъ.

— Бывало, и курочку пришлютъ, и поросеночка къ празднику, и мучки мѣшокъ... Помните меня?

— Извините, пожалуйста...

— Ну, да гдѣ же вамъ! Давно! А я знавалъ васъ еще этакой...

Онъ продолжалъ:

— Что-жъ, Лизавета Павловна, — захотѣли городъ нашъ посѣтить? Гдѣ изволите жить теперь?

Онъ сѣлъ на кончикъ стула. Ей неловко было отмалчиваться. Она сказала:

— Не знаю, какъ и благодарить васъ за участіе. Позволите прилечь?

Смотритель подобострастно кивнулъ головой. Но онъ не уходилъ. Быстрые глазки его разбѣгались во всѣ стороны. Онъ замѣтилъ, что волоса Лизаветы Павловны причесаны по старомодному, чемоданъ у ней маленькій, съ стальными пуговицами, она въ перчаткахъ

— Должно быть не надолго?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Повидать кого?

— Дѣло есть... Прошу извинить меня...

— Ничего, ничего!—обязательно произнесъ старичекъ.

— Я ужъ сказала, что хочу отдохнуть,—нѣсколько сухо замѣтила Лоскотина.

— А какъ-же! Я вамъ подушку принесу! Отдохните. Гдѣ-жъ ваша сестрица? Замужемъ или такъ? Про Марью Павловну я не спрашиваю... Мы тутъ много объ ней горевали... И какъ это? Вовлекли, разумѣется. Мигилизмъ! А я на счетъ Фани... Боже мой, какая была изъ себя пригожая, и бойкая!

— Она замужемъ.

— Слава Богу. За кѣмъ?

— За однимъ докторомъ.

— Ахъ, отлично! въ Петербургѣ и вышла?

— Въ Петербургѣ.

— Ахъ, чудесно! Скажите, пожалуйста, Лизавета Павловна, чѣмъ-же вы занимаетесь? Все по прежнему?

Лизавета Павловна молча разстегнула чемоданъ, и смотритель увидѣлъ, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ бѣлья и чернаго платья. Вынувъ простыню, Лизавета Павловна обернула ею дорожную подушку.

Смотритель поднялся съ мѣста.

— А мужики, которымъ вы землю пожертвовали, пьянствуютъ!—сообщилъ онъ съ насмѣшкой.—Подушку сейчасъ принесу...

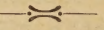
— Не трудитесь, не надо.

— Первые воры, первые негодяи...—продолжалъ старичекъ.—Это вы сдѣлали ошибку, Лизавета Павловна, съ сестрицей вашей Марьей Павловной. Добрыя очень, въ родителей, но только надо знать, кому благодѣтельствуешь.

Онъ низко поклонился и вышелъ. Лизавета Павловна пристально посмотрѣла ему вслѣдъ.

Чрезъ полчаса пришелъ полицейскій надзиратель. Смотритель глядѣлъ въ пріотворенную дверь, раскрывъ ротъ. Лизавета Павловна показала видъ. Все

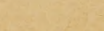
въ порядкѣ. Она была, какъ всегда, народной учительницей, и пріѣхала на три дня въ городъ, чтобъ чрезъ нотаріуса устроить продажу городскаго дома, принадлежащаго сестрѣ ея Фаничкѣ. Надзиратель сослался на долгъ службы и удалился. Смотритель больше не появлялся.



III

Лоскотинскій домъ стоялъ въ запустѣніи. Стала протекать крыша—погибъ паркетъ. Нѣтъ желѣзныхъ болтовъ, замковъ, ручекъ у дверей. Кругомъ—бѣднота, а домъ на выѣздѣ, одинокій и угрюмый. Нуженъ гвоздь—идутъ въ домъ. Стекло надо—въ домъ. Ступеньки сорваны. Нѣкому заступиться за домъ, и слухъ о немъ далеко прошелъ среди неимущаго населенія. Около него все чаще снуютъ хищники и голоднымъ окомъ посматриваютъ на его огромный остовъ; уцѣлѣло еще многое: гвоздей нѣсколько пудовъ; досокъ не взять на десять возовъ; кое-гдѣ еще цѣлы стекла; изъ громадныхъ изразцовыхъ печей можно сложить дюжину маленькихъ; ставнями можно чудесно топить,—важно будетъ горѣть сухое дубовое дерево. Гигантскій звѣрь околѣлъ, и вся мелкота, лѣсная и болотная, вылѣзла изъ норъ и растаскиваетъ по клочку, по кусочку, по крупинкѣ, кто сколько можетъ, останки звѣря. Воронъ выклевываетъ глаза, волкъ пожираетъ мясо, гіена выматываетъ внутренности.

Лизавета Павловна ужаснулась, увидѣвъ свое родное гнѣздо. Солнце ярко свѣтило, и еще безобразнѣе казался домъ. Одни тополи зеленѣли, старые, но бодрые, какъ тѣ деревья, что растутъ на кладбищахъ.



IV

Лизавета Павловна покончила съ нотаріусомъ скорѣе, чѣмъ разсчитывала. Ей хотѣлось уѣхать изъ города, не повидавшись ни съ кѣмъ изъ прежнихъ знакомыхъ. Она отстала отъ нихъ и отъ вѣка. Связь порвалась послѣ этой мрачной исторіи съ восторженной Мэри, которая предпочла страшный подвигъ кропотливой работѣ.

Но ужъ когда она собралась уѣзжать, ей, сказали, что въ городѣ живутъ Лозовскіе. Сонечка была ея любимой подругой. Какъ же не повидаться съ Сонечкой?

Домъ Лозовскихъ выходилъ на улицу бокомъ, какъ столбъ. Темный, крыша красная. Заборъ и ворота высокіе, окна небольшія. Цѣпная собака, съ налитыми кровью глазами, прыгала и хрипѣла у будки.

Цѣпь мѣрно звякала. Въ передней Лиза увидѣла опять собаку съ добраго теленка.

Она постучала—собака ни съ мѣста, только прижалась къ полу нижней челюстью.

Лиза вскрикнула. Но стукъ былъ услышанъ.

Сонечка въ полутемной передней не сразу узнала ее; когда же онѣ перешли въ гостиную, бросилась ей на шею и заплакала.

— Лиза!

Лиза была смущена, и не знала, что сказать. Но, конечно, у Сонечки нервное возбужденіе. Волоса потускнѣли, не такіе золотые, и лицо пожелтѣло и заострилось.

Сонечка, дорогая, милая, что съ тобою?

— Я измѣнилась?

— Но времени много прошло, Сонечка, и то сказать!

— Очень измѣнилась?

Лиза, вмѣсто отвѣта, расцѣловала ее.

— А я изъ деревни и уже назадъ ѣду. Я насилу добралась къ тебѣ. Ты стала любить собакъ?

Сонечка вскричала:

— Ненавижу!... Это моя стража!

Ея глаза сверкнули, она закашлялась и прижалась къ Лизѣ.

— Лиза, скорѣе... говори, голубчикъ! Говори... все... сразу! А то онъ придетъ...

Она съ тоской взглянула на часы.

— У него теперь повѣрочные экзамены. Черезъ часъ вернется. Говори скорѣе все!

„Бѣдная, что-жъ это?“ подумала Лиза.

— Ахъ, Лиза! — отвѣчала Сонечка, понявъ ея взглядъ.—Ничего не слыхала?

— Слыхала, но...

— Не вѣрила? какъ-же, какъ-же! Благодѣтель! Онъ грѣхъ мой прикрылъ и не можетъ этого забыть. Лиза, онъ великодушенъ!—раздражительно протянула она.— Говори все!

— Что говорить?

— О себѣ!

Лизавета Павловна торопливо передала свою исторію. Сократила и многое пропустила. Она учительствуетъ, и только. Вездѣ она встрѣчала наряду съ гоненіемъ поддержку. Сочувствуютъ народу на словахъ, но и то слава Богу. Главное—создалась, наконецъ, атмосфера, въ которой не чувствуешь одиночества. О Мэри она промолчала. И мучительно было-бы говорить о Мэри.

Сонечка жадно слушала, и на восковомъ лицѣ ея вспыхнулъ двумя пятнами румянецъ.

— Знаешь Лиза,—сказала она тихо:—ты первый живой человѣкъ, что я вижу съ того времени. Я даже газетъ не читаю... Ахъ, то время!—вскричала она, сцѣпивъ руки и закинувъ голову.—Помнишь, ты разрѣшила мнѣ одной личное счастье... Погибло!—прошептала она...—Лиза, будемъ-же говорить!—сказала

она, встрепенувшись.—Будемъ скорѣй говорить... Моя очередь...

Она обняла Лизу и заплакала.

— Нѣтъ, зачѣмъ!—промолвила она... Исторія коротка...

У Лизаветы Павловны задрожали губы. Сонечка продолжала:

— Посмотри, какъ я глупа! Никто не виноватъ—сама въ гробъ легла... Знаю, что можно сбросить крышку, а лежу! Какъ это, однако странно!—замѣтила она, какъ-бы съ удивленіемъ, и вытерла слезы.

— Кто тебѣ мѣшаетъ?—сказала Лизавета Павловна.—Надо въ деревню, на свѣжій воздухъ, на молоко... Поѣдемъ въ мою избу. Будешь рисовать до осени, писать, читать, а поправишься и вмѣстѣ сообразимъ, какъ дальше быть... Что мужъ?..

— Лиза!—вскричала Сонечка.—Ты его не знаешь! Я раба! Онъ меня вотъ какъ держитъ. Онъ дѣлаетъ сцены. Иванъ Ивановичъ... кого я любила... Ахъ, неправда, Лиза, я его любила! Онъ умеръ... Нѣтъ его! А этотъ думаетъ, что я еще могу полюбить... Кого? Его?

Звякнула цѣпь.

— Моя цѣпь,—прошептала она, поблѣднѣвъ.

Она прислушалась.

— Идетъ!

Лозовскій вошелъ въ комнату, окинувъ быстрымъ взглядомъ жену и гостью.

— Кто у насъ?—спросилъ онъ.

Лизавета Павловна была его ученицей вмѣстѣ съ Сонечкой и удивилась перемѣнѣ въ немъ. Серебрилась сѣдина, щеки ввалились.

— Я Лоскотина.

— А-а!—Помню! И много наслышанъ!

Коснувшись ея руки холодными пальцами, Лозовскій сталъ ходить по гостиной.

Лиза, какъ-бы продолжая прежній разговоръ, спросила:

— А рисованіе неужели бросила?

— Бросила,—отвѣтилъ за жену Лозовскій.—Скоро фотографію изобрѣтутъ—краски будетъ передавать.

— А лѣпку?

— Подругу пріѣхали провѣдать?—началъ Лозовскій.—Такъ вы пожалѣйте ее, коли любите! О прошломъ прошу не говорить. Ей вредно волноваться... Какая тамъ скульптура!.. Скульптура!..

Лиза вспыхнула. Сонечка умоляюще взглянула на нее. Лиза оборвала себя на полусловѣ.

— Что вы хотѣли, сударыня, сказать? Два слова въ защиту изящныхъ искусствъ? Ха-ха-ха! Живопись, ваяніе, стихи! А мужъ что такое? Имѣетъ-ли онъ право требовать, чтобы жена шла съ нимъ объ руку, помогала ему, была хозяйкой дома, уважала его вкусы? Ненавижу пустяки! Трудъ! Въ трудѣ наслажденіе! А захотѣла эстетики—вотъ тебѣ! Любуйся!

Онъ указалъ на олеографіи и на гипсовыхъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, Фауста и Гретхенъ.

Лиза хотѣла возразить; но Сонечка сказала:

— Совершенно вѣрно, Лиза.

Лозовскій слѣдилъ за женой.

— Ну, вотъ видите, таково и ея мнѣніе; у насъ одинаковые взгляды.

Лизавета Павловна встала.

— Хотите уходить? Я васъ провожу!—сказалъ Лозовскій.

— А обѣдать?—робко начала Сонечка.—Но такъ-какъ ты спѣшишь...

— Въ деревню? Счастливой дороги!—ласково заговорилъ Лозовскій и, подавъ Лизѣ руку, слегка потащилъ ее къ выходу.

Въ передней Сонечка и Лиза обнялись. Грудь Сонечки потряслась беззвучнымъ рыданіемъ. Ихъ губы слились въ прощальномъ поцѣлуѣ. Онѣ обнялись еще разъ и разстались—навсегда.

Ноябрь 1884 г.
„Новь“, 1886.

РОДИНА

Молодой человѣкъ, сойдя на маленькой станціи курско-кіевской дороги, пошелъ пѣшкомъ по проселку, среди низкорослаго дубняка.

Стоялъ іюнь, былъ теплый вечеръ. Небо еще горѣло на западѣ, янтарное, съ огнистыми струйками, и облака алѣли, медленно тая въ зеленой лазури. Но ползли тѣни, и, гдѣ дубнякъ рѣдѣлъ, въ лѣсныхъ прогалинахъ вставалъ прозрачный туманъ.

Молодой человѣкъ подвигался по знакомой дорогѣ скорымъ шагомъ; домой онъ не показывался болѣе трехъ лѣтъ. Онъ разсчитывалъ, что пріѣдетъ завтра, но ошибся—въ Москвѣ знакомыхъ своихъ не засталъ,—и выигралъ сутки. Лошадей должны были выслать за нимъ на станцію только завтра. До хутора всего шесть верстъ; а за вещами поѣдетъ Микита Москаль.

Воздухъ родины опьянялъ. Послѣ петербургской мостовой этотъ кривой проселочный путь съ глубокими колеями радовалъ глазъ. И этотъ низенькій лѣсокъ „чагернякъ“, разстилающійся отъ полотна желѣзной дороги до хуторскихъ тополей, успокоительно благоухалъ. Взвизгнулъ уходящій поѣздъ, и рѣзкій звукъ потонулъ въ безмолвіи вечера.

Волненіе усиливалось. Стыдно было забыть объ этомъ уголкѣ, скромномъ, дикомъ, но дорогомъ сердцу...

Онъ вздохнулъ.

Въ просвѣтахъ кустарника мелькнулъ хуторской плетень, и онъ увидѣлъ соломенную крышу.

— Здравствуй, родимая хата! прошепталъ онъ и облокотился на плетень.

Ему захотѣлось встрѣтить кого-нибудь: мать или сестренку, или Наденьку.

Но никто не показывался. Хуторъ точно заснулъ. Сумракъ сгущался, небо нависло надъ землей дымчато-синимъ сводомъ.

Молодой человѣкъ прошелъ огородомъ въ садъ, и на него пахнуло розами и воспоминаніями.

Цѣла старая липа!

Роскошная липа! Подъ ней онъ, будучи шестнадцатилѣтнимъ юношей, мечталъ, бывало, со слезами о „человѣческихъ правахъ“ и нравственности на „новыхъ началахъ“. Спорилъ подъ нею и съ покойнымъ отцомъ о женскомъ вопросѣ, и тотъ, истощивъ доказательства, схватилъ его однажды за вихры.

Липа все таже, а онъ не тотъ. Возмужалъ, постарѣлъ. Дѣятельность уже, чѣмъ онъ мечталъ. Онъ художникъ, получилъ золотую медаль. Самъ Лагоріо расхвалилъ его. Въ журналахъ посвятили ему нѣсколько строкъ. Онъ весь ушелъ въ краски, онѣ поютъ и звучатъ, и въ душѣ его вѣчно слагаются въ гармоническія сочетанія прямыя и сферическія линіи, свѣта и тѣни, и онъ творитъ картины, счастливый тѣмъ, что по временамъ живетъ и дышитъ своими созданіями, любуется *своею* природою, *своимъ* небомъ, *своимъ* солнцемъ...

Онъ повернулъ въ каштановую аллею.

Дѣвушка, съ черными глазами, здоровымъ румянцемъ во всю щеку, стройная, высокая и застѣнчивая, встрѣчала его въ этой аллеѣ. Давно это было.

Наденькѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Онъ выросъ

съ ней и былъ старше на два года. Сиротой поступила она къ нимъ въ домъ.

При немъ она краснѣла, съ нею онъ молчалъ.

Былъ праздникъ. Утро. На ней было ситцевое платье, черный люстриновый передникъ и гладкіе воротнички, а въ волосахъ бѣлѣлись розы. Зардѣвшись, она поровнялась съ нимъ, и онъ рѣшился вдругъ что-то сказать. Но языкъ молчалъ.

Они вышли въ поле, дошли до Великой Хмары— гдѣ надъ синей водой кричали чайки, и взялись за руки, и сѣли на траву. Вдругъ, губы ихъ слились въ горячемъ поцѣлуѣ...

Ни онъ, ни она не сказали ни слова.

Два года прошло. Блаженныя минуты, застѣнчивый ангелъ, жизнь кипѣвшая ключемъ, страсть не знавшая преградъ!..

О, жить и состарѣться среди этой природы, среди этой мирной обстановки, гдѣ все такъ радушно встрѣчаетъ его!.. Въ ушахъ прозвучали родные полузабытые мотивы, слова милой рѣчи...

Осень сорвала съ сада листья, зима обсыпала деревья бѣлыми цвѣтами. Днемъ на него больно было смотрѣть.

Мать вставала рано и возилась съ рабочими, доставлявшими муку съ вѣтряной мельницы. Сестренка громко зубрила катехизисъ, играла гаммы. Наденька шила. Изрѣдка она поднимала голову, и бросала пытливый взглядъ на молодого человѣка. Онъ пасмуренъ. Что съ нимъ? Надоѣлъ хуторъ. Вдали, за предѣлами этихъ бѣлыхъ дней, мерещилась ему другая жизнь, яркая, какъ лѣтній пейзажъ. Тамъ онъ не лишній. Тамъ ждетъ его слава, въ сравненіи съ которой что значитъ любовь бѣдной Наденьки?

Ему нездоровилось, и онъ сидѣлъ за мольбертомъ въ „мастерской“, какъ называлъ онъ свою каморку объ одномъ окнѣ. Вошла Наденька. Онъ разсѣянно

взглянулъ на нее. Она куталась въ теплый платокъ. На губахъ ея кривилась какая-то виноватая улыбка.

— Что тебѣ надо?

Она испугалась и молча сѣла, съ глазами, въ которыхъ блеснули слезы. Онъ отвернулся.

— Ты не поговоришь со мною?

— Я? вскричалъ онъ.

Но, сдержавъ себя, онъ произнесъ:

— О чемъ намъ говорить?

Она вздрогнула. Присутствіе ея раздражало его, и онъ бросалъ на полотно краски комками. Наденька была олицетвореніемъ совѣсти, и каждый вздохъ ея болѣзненно отдавался въ его груди.

— „Бѣжать отсюда—сегодня-же"!

Молчаніе длилось цѣлый часъ. Не нашлось для дѣвушки ни одного теплаго слова. А къ ней вернулась застѣнчивость, съ примѣсью ужаса, тайнаго предчувствія близкой развязки...

Молча началась ихъ любовь, молча кончилась. Онъ уѣхалъ...

Но какъ теперь больно и стыдно ему!.. Кровь бросилась въ лицо. Онъ замедлилъ шаги у бѣлыхъ стѣнъ дома, до половины утопавшаго въ зелени жасминовъ.

Но еще минута... Встрѣча съ Наденькой... Онъ объяснится—онъ все разскажетъ ей, исповѣдается ей во всемъ и, можетъ быть, она проститъ его.

— Проститъ ли?..

Сердце его сильно забилось, когда онъ, наклонившись подъ низко нависшей вѣткой яблони, вышелъ на площадку, гдѣ благоухала резеда.

На ступенькахъ сидѣла Наденька, устремивъ въ сумракъ неподвижные глаза.

Она обернулась, узнала его, воскликнула:

— Миша!

. . . . . .

Она простила его.

Февраль, 1882. „Трудъ".

СТАРЫЙ САДЪ

I

По холмистой мѣстности пролегаетъ полотно желѣзной дороги въ пяти верстахъ отъ деревни Козловки. Дороги не видно: заслоняетъ густой лѣсъ. Но громыхаютъ поѣзда и стонутъ свистки паровоза, словно въ лѣсной чащѣ кричитъ, пролетая, какая-то гигантская птица. Козловцы привыкли къ могучему крику и приспособились къ чугункѣ. Всѣ они извозчики. Ежедневно, утромъ, въ полдень и вечеромъ, изъ всѣхъ тринадцати дворовъ выѣзжаютъ — тарантасы, линейки, телѣжки. Кожа на тарантасахъ полопалась; гдѣ слѣдуетъ быть желѣзнымъ скрѣпамъ—бечевки въ хитрыхъ узлахъ, а линейки оклеены обоями. Но лошади сытыя. И сами козловцы народъ не голодный. Глаза у нихъ веселые. Зипуны и сапоги цѣлые, рубахи красныя, на выпускъ. Парни—при часахъ. Проселочная дорога змѣйкой уползаетъ въ лѣсъ; на широкомъ лугу пасутся коровы и овцы. У козловцевъ земля плохая, хлѣба не родитъ. Они все покупаютъ у Агѣича. Перестали они вести обычную мужицкую жизнь. Чугунка оторвала отъ земли, дала

легкіе и пріятные заработки. И выѣзжаютъ они въ своихъ дребезжащихъ экипажахъ на встрѣчу рублевкамъ и новостямъ. Крошечная деревня становится крошечнымъ городомъ. Алексѣй Ивановичъ выстраиваетъ избу—съ залой и съ галдареей. Романъ Пучеглазый пріобрѣтаетъ полдюжины вѣнскихъ стульевъ. Сергѣй Ильинъ надѣваетъ черныя брюки и бѣлый пиджакъ. Василій Михайловъ привозитъ дочерямъ по серебряному медальону съ цѣпочкой. А жена Прокофія Рогожина носитъ браслетку. Хорошія травы, молока и масла вволю, ѣдятъ говядину, куръ, яйца, чай пьютъ два раза въ день, общественныя деньги пропиваютъ всѣмъ міромъ. Пьютъ и на свои. Но недовольства уже много. Новая жизнь манитъ къ себѣ. Хотѣлось бы „торговлишкой“ заняться, либо такъ „чѣмъ-нибудь“, поприбыльнѣе. Завидуютъ Агѣичу. Завидуютъ всѣмъ проѣзжимъ. Стонетъ свистокъ паровоза, сжимается сердце. Лѣсъ стоитъ хмурый, вѣчно-зеленый. Послѣдняя преграда!

Небо потухало, и голубой сумракъ окутывалъ даль, деревья и дома; на западѣ меркла янтарно-красная полоса, кидая отсвѣтъ на облака. Пастухъ Ефимъ гналъ скотъ домой. Пестрыя и черныя коровы мычали, овцы безтолково метались по улицѣ, дѣти съ хохотомъ гнались за ними, собаки лаяли. Хозяйки приготовлялись доить коровъ, дѣвки—водить хороводъ.

Козловскія дѣвки стройны, дородны, нарядны. На площадкѣ, противъ барской усадьбы, онѣ пробовали голоса, обмѣниваясь улыбками. Поодаль, парни, въ красныхъ рубахахъ, скрипѣли гармониками.

Густая изгородь изъ акацій скрывала усадьбу, и изъза нея таинственно глядѣли гигантскіе серебристые тополи и могучія сосны. Усадьба была угрюма и молчалива, какъ кладбище.

Когда козловцы возвратились со станціи, голоса звенѣли въ душистомъ майскомъ воздухѣ. Темное небо было усѣяно звѣздами. Тарантасъ Алексѣя Ива-

новича лихо подкатилъ къ барской усадьбѣ и скрылся за изгородью. Дочь его Саша, первая узнала, что пріѣхалъ баринъ Уствольскій, больше двадцати лѣтъ не бывавшій въ родномъ гнѣздѣ.

II

Уствольскій вылѣзъ изъ тарантаса передъ крыльцомъ большого деревяннаго дома, съ мезониномъ и вышкой. Дворъ густо заросъ. Въ темно-синемъ воздухѣ лѣтней ночи громадныя деревья обступали домъ со всѣхъ сторонъ.

Домъ заброшенъ, вымеръ. Ни души!

А было время, когда собаки радостно кидались Уствольскому на грудь. Небритый Сысойка выходилъ съ фонаремъ на крыльцо и ласково свѣтилъ. Въ переднюю выбѣгали сестры, съ крикомъ, сердившимъ чопорную m-me Эрцманъ. Въ залѣ мать обнимала сына. Накрывали столъ, механическія масляныя лампы ярко горѣли, слуги весело посматривали на „дите". Дѣвочки любовались братомъ, m-me Эрцманъ провѣряла познанія его во французскомъ языкѣ...

— Алексѣй Иванычъ, развѣ Василій Михайловъ моего письма не получалъ? спросилъ Уствольскій: Василій Михайловъ не ждалъ барина, и двери были забиты шелевками.

— Должно, не получалъ, отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ.—Эхъ, намъ бы писемцо прислали! Саша моя—дочь отъ первой жены—большая граматница, всей деревнѣ письма читаетъ... Грамотеи, правда, у насъ есть, но только читать по писанному не обучены... А Саша-то въ школѣ два года была. Купецъ Егоръ Ивановичъ Возжальниковъ—онъ вамъ извѣстенъ—школу открылъ. Много благодѣяній дѣлаетъ. Больницу, аптеку—все на свой счетъ. Ну, и самъ, слава Богу, живетъ въ свое

удовольствіе... Озера у него не было—на ваше позавидовалъ и себѣ вырылъ. Островъ теперь среди озера. Каждый день туда ѣздитъ на корабликѣ съ супругой.

Алексѣй Иванычъ говорилъ не торопясь; и это раздражило Уствольскаго.

— Не говорите мнѣ о Возжальниковѣ! сказалъ онъ.— Сбѣгайте къ Василію Михайлову.

— Съ большимъ моимъ удовольствіемъ, да его нѣтъ, отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ:—уѣхадши съ богомольцами въ монастырь... Егоръ Иванычъ Возжальниковъ тоже на монастырь не щадитъ... Купола перезолотилъ... красота... Хотѣлъ ограду поставить...

— Оставимъ, другъ мой, Возжальникова! вскричалъ Уствольскій. И затѣмъ прибавилъ:—Какъ же быть!

Алексѣй Иванычъ развелъ руками и молчалъ. Лошади иногда отрывисто побрякивали колокольчикомъ. Пристяжная фыркала въ темнотѣ и старалась издали обнюхать Уствольскаго, пугливо навостряя уши. Хоровая пѣсня, замолкшая было, снова зазвенѣла.

— Сорви доски, что ли?—сказалъ Уствольскій.

— Доски?

— Ну да! Что за народъ!—нервно крикнулъ Уствольскій.—Сорви доски и засвѣти огонь! Мнѣ больше ничего не надо!

— Сейчасъ.

Алексѣй Иванычъ пошелъ со двора.

— Саша-а! А Саша-а! Саша! Кому я говорю!?

Хоръ снова замолчалъ.

III

Алексѣй Иванычъ поговорилъ съ дочерью и пропалъ минутъ на десять, показавшихся Уствольскому часомъ. Но блеснулъ огонь, освѣтивъ изгородь, изъ мрака выступили кусты разросшейся сирени, съ сквозною

листвой, легкой, какъ черное кружево. Красные лучи упали на могучія вѣтви серебристыхъ тополей, покровительственно протянувшихся надъ дворомъ и домомъ, и на доски, приколоченныя къ дверямъ. Фонарь подвигался вдали яркой звѣздой. Черныя тѣни выросли отъ лошадей, повернувшихъ къ свѣту головы, блеснули мѣдныя части сбруи и латунныя пуговицы на кожаномъ чемоданѣ. Подошелъ дряхлый старикъ, съ бѣленькой, какъ снѣгъ, бородкой, въ пестрядиной рубахѣ, рваномъ, на распашку, тулупчикѣ и высокой поярковой шляпѣ. Свѣтлые глаза его пугливо смотрѣли на Уствольскаго.

— Кого надоть?—спросилъ онъ глухимъ шамкающимъ голосомъ.

— А Алексѣй Иванычъ гдѣ?

— Тебѣ на что?

— Да тебѣ какое дѣло?—крикнулъ Уствольскій.— Ступай, скажи ему, чтобы скорѣй приходилъ... Оставь фонарь!

— Зачѣмъ?

— Скажи, какъ тебя зовутъ?—началъ Уствольскій, подавляя чувство досады.—Не Созонъ Горохъ?

Старикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на барина.

— Созонъ Горохъ.

— Что жъ, ты меня ужь забылъ?—спросилъ Уствольскій съ улыбкой.—Помнишь, какъ ты мнѣ въ озерѣ щуку ловилъ...

— А!—проговорилъ старикъ, и въ глазахъ его сверкнула мысль.

— Жива до сихъ поръ!

— Кто? Щука?

— Жива, жива!—продолжалъ старикъ съ увлеченіемъ. — Большая, подъ плотиной гнѣздо свила... Сѣда-а-я!

Онъ помоталъ головой.

— Что жь, ты меня узналъ?

Старикъ внимательно посмотрѣлъ на Уствольскаго и сказалъ:

— Баринъ Сережа.

— Ну, такъ вотъ, дѣдушка, ступай къ Алексѣю Иванычу... — началъ ласково Уствольскій.

Но подоспѣлъ и Алексѣй Иванычъ съ Сашей. Свѣтъ отразился въ топорѣ въ рукѣ Алексѣя Иваныча.

— Старикъ-то васъ призналъ...

— Призналъ,—произнесъ Уствольскій, искоса бросивъ взглядъ на рослую дѣвушку, въ платочкѣ и въ красномъ платьѣ.

Она поклонилась и сказала пѣвучимъ красивымъ голосомъ: „здравствуйте“.

Онъ приподнялъ шляпу.

Алексѣй Иванычъ подложилъ топоръ, и шелевки затрещали. Двери распахнулись, и въ холодныя сѣни проникъ зыблящійся свѣтъ Созонова фонаря. Видъ былъ жалкій; можно ли еще жить въ домѣ и провести въ немъ хоть лѣтніе мѣсяцы? Обвалилась штукатурка, всюду грязные слѣды дождевыхъ потоковъ.

Въ передней или „лакейской“, Уствольскій встрѣтился взглядомъ съ Сашей.

— Саша,—сказалъ Алексѣй Иванычъ строго:—помоги-ка... чемоданъ-то этотъ... Дѣдушка, посвѣти барину!

Баринъ вошелъ въ комнату направо. Созонъ пробормоталъ: „Господи, Іисусе Христе!“ Маленькая комнатка съ высокимъ потолкомъ. Уствольскій когда-то занималъ ее. Тѣ же стулья краснаго дерева съ жесткими сидѣньями, садовый рѣшетчатый диванчикъ, столъ, на которомъ, сквозь слой пыли, пестрѣютъ чернильныя пятна, занавѣски съ китайцами, удящими рыбу и съ фантастическими цвѣтоносными деревьями. Въ каминѣ уголья и пыль. Зеркало не отражаетъ предметовъ. На висячей этажеркѣ пустая бутылка и нѣсколько учебниковъ, въ углу дряхлыя ширмы.

Уствольскій вздохнулъ. Двадцать три года! Онъ хохоталъ въ этой самой комнатѣ надъ „Донъ-Кихотомъ“, рисовалъ цвѣты для сестеръ и m-me Эрцманъ, зубрилъ грамматику, сочинялъ письма къ дядѣ. Гдѣ бѣлокурый, краснощекій мальчикъ? Увы! Ему тридцать семь лѣтъ, волоса жидкіе, щеки блѣдныя, впалыя, больная грудь. Онъ сѣлъ и съ тоской смотрѣлъ. Полно, онъ ли это? Нѣтъ ли кого-нибудь за ширмами, не спитъ ли тамъ богатырскимъ сномъ прежній счастливый Сережа, и вся жизнь его не сонъ ли?

IV

Алексѣй Иванычъ и Саша внесли чемоданъ. Надо поскорѣй какъ-нибудь устроиться: вынуть постельное бѣлье, принять порошки, измѣрить температуру, затопить каминъ. Хорошо было бы молока, горячаго чаю съ коньякомъ, чего-нибудь мясного. Уствольскій сказалъ Алексѣю Иванычу.

— Все будетъ, Сергѣй Никонычъ! Саша!—строго крикнулъ Алексѣй Иванычъ—мотри у меня!—Онъ погрозилъ ей пальцемъ и, обращаясь къ Уствольскому, продолжалъ:—въ страхѣ Божіемъ содержу. Дѣвка—золотыя руки! Она уберетъ... какъ слѣдуетъ быть. Коровки ваши у Василія Михайлова попадали, Сергѣй Никонычъ... И шкуръ никто не видѣлъ. Телята оставались... А куда дѣлись? Поѣлъ? Мы не господа, чтобъ телятину ѣсть! Василій Михайловъ пусть вамъ отчетъ дастъ, Сергѣй Никонычъ... Однѣхъ травъ рублей на пятьсотъ... стррого!!

Саша раздвинула ширмы, положила матрацъ, вставила въ бутылку свѣчу. Дѣдушка Созонъ пошелъ въ садъ и вернулся съ охапкой валежника.

— Покойная ваша матушка, царствіе ей небесное,— продолжалъ Алексѣй Иванычъ, набожно возводя очи

къ потолку:—никогда не жаловала Василія Михайлова. Мужикъ онъ былъ дерзкій и даже на руку нечистъ. Объ немъ и Егоръ Ивановичъ Возжальниковъ говоритъ: „Ой, говоритъ, погляжу я на этого Василія Михайлова и всего меня воротитъ... Шапка у него, говоритъ, къ головѣ больно приросла"! Право. А ужъ начто Егоръ Иванычъ!

— Пожалуйста, милая, отомкните чемоданъ! произнесъ Уствольскій, подавая Сашѣ ключи.—Погребецъ отомкните.

Алексѣй Иванычъ продолжалъ:

— Конечно, въ Петербургѣ да Одессѣ жимши—гдѣ-жъ вамъ знать Василія Михайлова...

Онъ иронически улыбнулся и тряхнулъ кудрями.

— Есть у васъ вѣрные слуги и кромѣ Василія Михайлова! продолжалъ онъ, прищуривъ глаза.—Покойная барыня, Лизавета Марковна, говорила мнѣ: „Охъ, Алексѣй Иванычъ, вы теперь вольные стали, зазнались, горюшка вамъ мало, что у помѣщицы горницы неметеныя! Что одна она, сиротинушка, безъ слугъ, безъ куфарки (куфарку онѣ тогда отослали); что, говорятъ, скучно мнѣ, тошно мнѣ! Одинъ ты только вѣрный человѣкъ, и сынъ мой тебя не оставитъ. А за свое служеньице около моей барской усадьбы получи махонькій клочекъ, стройся и живи благополучно"! Вѣчно останусь признательный вашъ!

Онъ поклонился до земли.

— Саша! грозно крикнулъ онъ на дѣвушку, вынимавшую вмѣстѣ съ Уствольскимъ изъ погребца стаканы:—служи имъ вѣрой и правдой по гробъ! Такіе господа рѣдки! Не тѣ времена!

Онъ съ увлеченіемъ вздохнулъ.

Уствольскій чувствовалъ себя неловко; онъ не ожидалъ, что можетъ сохраниться въ мужицкомъ сердцѣ столько преданности къ захудалому потомку упраздненныхъ и давно вымершихъ помѣщиковъ. Онъ пола-

галъ, что теперь крестьянинъ гордъ. „Нѣтъ резона“ ползать передъ дворянином, который, пожалуй, и трехъ рублей на водку не въ состояніи дать.

Этотъ черноволосый хитрый мужикъ, лѣниво помахивающій рукой, разбѣсилъ бы его, если бы не Саша. Дѣвушка молча прислуживала, и видъ ея румяно-бѣлаго лица со вздернутымъ носомъ и черными глазами успокаивалъ его.

— А что же, милочка, молока? Принесете?

Алексѣй Иванычъ даже притопнулъ на дочь. Саша, опустивъ рѣсницы, ушла.

— Баринъ, вы надолго? спросилъ Алексѣй Иванычъ.

— На лѣто. Дѣдушка, каминъ дымитъ... Алексѣй Иванычъ, садитесь.

— Мужики—постоимъ! отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ съ поклономъ.— Какъ же вы съ Василіемъ Михайловымъ? Аль по старому?

Уствольскій махнулъ рукой.

По старому!

Отъ Василій Михайлова онъ, живя на югѣ—гдѣ служилъ—и въ Петербургѣ, получалъ по временамъ длинныя письма, съ приложеніемъ ста рублей, совершенно непонятныя, упоминающія о волѣ Божіей, людской несправедливости и подписанныя: „Вашъ покорный слуга Василій Михаілофъ“. Имѣніе въ тысячу десятинъ, едва приносило четыреста рублей въ годъ. Но онъ всегда какъ-то совѣстился, что онъ собственникъ, хотя и не имѣлъ духа устраниться отъ собственности, и сквозь пальцы смотрѣлъ на отчеты прикащика, гдѣ значилось „на отопленіе гаспотцково дома 20 ру. За порубку дрофъ 5 ру. А исчо за очиску гаспотцково лѣсу 5 ру; да жалованя Васйлю Михаіолову 120 ру. „и т. п.“.

— Какъ же по старому, Сергѣй Никонычъ? вскричалъ Алексѣй Ивановичъ покраснѣвъ. Теперь — гдѣ

стадо? Не одна какая корова или двѣ, или волъ, чтобъ имъ законный предѣлъ жизни наступилъ!—Гдѣ оно? Падежей, благодареніе Богу, у насъ не было... У Егора Иваныча Возжальникова изъ ста головъ произошло триста... Потому что всякое стадо приплодъ даетъ? А ваше гдѣ? Ась?

Уствольскій побарабанилъ по пустому стакану.

— И не только вредный человѣкъ онъ для вашей милости, но и своего же брата тѣснитъ! продолжалъ Алексѣй Иванычъ.—Онъ, негодный, споритъ и хочетъ меня согнать... Покажи, говоритъ, крѣпость... Но зачѣмъ мнѣ крѣпость, ежели на то была барская воля? Сергѣй Никонычъ, будьте отцомъ роднымъ! Батюшка!

Уствольскій поспѣшилъ успокоить Алексѣя Иваныча.

— Я рѣшительно не понимаю, въ чемъ дѣло,—началъ онъ—но я разберу. Пріѣдетъ Василій Михайловъ, я спрошу. Я разберу, вы, должно быть, правы!

Но онъ подумалъ, что и Алексѣй Иванычъ мошенникъ.

Созонъ растопилъ каминъ. Пламя переливалось огненными струями. Синіе и бѣлые огни шумно дрожали на красномъ остовѣ пылающихъ дровъ. Установилась тяга, легкій запахъ дыма заглушилъ сырость. Красноватый свѣтъ зыблился на стѣнѣ, вмѣстѣ съ чернымъ силуэтомъ Созона, сидѣвшаго передъ каминомъ на корточкахъ.

Уствольскій вздохнулъ съ облегченіемъ, когда Алексѣй Иванычъ, услышавъ, что лошади нетерпѣливо потрясаютъ сбруей, вышелъ отвести ихъ домой и распречь. Но онъ намѣренъ былъ вернуться и поговорить еще. Уствольскій вдругъ нахмурилъ бровь и сухо попросилъ его не приходить, съ внезапнымъ приливомъ какой-то злобы на Алексѣя Иваныча. Однако, по уходѣ его, онъ улыбнулся: „забавный плутъ“. И, подойдя къ Созону, онъ возобновилъ со старикомъ бесѣду о сѣдой щукѣ.

Саша принесла *синюху* (кувшинъ) молока. Платочекъ распахнулся, и Уствольскій увидѣлъ бѣлую и высокую шею. Наливъ въ стаканъ молока, Саша поклонилась. Онъ выпилъ, глядя на дѣвушку. Ему нравилось, что она такая красивая и рослая, съ грудью, которой тѣсно въ платьѣ, съ могучими бѣлыми руками, со спокойнымъ, свѣжимъ дыханіемъ; она была воплощеніемъ здоровья и силы.

Скоро Саша подала самоварчикъ, сварила яицъ, пообѣщала на завтра цыплятъ.

Управясь, она увела съ собой Созона.

V

Уствольскій долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ возбужденъ, но озноба, сверхъ обыкновенія, не было: температура нормальная. „Пожалуй, начну выздоравливать“, сказалъ онъ.

Но тоска стала снова охватывать его. Стала болѣть душа, полная сожалѣній о прошломъ. Онъ сѣлъ противъ камина.

— Не вернуть прежнихъ дней, не исправить роковыхъ ошибокъ! Ахъ, въ грядущемъ, пожалуй, тѣ же ошибки, та же душевная боль, нравственная истома!

Онъ заломилъ руки.

Пламя умирало, угли распадались съ звенящимъ шорохомъ. Блѣдно-красный свѣтъ дрожалъ въ комнатѣ и сливался съ прозрачными тѣнями. Уствольскому было тепло. Вѣки сомкнулись—онъ задремалъ.

Вдругъ, вошла его мать и стала подметать комнату. Подметала она неловко,—не привыкла. Она была черезчуръ высока, въ сѣдыхъ букляхъ и въ синей шали, громадной синей шали, какой у ней никогда не было; конецъ тянулся по полу. Уствольскій молча смотрѣлъ на мать, и не удивлялся ея присутствію. Но негодо-

валъ, на пыль. Гуще и гуще становилась пыль. А отъ исполинской старухи вѣяло мучительно мертвеннымъ холодомъ.

Онъ вскочилъ съ кресла, потрясаемый кашлемъ. Каминъ потухъ совершенно. Свѣча догорѣла. Было сумрачно и холодно. Уствольскій взглянулъ на часы: онъ просидѣлъ въ креслѣ часа три. Онъ принялъ порошокъ, вытеръ со лба холодный потъ. Ему было стыдно, что онъ, какъ ребенокъ, боится подойти къ ширмамъ, гдѣ его ожидала постель, приготовленная Сашей, боится оглянуться назадъ. Наконецъ, онъ преодолѣлъ себя и легъ.

Но теперь сонъ бѣжалъ отъ него. Онъ смотрѣлъ въ темноту, широко раскрывъ глаза, прислушиваясь къ глубокому молчанію ночи. Онъ никогда не былъ суевѣренъ, обладалъ познаніями въ естественныхъ наукахъ, былъ убѣжденъ въ нереальности привидѣній, и все же страхъ пробѣгалъ холодными мурашками по спинѣ. Или это дышитъ смерть? Грудная боль вызываетъ бредъ? Душа полна неопредѣленными ожиданіями? Кто это играетъ экзерсисы Черни? Они однообразно едва, едва звенятъ среди напряженной тишины... Уствольскій приподнялся на локтяхъ.

Глашенька и Зина... Бѣдняжки! Каждое утро m-me Эрцманъ отбивала тактъ своей костлявой рукой... Разъ-два-три-четыре... Какія онѣ были милочки! Какъ нѣжно пронизывало солнце ихъ маленькія ушки! Ореоломъ сіяли вокругъ ихъ головокъ бѣлокурые волосы. Онѣ выросли, чтобы погибнуть, какъ погибаютъ цвѣты, еще не успѣвъ развернуть пышныхъ вѣнчиковъ.

Онъ заплакалъ.

И ему стало совѣстно, что онъ, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ же не пошелъ и не осмотрѣлъ комнатъ, гдѣ родились и жили его близкіе, гдѣ умерли отецъ, мать. Этотъ дряхлый домъ—развѣ не жилище тѣней?

Онъ зажегъ огарокъ.

Тра-та-та-та-та-та-та... Разъ-два-три-четыре... Тра-та-та-та-та-та.

Вдали шелъ поѣздъ. Глухо раздавались теперь странные звуки. Когда онъ отворилъ дверь, все замолкло.

Комната была въ восемь большихъ оконъ, изъ нихъ виднѣлся черный садъ. Овальный столъ на безчисленныхъ ножкахъ стоялъ въ сторонѣ. На стѣнахъ тускло блестѣли изломанныя бра. Фортепьяны были открыты. Толстый слой пыли покрывалъ клавиши.

Уствольскій поникъ головой. Хотѣлось бы теперь галлюцинацій. Но печальная дѣйствительность терзала его.

Въ гостиной сохранилось только екатерининское зеркало въ золоченной рамѣ. Изъ ниши изразцовой печи смотрѣлъ майоликовый Александръ Македонскій, какъ ангелъ-истребитель.

Вездѣ разрушеніе. Но въ спальнѣ матери уцѣлѣлъ пологъ надъ постелью. Уствольскій не отдернулъ его. Уцѣлѣли фарфоровыя вещицы на туалетѣ, и въ щели, надъ умывальнымъ столомъ онъ замѣтилъ пучекъ запылившихся волосъ; мать, по странному суевѣрію, никогда ихъ не выбрасывала, а снимала съ гребешка или щетки, скатывала и прятала, гдѣ придется.

Въ дѣвичьей лежала на двухъ стульяхъ гладильная доска. Ему вспомнился одинъ весенній день, когда солнце только-что поднялось, и въ отворенныя окна вливался золотой теплый свѣтъ, вмѣстѣ съ благоуханіемъ сада. Марѳуша и Параша хлопотали около батистовыхъ платьицъ барышенъ; а онъ долженъ былъ везти сестеръ въ балашевскую церковь. Онъ сѣлъ на козлахъ рядомъ съ кучеромъ; въ окна, сверху, смотрѣли Зина и Глашенька. Платьица готовы. Дѣвочки вышли сіяющія, свѣжія, въ новенькихъ соломенныхъ шляпкахъ и сѣренькихъ бурнусахъ. М-me Эрцманъ

сѣла въ коляску. Лошади помчались. На крыльцѣ стояла мать и улыбалась.

Вотъ лѣстница, по которой часто бѣгали Зина и Глашенька.

Въ ихъ комнату Уствольскій поднялся не сразу. Ему было тяжко, протяжная скорбь наполнила душу. Прежде на окнахъ висѣли занавѣски, узенькія кроватки стояли по обѣимъ сторонамъ бабушкиныхъ клавесинъ, преображенныхъ дѣвочками въ жилье для куколъ. По вечерамъ, садились въ кружокъ, около печки, которая весело трещала, озаряя бѣлокурыя головки. М-me Эрцманъ разсказывала что-нибудь изъ Гофмана и комически-страшно вращала глазами... Теперь—голыя окна, голыя стѣны. Паукъ, испуганный свѣтомъ, побѣжалъ по клавесинамъ.

Отецъ Уствольскаго просиживалъ цѣлыя ночи на вышкѣ, наблюдая звѣзды въ телескопъ. Покосившаяся лѣсенка ведетъ туда. У разноцвѣтныхъ оконъ стеколъ нѣтъ. Полъ гніетъ. Открыта дверь на висячій балкончикъ. Уствольскій съ порога смотрѣлъ въ темное пространство. Верхушки деревьевъ достигли до вышки. Одни деревья живутъ: толпа исполиновъ мирно расположилась вокругъ умирающаго дряхлаго дома сторожить его покой.

Уствольскій спустился въ нижній этажъ; огарокъ сейчасъ потухнетъ. Бумага вспыхнула, пламя запрыгало. Тѣни забѣгали по залѣ, и снова раздались экзерсисы Черни.

Клавиши неподвижны, но... Тра-та-та-та... Раз-два-три-четыре... Тра-та-та-та...

Холодъ сковалъ его руки и ноги, волосы зашевелились на головѣ.

Но въ окнѣ появилось чье-то блѣдное лицо. Уствольскій вскрикнулъ, и уронилъ огонь.

VI

Уствольскій еще лежалъ въ постелѣ, когда вошелъ высокій мужикъ, въ синемъ пиджакѣ, назвавшись Василіемъ Михайловымъ.

— А! Это я тебя вчера видѣлъ?—спросилъ баринъ, покраснѣвъ.

Василій Михайловъ разсказалъ, что пріѣхалъ изъ монастыря очень поздно и, какъ лошадей своихъ онъ держитъ на барской конюшнѣ, то и пришлось проходить мимо дома черезъ садъ. Письма онъ никакого не получалъ, и о пріѣздѣ Сергѣя Никоновича не могъ знать. Онъ самъ испугался, да и Уствольскаго напугалъ. Баринъ слушалъ прикащика.

Онъ чувствовалъ себя превосходно. Онъ давно не былъ такъ здоровъ. Нѣтъ лихорадки, кашля нѣтъ; только легкій насморкъ. Онъ одѣлся. Василій Михайловъ терпѣливо ждалъ. Уствольскій спросилъ:

— Ну, какъ наши дѣла?

Василій подалъ сложенную, какъ прошеніе, бумагу и три бѣленькихъ.

Баринъ спряталъ деньги.

— А это что?—спросилъ онъ.

— Отчетность.

Онъ вспомнилъ наговоры Алексѣя Иваныча, и ему захотѣлось быть великодушнымъ.

— Я вѣрю вамъ, Василій Михайловъ, сказалъ онъ съ улыбкой.—Можете взять назадъ. Когда-нибудь на словахъ...

Прикащикъ вскинулъ на барина глаза и не сталъ возражать. Онъ не былъ словоохотливъ.

— Скажите, что это тутъ съ Алексѣемъ у васъ?

— Ничего-съ.

— Ну, а по вашему, онъ правъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Уствольскій пожалъ плечами. Бѣлое мучнистое лицо Василія Михайлова, съ низкимъ, выпуклымъ лбомъ и маленькими сонными глазами, было тупо, упрямо, себялюбиво. Онъ не улыбнулся, даже когда баринъ смѣялся. Одѣтъ былъ опрятно, изысканно, и сѣдѣющіе волосы его были расчесаны посединѣ.

— Но, какъ вы думаете, матушка, дѣйствительно, подарила ему пять десятинъ? спросилъ Уствольскій ласково.

— Сомнѣваюсь.

— Тысячи на полторы?

— Д-да-съ, на двѣ и на три-съ.

— Онъ ужъ построился?..

— Точно такъ-съ.

— Какже теперь? Богъ съ нимъ, а? Богъ разсудитъ—не правда-ли! Что ужъ тутъ спорить! А?

Василій Михайловъ потупился.

— Ну, и отлично. Значитъ, вы согласны и тѣснить его не будете?

— Меня не касающее—воля ваша.

Уствольскій нахмурился и сталъ ходить по комнатѣ.

— Послушайте, можетъ быть, не надо этого дѣлать?

— Ваша воля... По моему—не надо.

— Да, потому что этакъ всю землю у меня растащутъ!..

— Съ удовольствіемъ!..

— Всѣ скажутъ: покойная барыня подарила...

— И Боже мой! Присягнутъ!

— Да, да.

Уствольскій походилъ и на ходу хлебнулъ изъ дорожной фляги.

— Что-жъ, однако, какъ быть?

Прикащикъ снова потупился.

Уствольскій нервно потеръ руки.

— Нельзя ли объ этомъ потомъ поговорить?

— Отчегоже-съ; ваша воля.

— Ну, такъ хорошо. Теперь мнѣ ничего не надо. До свиданія.

Василій Михайловъ, съ низкимъ поклономъ, ушелъ; но въ дверяхъ встрѣтился съ Алексѣемъ Иванычемъ. Оба мрачно посмотрѣли другъ на друга.

VII

— А, Алексѣй Иванычъ!—привѣтливо произнесъ Уствольскій. Сегодня онъ любилъ его.—Молоко есть?

— Саша несетъ,—отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ.—И цыплятокъ и яишенку... Какъ почивать изволили? Какъ здоровье? Климатъ у насъ, точно райскій. Сколько дачниковъ, мертвые пріѣзжали, а—въ недѣлю, въ другую такъ его разнесетъ—не узнаютъ! Право! А этакому-то соколу не поправиться! Господи!

Онъ набожно посмотрѣлъ на потолокъ. У него были черные волосы, курчавые на вискахъ и затылкѣ, но гладкіе на темени, красный носъ; обширный станъ его плотно облегала суконная поддевка, застегнутая мѣдными коническими пуговками.

Уствольскій сказалъ:

— Послушайте, я вашей дочери буду платить...

— Батюшка, Сергѣй Никонычъ!—вскричалъ Алексѣй Иванычъ:—мы безмездно! Вы — благодѣтель нашъ. Кому-жъ и служить!

— Я безмездно не хочу,—пробормоталъ баринъ, тронутый искренностью Алексѣя Иваныча.

Алексѣй Ивановичъ настаивалъ, баринъ растерялся и пожалъ руку мужику.

Начался продолжительный душевный разговоръ о Василіѣ Михайловѣ. Ужасный негодяй, присвоилъ барскихъ лошадей, коровъ, овецъ, барскіе экипажи, посу-

ду, перетаскалъ къ себѣ мебель и на однихъ травахъ наживаетъ, по крайней мѣрѣ, рублей полтораста. Человѣкъ неуважительный, злой, хамъ.

Пришла Саша. На ней было платье въ мелкихъ розовыхъ цвѣточкахъ, голова и плечи покрыты бѣленькимъ платкомъ. Кофточка съ высокой таліей, короткіе рукава. Красивое лицо казалось соннымъ, пухлыя губы не улыбались, глаза—какъ двѣ темныя вишни. Она убрала комнату, подала закуску. Баринъ слѣдилъ за ея движеніями и молчалъ. Онъ ѣлъ и не спускалъ съ нея взгляда.

Въ комнату врывался золотой лучъ солнца и разсыпался на стеклѣ посуды и на полу, отражаясь въ зеркалѣ, съ котораго пыль была стерта Сашей. Блѣдная зелень серебристыхъ тополей трепетала на майскомъ небѣ. Уствольскій надѣлъ шляпу, перчатки и вышелъ.

Днемъ его еще больше поразило, до чего заглохъ дворъ. Въ цвѣтникахъ безпорядочно росла лебеда. Среди сорныхъ травъ лишь кое-гдѣ бѣлѣли головки цвѣтовъ. Дорога, отъ воротъ къ подъѣзду, обратилась въ извилистую тропку. Тополи, посаженные еще прадѣдомъ Уствольскаго, одни остались такими же, какъ четверть вѣка назадъ. Подъ сѣнью ихъ могло бы укрыться все населеніе деревни.

Отъ тополей, двумя полукругами, тянулись акаціи. Изъ-за акацій высились липы и березы справа, а слѣва—граціозныя ели. Уствольскій повернулъ направо. Липовая роща раскинулась надъ оврагомъ. Деревья, съ черными стволами и свѣтлой листвой, тихо шумѣли. Въ просѣкѣ, какъ въ рамѣ, виднѣлось по ту сторону оврага поле, залитое солнцемъ, а еще дальше обозначался лѣсъ въ голубомъ туманѣ.

Уствольскій спустился въ кленовую аллею. Громадный садъ, а разбитъ на небольшомъ пространствѣ. По выпуклому откосу лѣпятся, ближе къ дому, сиреневая, рябиновая, за кленовой еловая аллеи, сосны

окружены бѣлымъ поясомъ березъ. Въ оврагѣ на днѣ зеленѣетъ красивая поляна, ее тоже обступили березы; онѣ такъ высоки, что вершинами своими касаются верхнихъ аллей. Березы упруго тянутся къ свѣту, къ солнцу, а оно стоитъ, въ голубыхъ небесахъ, сыплетъ на нихъ знойные лучи, сверкаетъ въ нѣжной зелени, горитъ и переливается въ струяхъ холоднаго озера, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отразился старый садъ.

Уствольскій шелъ. Пахло смолой, шуршали прошлогодніе листья; и отъ нихъ поднимался тонкій ароматъ. Клены были стройны, какъ мачты, и надъ ними хмурились темнозеленыя ели, а еще выше, висѣли легкіе кусты цвѣтущей сирени, какъ облака.

Аллеи взбѣгали по откосу, какъ завитокъ улитки. Въ центрѣ стояла двухвѣковая, но еще могучая ель, съ поникшими мшистыми вѣтвями. Колосальное дерево казалось какой-то готической башней.

Уствольскій присѣлъ на скамью.

Изъ своего сумрачнаго убѣжища онъ видѣлъ, какъ деревья обнимали домъ и душили его въ могучемъ объятіи. Средняя часть крыши съ вышкой вогнулась.

Слѣдуетъ поддержать домъ. Продавъ часть лѣса какому-нибудь Возжальникову, можно поправить родное гнѣздо. Надо все покрыть желѣзомъ, обшить новыми досками, перестлать полы, потолки, починить печи, окна. На террасѣ хорошо пить чай. Поставить песочные часы. Мраморный бюстъ Тургенева, Гоголя или Пушкина. Онъ улыбнулся.

Мебель купить у старьевщиковъ—въ стилѣ empire. На такой большой домъ выйдетъ тысячи три.

А лошади, экипажи, посуда, кухня?

„Нѣтъ, ужь пусть лучше такъ все останется,—подумалъ онъ, глянувъ на домъ: и въ разрушеніи есть стиль“.

Онъ всталъ, вспомнивъ конецъ Глашеньки и Зины. И ему стыдно стало своихъ барскихъ инстинктовъ.

VIII

Солнце пронизывало темную зелень сосенъ и яркими полосами ложилось на землю, усѣянную рыжими иглами. Воздухъ благоухалъ. Уствольскій снялъ шляпу и медленно шелъ.

Мелькнуло свѣтлое платье. Послышался веселый смѣхъ. Молоденькій офицеръ, бѣлокожій, съ черными усиками, шелъ рядомъ съ блѣдной, красивой дѣвушкой, у которой были большіе, счастливые глаза. Пара прошла мимо. Дачники. Уствольскій завистливо посмотрѣлъ въ слѣдъ молодымъ людямъ.

Онъ дожилъ почти до сорока лѣтъ и ни разу не любилъ, или, вѣрнѣе, не былъ любимъ. Онъ не нравился. Слабое сложеніе, угрюмый нравъ, ни силы физической, ни умственной. Онъ дѣлалъ предложенія, но ему отказывали. Учитель и помѣщикъ, лицомъ не дуренъ, образованъ, „не пьетъ“ — а не выгорало. Уствольскій не считалъ женитьбу большимъ счастьемъ. Его товарищи переженились на прелестныхъ созданіяхъ, обратившихся въ крикливыхъ бабъ. Но и такого счастья онъ отвѣдалъ бы. Самый неудачный бракъ, думалъ онъ, имѣетъ ту хорошую сторону, что связываетъ человѣка по рукамъ и ногамъ. Перестаешь тосковать. Является возможность реальной борьбы; переносишь ее изъ общественной сферы, гдѣ она не каждому подъ силу, въ семейную. Брюзжишь, занимаешь все время мелочами, пошлѣешь, толстѣешь и умираешь, оплакиваемый любящимъ существомъ. Все прощаешь ему за недѣлю радости, забвенія, вѣры въ лучшее будущее...

Уствольскій вернулся домой. Въ своей спальнѣ онъ засталъ ручьи воды. Саша, нагнувшись спиной къ дверямъ, мыла полъ. Платье ея было подтыкано, и Уствольскій засмотрѣлся на ея бѣлыя напряженныя икры. Она почувствовала, что не одна, и обернулась. Взглядъ ея встрѣтился съ его взглядомъ, стеклянным и неспокойнымъ, и она покраснѣла. Онъ самъ покраснѣлъ, растерялся; они смотрѣли другъ на друга, она съ строгимъ лицомъ, онъ съ тупой улыбкой.

Къ вечеру комната приняла жилой видъ. Сюда перенесли мебель получше. Нашелся ветхій коверъ, нѣсколько масляныхъ картинъ и двѣ гравюры. Собрали всѣ книги. Александръ Македонскій поставленъ былъ на каминѣ.

Саша подала вечернюю синюху молока.

— Послушайте, мой другъ, началъ Уствольскій.

Она опустила рѣсницы.

— Саша, отчего сегодня хоровода нѣтъ? придумалъ онъ вопросъ.

— Мы водимъ ихъ только по праздникамъ.

— Прекрасный голосъ у васъ, Саша. Скажите еще что-нибудь.

Саша молчала.

— Развѣ сегодня будень? спросилъ Уствольскій, осушивъ стаканъ.

— Будень.

— А отчего вы такая хорошенькая?

Саша не отвѣтила и скосила губы.

— Алексѣй Иванычъ дома?

— Уѣхавши на станцію.

— А маменька?

— У насъ не маменька, а мачиха...

— Злая?

— Нѣтъ, безъ ногъ лежатъ.

— Значитъ, добрая?

Саша промолчала.

— Какая вы хорошенькая! заключилъ Уствольскій.

Саша налила второй стаканъ, приготовила посуду, затопила каминъ—майскіе вечера прохладны—и зашипѣлъ самоварчикъ, выпуская струями паръ.

— Заварите чай, Саша, сказалъ Уствольскій. — Будетъ вкуснѣе...

Она заварила чай.

Когда она ушла, Уствольскій подумалъ, что она не глупа. Правда, разговоръ былъ не изъ умныхъ, но онъ самъ далъ ему такое направленіе. Да чего и требовать отъ крестьянской дѣвушки... и вообще отъ женщины. Пожалуй, для женщины даже хорошо, когда она глупа; лишь бы она была здорова, красива. А Саша и здорова, и красива. Постоянныя неудачи вооружили Уствольскаго противъ женщинъ, и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ нимъ нѣкогда, сильно были понижены имъ въ послѣднее время.

X

Позвавъ Василія Михайлова, баринъ, не глядя на него, приказалъ не тѣснить Алексѣя Иваныча.

Алексѣй Иванычъ кланялся на каждомъ шагу Уствольскому, и словоохотливость его была безпредѣльна. Баринъ часто раздражался, ссылался на нездоровье, ложился и притворялся, что спитъ. Наконецъ, онъ сталъ блѣднѣть, когда Алексѣй Иванычъ появлялся. Однако же, продолжалъ ласкать его и обѣщалъ оформить уступку земли. Уствольскій могъ бы въ нѣсколько дней отвязаться отъ назойливаго мужика, но онъ самъ тянулъ дѣло...

А Василій Михайловъ становился все неразговорчивѣе, уставлялся на барина мертвыми глазами, бесѣдуя о хозяйствѣ, а по ночамъ, когда Уствольскій долго не ложился, онъ подсматривалъ за нимъ.

Онъ пришелъ какъ-то утромъ и потребовалъ паспортъ. Уствольскій нахмурился, порылся въ дорожной шкатулкѣ, вдругъ вспылилъ и выгналъ прикащика. Не его дѣло смотрѣть за паспортами; какъ онъ смѣлъ тревожить барина? Негодяй!

Прикащикомъ онъ поставилъ Алексѣя Иваныча.

На другой день Уствольскій получилъ отъ Василія Михайлова толстый пакетъ. На листахъ сѣрой бумаги тѣсными рядами стояли каракульныя цифры. Что такое? „375 ру.“ За что? За „попрафку“ дома и „чиску“ сада! Онъ скомкалъ счета, и бросилъ на полъ. Платить не слѣдовало. Но, походивъ, онъ подумалъ, что „Богъ съ нимъ“. Онъ написалъ вѣжливое, но ѣдкое письмо Василію Михайлову, объяснилъ, что видитъ его насквозь, знаетъ всѣ его продѣлки и все-таки готовъ заплатить, но, за неимѣніемъ денегъ, прилагаетъ росписку. Отославъ письмо, Уствольскій сообразилъ, что поступилъ глупо. Онъ вспотѣлъ отъ досады, сталъ кашлять. Когда Созонъ возвратился съ словеснымъ отвѣтомъ отъ Василія Михайлова: кланяется, молъ, и благодаритъ, онъ чуть не поколотилъ старика.

— Какая низость!—кричалъ онъ.—И этотъ еще народъ требуетъ, чтобы небесные ангелы погибали за него! Канальи!

Но постепенно онъ успокоился. Народъ не Василіи Михайловы и не Алексѣи Иванычи, и даже не Созоны. Старикъ хоть изъ ума выжилъ, а все норовитъ вытянуть отъ барина полтинникъ-другой, увѣряя, что теряетъ деньги и неводъ не подвигается. На хитрость посложнѣе не хватаетъ старика. Изъ кого-же состоитъ народъ? Уствольскому неопредѣленно казалось, что народъ —это Саша.

XI

Дни уходили. Прошелъ май, отцвѣла сирень, наступилъ іюнь, и зардѣлись розы. Садъ разрастался, и скоро листва его стала непроницаема, уже вездѣ подъ сводами стоялъ зеленый сумракъ. Сорныя травы стали кустарниками. По склону оврага созрѣвала земляника. Жаркіе дни смѣнялись душными лиловыми вечерами. Иногда небо принимало зловѣще-желтый оттѣнокъ, тучи клубились, какъ дымъ гигантскаго пожара, слабо рокоталъ громъ, пробѣгала блѣдная молнія. Начиналась гроза. Садъ трепеталъ, шумѣлъ, и стоналъ; и деревья трещали, и въ густѣющемъ воздухѣ крутились зеленые листья и вѣтки.

Уствольскій покашливалъ, но мысль о смерти приходила теперь рѣдко. Онъ даже какъ-то посвѣжѣлъ.

Только что прошелъ дождь. Вечерѣло. Было необыкновенно тихо. Уствольскій сидѣлъ у открытаго окна и слышалъ, какъ падаютъ капли съ листьевъ, повисая на травѣ и на цвѣтахъ прозрачными слезинками. Вдали вставалъ сизый туманъ. Тяжелая туча готова была снова пролиться на землю. Тіохъ! Тіохъ! Тіохъ! щелкалъ соловей.

Пришла дѣвушка, но не Саша. Смуглая толстушка, съ крошечнымъ носомъ, въ синемъ сарафанѣ и красномъ платочкѣ.

— Кто тебя прислалъ?—спросилъ Уствольскій сухо.

Толстушка отвѣчала безъ передышки:

— Не сердись баринъ не по своей волѣ неколи Сашѣ меня прислала, а я у ихъ работницей зовутъ Марѳушей вотъ тебѣ кушай милый на здоровье!

— Что-жъ, можетъ, Саша больна?—спросилъ Уствольскій, принимая молоко.

— Что ей станется—этакой-то дѣвкѣ кровь съ молокомъ долбней не убьешь а неколи ей говоритъ

служи барину не будь дура онъ денегъ подаритъ да мнѣ много ли надо кабы на башмаки твоя милость босая хожу.

Она показала грязную ногу. Уствольскій сказалъ:

— Значитъ, Саша не будетъ больше служить?

— Не будетъ не будетъ,—подхватила Марѳуша:— деревня на смѣхъ поднимаетъ къ баринѣ ходитъ парни злятся неколи неколи ей прощай баринъ!

Она бѣгомъ ушла.

Настала прежняя тишина. Соловей щелкалъ, небо темнѣло. Капли дождя стали падать громче и чаще. Соловей замолкъ. Уствольскій пилъ молоко, смотрѣлъ на дождь, на туманъ.

Саша не появлялась. Уствольскій хотѣлъ спросить о ней у приказчика, но... языкъ не поворачивался.

Дня черезъ три, утромъ, пришелъ Алексѣй Иванычъ, и набожно возвелъ къ потолку очи.

— Что вамъ?—спросилъ баринъ, измѣняясь въ лицѣ.

Новый приказчикъ тряхнулъ кудрями.

— Сергѣй Никоновичъ!—началъ онъ восторженно:— нѣтъ души добрѣе, какъ ваша, да и не будетъ!

Онъ глядѣлъ на барина съ благодарнымъ изумленіемъ. Но баринъ былъ золъ.

— Ради Бога! Безъ предисловій! Прямо, что надо?

— Баринъ, отецъ родной! Объ одной милости прошу...

— Ну?

— Простите меня...

— Да ччортъ бы васъ побралъ—къ дѣлу!

Алексѣй Иванычъ ступилъ шагъ назадъ.

— Нѣтъ!—вскричалъ баринъ въ изнеможеніи, потрясаемый кашлемъ:—Прочь!

Алексѣй Иванычъ вздохнулъ и ушелъ.

Но черезъ часъ онъ вернулся. Оказалось, что Егоръ Иванычъ Возжальниковъ увидѣлъ, проѣздомъ, козловскія травы и пожелалъ взять сѣнокосъ въ аренду.

прикащикъ получилъ въ задатокъ радужную, но опасался, что баринъ разсердится: онъ поступилъ безъ его вѣдома. Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что, напротивъ, баринъ обрадуется деньгамъ. И дѣйствительно, баринъ, взявъ деньги, улыбнулся усталой улыбкой и произнесъ:—Зачѣмъ же было жилы тянуть!

Рѣшительно, Алексѣй Иванычъ былъ распорядителенъ. Онъ изумилъ барина, объявивъ, что въ имѣніи лѣса тысячъ на тридцать. Богатство съ неба упало.

Но барскій лѣсъ крестьяне рубятъ и продаютъ, и надо съ ними начать дѣло.

Баринъ скривилъ губы.

— Господь съ ними!

Алексѣй Иванычъ все-же не уронилъ себя въ его глазахъ. Водяная мельница не работала. Вдругъ появился странствующій еврейчикъ, съ нервными худыми щеками, поселился на мельницѣ, кое-какъ поправилъ ее, и козловцы уходили отъ него пошатываясь, а носъ Алексѣя Иваныча изъ краснаго сталъ лиловымъ въ двѣ недѣли. Барину еврейчикъ подарилъ бутылку коньяку.

Когда баринъ захотѣлъ рисовать, была пригнана во дворъ гурьба дѣвчонокъ и мальчишекъ, которые, впрочемъ, ему скоро надоѣли; ушли, получивъ по пятаку на брата, и украли кисти.

Можно было бы жить съ Алексѣемъ Иванычемъ. Но ему скучно было безъ Саши. Деревня рай; но если нѣтъ Саши, которая приходитъ три раза на день съ синюхой молока, завариваетъ чай и говоритъ своимъ красивымъ грудным голосомъ, рай теряетъ обаяніе.

Что если Алексѣй Иванычъ самъ отдаляетъ отъ него Сашу? Прикащикъ бѣсилъ барина, какъ только раскрывалъ ротъ. А однажды баринъ бросился къ нему съ кулаками.

XII

Уствольскій поѣхалъ въ ближайшій городъ разсѣяться. Пыль стояла удушающая, въ узкихъ улицахъ раскалялся вонючій воздухъ. Остановился Уствольскій въ знакомой гостинницѣ. Половой, весь въ бѣломъ, держа руку за спиной, разсказалъ городскія новости, и незамѣтно и быстро свелъ рѣчь на „губернантку“ Евлалію Егоровну. Мѣста ищетъ, а живетъ у нихъ же всего второй день... Вечеромъ Уствольскій сидѣлъ раздушенный и принаряженный, у „губернантки“. У ней были рыжіе волоса, она говорила съ нѣмецкимъ акцентомъ и, смѣясь, широко раскрывала мокрый ротъ, обнажая превосходные бѣлые зубы. Но именно зубы не понравились Уствольскому. Онъ натянуто улыбался, сидѣлъ въ перчаткахъ, ушелъ, немедленно уложился и съ ночнымъ поѣздомъ уѣхалъ въ Козловку. Знакомство завязано самое дальнее, но, думалъ онъ, было бы лучше не ѣздить въ городъ.

Онъ поздно проснулся. Штора, съ красно-синими китайцами, опущена, и вѣтерокъ колеблетъ ее—окно открыто. Но вѣтерокъ-ли? Внизу подъ шторой мелькнула рука съ длинными пальцами, и на подоконникѣ уже стоитъ деревянная чашка, наполненная земляникой. Уствольскій вскочилъ, подбѣжалъ, поднялъ штору. На дворѣ никого. Только за кустами акацій, облитыхъ полдневнымъ солнцемъ, какъ будто кто-то дышетъ. Уствольскій тихо окликнулъ:

— Саша!

Но онъ напрасно ждалъ. Саша не пришла. Онъ улыбнулся и сталъ медленно ѣсть землянику. Вкусная земляника, онъ такой еще не ѣдалъ.

XIII

Уствольскій одѣлся и вышелъ.

Деревья пышно зеленѣли въ знойномъ воздухѣ. Птицы пѣли и кричали. Садъ былъ залитъ жаркимъ сумракомъ. Чудились въ тишинѣ утра вздохи серебристыхъ тополей. На каждомъ шагу открывались новыя красоты. Аллеи прерывались узкими оврагами, съ голубымъ паромъ на днѣ. Гнилые мостики обросли мохомъ. Березы разступались, и на бугоръ граціозно взбѣгали ели, проваливались въ глубь и снова въ разсыпную карабкались по склону. Въ просвѣтахъ развертывались пейзажи съ голубымъ небомъ, ярко-синимъ вверху, блѣднымъ внизу, съ свѣтло-зеленой холмистой равниной вдали.

Уствольскій спустился съ откоса и растянулся на травѣ, ни о чемъ не думая.

Прошло такъ съ полчаса. Вдругъ—Созонъ Горохъ.

Старикъ робко смотрѣлъ: послѣдній разъ баринъ прикрикнулъ на него. На плечѣ онъ несъ удочку, а въ рукѣ жестяной фонарь.

— Дѣдушка, что ты съ фонаремъ?

Созонъ пожевалъ губами.

— Рыбу ловить.

— Щуку?

— Ерша.

— Зачѣмъ-же фонарь?

Старикъ указалъ на солнце и что-то прошамкалъ.

Прежде лучше свѣтило?

Созонъ помоталъ головой.

— Я, дѣдушка, съ тобой пойду.

Баринъ вскочилъ на ноги. Оба они пошли по берегу озера, гдѣ межъ орѣшниковъ вилась тропинка бѣлой ниткой. Озеро небольшое, прозрачное, холодное выпускало ручеекъ, струившійся по камнямъ. У пло-

тины шумѣла мельница. Надъ обрывомъ стояли избы, съ большими окнами, съ рѣзными коньками.

Обрывъ становился круче, ручей расширялся въ тихую рѣчку, у береговъ зыблились прозрачныя тѣни, бѣлѣлись водяныя лиліи.

Созонъ закинулъ удочку. Уствольскій вынулъ альбомъ изъ кармана и сталъ старика *зачерчивать*.

Рыба не клевала. Старикъ ворчалъ.

Изъ деревни пришли купаться дѣвушки.

Онѣ хохотали и болтали за песчаной косой, поросшей орѣшникомъ. Плескалась вода, весело бултыхались онѣ, какъ стадо бѣлыхъ птицъ.

Летѣли брызги, высоко играя на солнцѣ.

Созонъ поймалъ лягушку.

— Господи Іисусе Христе!

— Дѣдушко! ты тута?

— А?

— Богъ въ помощь!

— Тьфу!

Смѣхъ.

— Что-такъ?

— Баринъ сглазилъ...

— Рази и онъ тута?

— Тута! яростно вскричалъ Созонъ Горохъ, всталъ и ушелъ искать мѣста получше.

Дѣвки замолкли.

Вода робко плескалась, шопотъ сталъ разноситься по водѣ. Снова все замерло. И уже издали, минутъ черезъ пять послышался прежній веселый говоръ. Дѣвки шли назадъ въ деревню.

Уствольскій на травѣ увидѣлъ бѣленькій платочекъ Саши и спряталъ его. Сердце его странно забилось.

На поворотѣ, онъ встрѣтилъ ее. Она шла съ непокрытой головой. Пальцы босыхъ ногъ вырѣзывались на травѣ, какъ мраморные.

— Баринъ, платочка моего не видали? сказала она, покраснѣвъ.

— Платочекъ вашъ у меня.

Они стояли другъ противъ друга.

— Дайте мнѣ вашу руку, молвилъ Уствольскій.

Но она не слышала его.

— Платочекъ! прошептала она:—меня ждутъ...

— Послушайте, платочекъ вы нарочно уронили? сказалъ Уствольскій и обнялъ ее.

Она вдругъ прильнула къ его губамъ своимъ влажнымъ румянымъ ртомъ.

— Саша, Саша!

— Баринъ...

— Саша, отчего не ходишь ко мнѣ?

Она какъ пьяная, посмотрѣла ему въ глаза.

— Развѣ я вамъ люба?

— Саша!

— Я приду, баринъ, прошептала она.

— Когда?

— Сегодня вечеромъ, какъ отецъ уѣдетъ... Давайте платочекъ.

Она убѣжала.

XIV

Уствольскому улыбнулась жизнь. Въ душѣ не было злобы, Алексѣй Иванычъ казался милѣйшимъ человѣкомъ. Вернувшись, онъ надавалъ ему порученій, чтобъ задержать его въ городѣ дня два; и слонялся по дому и саду, ревниво слѣдя за солнцемъ и тѣнями.

Бѣлыя облака загорѣлись розовымъ огнемъ. Солнце закатилось за садъ. Солнце искрится сквозь иглы сосенъ. Тѣни густѣютъ. Птицы замолкли. На деревнѣ кричатъ дѣти, мычатъ стада. Облака гаснутъ, на западѣ рдѣетъ полоска. Вечеръ. Темно.

Звѣзды сверкнули. Наступила лѣтняя ночь.

Уствольскій издали услышалъ бы дыханіе приближающейся Саши.

Онъ ходилъ по терассѣ. Саша могла придти кратчайшей дорогой—черезъ черный дворъ. Но изъ предосторожности она выберетъ другой путь и пойдетъ садомъ.

Деревья были сказочно громадны. Простирались вѣтки, какъ гигантскія руки, какъ хоботы и крылья. Изсинепепельный сумракъ падалъ съ небесъ. Домъ похожъ былъ на гробъ, несомый косматыми чудовищами.

Уствольскій вздрогнулъ и произнесъ: „Саша!“ Садъ повторилъ: „Саша“!

Его стала раздражать жизнь сада. Тополи смотрятъ на него и, какъ люди, качаютъ головами. Рѣзко благоухала смола. Холодомъ вѣяло отъ влажныхъ листьевъ. Сыро и росно.

Съ сильнымъ біеніемъ сердца все громче звалъ Уствольскій, и только: „Саша“! отдавалось въ оврагѣ.

Разболѣлась голова. Его знобило. Но онъ упрямо шелъ впередъ. У Алексѣя Иваныча спали.

Досада и злость на Сашу терзали его.

Онъ сѣлъ у перелаза. Сердито кутался онъ въ пледъ и ждалъ. Онъ долго ждалъ. Но вдругъ онъ кашлянулъ какъ-то особенно легко, и ротъ его наполнился чѣмъ-то теплымъ и соленымъ.

Онъ съ ужасомъ всталъ и прижалъ къ губамъ платокъ. Онъ забылъ Сашу и думалъ теперь только о себѣ. Онъ бросился домой спотыкаясь. Черный призракъ плелся за нимъ.—Луна взошла и освѣтила дорогу.

И когда Уствольскій легъ въ постель, одинокій и больной, его ужаснула душевная пустота его. Куда дѣвалась любовь къ Сашѣ? Нѣтъ здоровья, нѣтъ любви. И онъ плакалъ отъ жалости и презрѣнія къ себѣ.

Тяжелъ былъ сонъ. Уствольскій видѣлъ себя окружен-

нымъ странными привидѣніями, которыя озарялись тусклымъ свѣтомъ. Они выслушивали его, какъ врачи, дѣлали страшныя гримасы, стучали по его ребрамъ костлявыми пальцами, нюхали табакъ и искоса смотрѣли на него, храня молчаніе. Между ними былъ и его двойникъ— Уствольскій, но въ черныхъ очкахъ и блѣдный, какъ смерть. Онъ кашлялъ, и всѣ кашляли. Они хватались за грудь, имъ это доставляло наслажденіе. Они кашляли разомъ и въ перемежку и корчились. Они прыгали, кашляя все громче и громче, пока двойникъ не закричалъ: „пришла Саша"! Привидѣнія шмыгнули подъ стулья, за ширмы, а двойникъ сталъ сливаться съ Уствольскимъ. Онъ уже слился съ нимъ до шеи— но голова не втискивалась. Это было невѣроятно больно. Черепъ трещалъ.

Уствольскій проснулся со стономъ.

— Саша!?

Саша осторожно вошла за ширмы. Брови ея были скорбно выгнуты.

— Что вамъ, баринъ, болѣзный мой?

— Въ самомъ дѣлѣ, вы? слабо произнесъ онъ.— Представьте, я заболѣлъ! Вчера отчего не пришли?

Саша прошептала:

— Ахъ, баринъ...

— Ну, ну, хорошо... не буду спрашивать...

— Ахъ, баринъ, я къ вамъ шла, а отколь ни возьмись... этотъ...

— Кто?

— Василій Михайловъ...

Глаза барина сверкнули гнѣвомъ.

— Послушай,—мы негодяю зажмемъ ротъ!..

Съ рѣшимостью приподнялся онъ и обнялъ Сашу.

— Выходи за меня, Саша!

— Что вы, Сергѣй Никонычъ!

— Тебѣ имѣніе оставлю.

— Что вы, что вы!

— Да и чѣмъ инымъ могу я отплатить тебѣ за твою любовь? Я вѣдь мертвецъ... Ну?

Саша со слезами поцѣловала Уствольскаго.

XV

Молва, что баринъ женится на Сашѣ, быстро разнеслась. Возжальниковъ сталъ ухаживать за Алексѣемъ Иванычемъ, какъ за человѣкомъ несомнѣннаго ума.

А Уствольскій медленно умиралъ. Иногда онъ катался даже на лодкѣ съ Сашей. Но чаще лежалъ пластомъ. Онъ спѣшилъ съ бракомъ, и какъ только прошли петровки, повѣнчался съ ней въ Балашовской церкви. Саша нарядилась въ зеленое шелковое платье. Блѣдная дѣвушка, съ большими глазами, что встрѣтилась съ Уствольскимъ въ сосновой аллеѣ, пытливо смотрѣла на него и перешептывалась со своимъ кавалеромъ, уже другимъ, красивымъ, но нѣсколько свирѣпымъ усачемъ, начальникомъ станціи. Возжальниковъ, молодой старикъ, съ плѣшиной и съ тусклыми глазами, усердно крестился. Кто выхвалялъ красоту невѣсты, кто соболѣзновалъ о женихѣ, котораго всѣ считали слабоумнымъ. Дома встрѣтилъ молодыхъ Алексѣй Иванычъ, въ сюртукѣ и брюкахъ на выпускъ. Онъ началъ благочестивую рацею, но зять грубо оборвалъ его.

Ему было не хорошо. Созонъ подалъ письмо отъ Василія Михайлова. Бывшій прикащикъ напоминалъ барину о долгѣ. „Теперь, писалъ онъ дальше: — женілись вы на богачки і фзялі большое приданое то вамъ затрудненья въ капеталахъ ні придставляица а только сказать жанѣ друхъ моі поіжаі кначальніку станцій. Онъ тебѣ ужъ далъ 50 ру. Остаюсь ваща по-

корнейшея слуга Василй Михаіолофъ". Уствольскій рѣшилъ не обращать вниманія на клевету. Но она мимо воли отравляла его. Онъ положилъ письмо въ боковой карманъ—оно давило ему грудь.

Когда Саша пришла спать, Уствольскій молча протянулъ ей письмо. Она перестала раздѣваться и поднесла письмо къ лампѣ. Мужъ не сводилъ съ нея лихорадочныхъ глазъ. Она долго читала. Вдругъ ея красивыя черныя брови дрогнули, она заплакала и бросилась къ ногамъ Уствольскаго.

— Убейте меня, Сергѣй Никонычъ! молода была—глупа была!

Онъ посмотрѣлъ на ея голову съ распущенными волосами, на бѣлыя плечи, на шелковое зеленое платье, пышно легшее на полу вокругъ ея склоненной фигуры.

— Такъ это правда?

Саша молчала.

Онъ поблѣднѣлъ и отвернулся къ стѣнкѣ.

. . . . . .

Умеръ онъ осенью того же года.

Декабрь. 1882 г.
„Отеч. Записки", мартъ 1883.

ПОВѢСТИ ЛАПТЕВА

1
НА ЧИСТОТУ

I

Моросилъ дождь. Сергѣевъ поднялъ воротникъ и шелъ по грязи къ тремъ тополямъ, за которыми свѣтились окна. Подъ навѣсомъ онъ позвонилъ. Не отворяли.

Въ окно виднѣлась комната. На столѣ горѣла бронзовая лампа подъ матовымъ—словно ледянымъ — шаромъ. Красныя кресла стояли полукругомъ на пестромъ коврѣ. На бѣлой стѣнѣ блестѣла золотая полоска карниза.

— Хорошо живется!—подумалъ Сергѣевъ и еще разъ позвонилъ.

Лампа мигнула. Въ комнату быстро вошелъ высокій брюнетъ, увидалъ за стекломъ Сергѣева и прошелъ въ переднюю. Щелкнулъ замокъ.

— Ты? Давай руку... Который часъ?

— А что—не во-время? спросилъ Сергѣевъ, входя и снимая пальто. Извини: часовъ нѣтъ.

Хозяинъ суетился.

— Что ты!... Я тебѣ всегда радъ. Ты очень измокъ, Илюша? Эко... ботфорты какіе у тебя... дорого далъ?... Ворванью смазываешь?.. Ну, садись, ради Бога!

— Коверъ попачкаю... проговорилъ Сергѣевъ.

— Пачкай — ничего! — сказалъ, осклабившись, Степанъ Федоровичъ. „Чтобъ тебя чертъ взялъ!“ — Ничего—пачкай.

Онъ скользнулъ въ дверь, и Сергѣевъ остался одинъ.

Это былъ коренастый малый, съ крѣпкою, какъ деревянный ящикъ, грудью и рѣзкими чертами большого лица. Затасканная жакетка и свѣжая рубаха. Тугой воротничекъ упирался въ щеки и мѣшалъ читать газету.

Въ глубинѣ дома послышался подавленный смѣхъ, и Степанъ Федоровичъ выбѣжалъ изъ боковой двери.

— Сейчасъ дадутъ чаю! — на ходу крикнулъ онъ гостю.

II

Вошла молодая дѣвушка. Выпуклая грудь, румяное лицо, бѣлый лобъ, тонкія брови дугой, темные глаза и вздернутый носъ. Круглую талію схватывалъ лакированный поясъ.

— Сергѣевъ!

Она протянула руку и засмѣялась.

Сергѣевъ бросилъ взглядъ на пріятеля.

— А я все ждала васъ!—сказала Марья Ивановна.— А вы не пришли! Отчего?

— Ему дождь мѣшалъ,—пояснилъ Степанъ Федоровичъ.—Сейчасъ Пахомъ явится съ ромомъ.

— Заходилъ но не засталъ.

— Вечеромъ! Мы васъ къ обѣду ждали...

— Удивительно, право! — началъ Сергѣевъ. А вы здѣсь были?

Марья Ивановна вспыхнула.

— Сергѣевъ, какой вы чудакъ!.. Молчите, пожалуйста, что за глупыя шутки! Я готова расхохотаться!

— Вообще вы любите смѣяться.

— А вчера? Развѣ я не плакала?..

— Надъ гробомъ и палачи плачутъ, мрачно изрекъ Сергѣевъ и отогнулъ уголокъ воротничка.

Мальчикъ подалъ мельхіоровый подносъ съ чаемъ и съ графинчикомъ.

— Наконецъ-то!—радостно вскрикнулъ Степанъ Федоровичъ.—Илюша! чайку... Лей побольше!.. ты промокъ... Марья Ивановна! Ложечку!

III

Собрались гости. Степанъ Федоровичъ каждаго встрѣчалъ въ передней и вводилъ въ гостиную, ласково придерживая за талію. Шумѣли, табачный дымъ поднимался къ потолку. Играли въ карты, бесѣдовали о событіяхъ дня. За Марьей Ивановной ухаживалъ толстый бѣлоглазый человѣкъ, съ розовымъ лицомъ и рыжей окладистой бородкой, одѣтый пестро и двигавшійся съ граціей полной дамы, товарищъ прокурора Кромскій. Онъ шутя упрашивалъ Марью Ивановну выйти за него замужъ, а ей это казалось смѣшнымъ. Сергѣевъ съ ненавистью смотрѣлъ на жирную фигуру Кромскаго, свободно развалившагося на диванѣ. На Кромскаго мелькомъ недружелюбно взглядывалъ и Степанъ Федоровичъ. Впрочемъ, онъ улыбался, когда ихъ глаза встрѣчались.

Въ угловой гостиной молодые люди заговорили визгливыми голосами. Разгорѣлся споръ. Марья Ивановна встала и пошла въ гостинную. За ней — Кромскій.

— О чемъ шумятъ витіи?—спросилъ онъ у Сергѣева.

— А! Чортъ!

Кромскій вздохнулъ, какъ вздыхаютъ толстяки.

— О чемъ нибудь глупомъ?

— Подождите же, дайте мнѣ сказать!—кричалъ Тараканов, тонкій и высокій, какъ аистъ, съ волосами, висѣвшими на узенькомъ затылкѣ какъ перья, съ длиннымъ носомъ и крошечнымъ подбородкомъ.—Дайте же мнѣ сказать! Вѣдь если всѣ будемъ галдѣть, выйдетъ чепуха. Дайте же мнѣ сказать!

Полѣновъ, съ толстымъ лицомъ, курчавый и черный, старался развить свою мысль. Но его не слушали. Еще три человѣка говорили, повышая голоса.

— Но позвольте, высказаться.

— Ерунда!

— Ни одно цивилизованное общество... Позвольте, господа!

— Ерунда!

— Все о Шумейкѣ... Законно или незаконно... Пройдите въ кабинетъ,—прибавилъ Степанъ Федоровичъ:— и подождите меня... Метафизики! Дѣйствительность — увы!—не разсуждаетъ. Пожалуйста!

„Сочная дѣвчонка“, аппетитно подумалъ Кромскій.

Тараканову дали, наконецъ, говорить. Онъ запищалъ, помахивая худенькой рукой. Но не долго продолжалось его торжество. Сергѣевъ сталъ прерывать его все чаще и чаще. Сергѣевъ кричалъ, что Шумейко былъ его другомъ еще на школьной скамьѣ. Кто смѣетъ порицать Дмитрія Шумейку, тотъ порицаетъ принципъ, которому онъ служилъ почище всякаго радикальнаго чиновника особыхъ порученій (намекъ на Тараканова). Закипятился Полѣновъ. Надо разобрать, какой прин-

ципъ! Снова всѣ загалдѣли, и такъ громко, что играющіе гнѣвно глянули въ сторону спорщиковъ и пожали плечами.

Кромскій удалился къ преддиванному столу, медленно и серьезно пуская дымъ изо рта.

IV

Степанъ Федоровичъ торопливо вошелъ.

— Господа! Господа! оставьте!

Полѣнова онъ посадилъ возлѣ Кромскаго.

— Александръ Семенычъ, плюньте! Такое ли теперь время!

Полѣновъ не могъ сразу успокоиться и сильно желалъ завязать споръ съ Кромскимъ. Но товарищъ прокурора молчалъ.

— Успокойтесь, ради Бога!—молилъ Степанъ Федоровичъ, обращаясь къ Тараканову. — Илюша, воздержись... Дикая коза есть. Господа!

Скоро начались другіе разговоры. Степану Федоровичу нужно вести себя осторожно. Кто-то упомянулъ объ актрисѣ Мотиной.

— Да!—сказалъ Кромскій—Сокровище! Икры—во!

Онъ показалъ руками.

— Степанъ Федоровичъ,—продолжалъ онъ: — послѣ ужина... на сценѣ... а?.. Да? Ой, Степанъ Федоровичъ!

Степанъ Федоровичъ самодовольно улыбнулся. Но воспоминаніе объ актрисѣ Мотиной, жирной сорокалѣтней бабѣ, было ему противно.

— А гдѣ Протопопова?

— Въ столовой хозяйничаетъ.

— Гм!

Кромскій посмотрѣлъ на Степана Федоровича.

„Слопаетъ скотъ!“ подумалъ онъ о гладкихъ щекахъ

Марьи Ивановны похожихъ на половинки румянаго яблока.

Сергѣевъ направился въ столовую.

Но шумъ въ передней остановилъ его. Мгновенно очутившійся тамъ Степанъ Федоровичъ съ кѣмъ-то громко здоровался и цѣловался.

— Шумейко, Шумейко!

Человѣкъ средняго роста, лѣтъ тридцати, не худой и не толстый, красиво вошелъ въ гостиную. На немъ былъ черный сюртукъ до колѣнъ, и траурныя полоски уже бѣлѣлись на отворотахъ сюртука. Свѣтлая бородка его, съ рыжимъ оттѣнкомъ, мягко лежала на галстукѣ, заколотомъ жемчужной булавкой. Большой лобъ вверху прикрывали русые завитки жидкихъ волосъ, расчесанныхъ посрединѣ, а выраженіе глазъ исчезало подъ стеклами золотого пэнснэ.

Степанъ Федоровичъ представилъ ему нѣкоторыхъ своихъ гостей; нѣкоторыхъ онъ узналъ самъ. Съ Кромскимъ онъ поцѣловался, Сергѣева не замѣтилъ.

— Я не зналъ, дорогой Степанъ Федоровичъ,— началъ онъ:—что у тебя званый вечеръ... Я только что пріѣхалъ... Послѣ этого случая съ братомъ, понимаешь, мнѣ было-бъ даже неловко пировать... хотя, конечно, и вамъ, господа, это извѣстно, у меня не было съ нимъ ничего общаго...

Онъ обвелъ всѣхъ глазами. Высморкавшись въ раздушенный платокъ, онъ продолжалъ:

— Пользуюсь случаемъ, чтобъ заявить объ этомъ... Но я направился къ тебѣ, Степанъ Федоровичъ, въ надеждѣ услышать совѣтъ отъ тебя, какъ отъ умнаго и даровитаго адвоката, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться нашъ судъ (онъ выразительно посмотрѣлъ на Кромскаго). Дѣло серьезное и щекотливое и, кромѣ того, такое... Но подари мнѣ пять минутъ.

Гости безмолвно внимали словамъ провинціальнаго аристократа, сгорая отъ любопытства.

Степанъ Федоровичъ съ почтительною фамильярностью взялъ его подъ руку и повелъ въ кабинетъ.

— Что случилось?

V

Они прошли въ тускло освѣщенную комнату съ письменнымъ столомъ, съ книжными шкапами подъ воскъ, стульями, обитыми кожей, и турецкимъ диваномъ, занимавшимъ четверть кабинета.

Шумейко спросилъ:

— Сергѣевъ въ городѣ?

— Онъ у меня въ гостяхъ.

— Братъ успѣлъ перевести имѣніе на деньги,—сказалъ Шумейко гробовымъ голосомъ:—и сумѣлъ передать весь капиталъ Сергѣеву. Братъ разорилъ меня.

Онъ поникъ головой.

Степанъ Федоровичъ раскрылъ ротъ.

— Грабежъ!

— Грабежъ,—мрачно прошепталъ Шумейко.

— Тысячъ сто?

— Безъ малаго.

— Грабежъ!

— Признаюсь, къ мысли о потерѣ брата я ужъ привыкъ... началъ Шумейко.

Онъ остановился.

— Конечно, жаль брата...

— Потеря тяжелая,—зсмѣтилъ адвокатъ.

— Да... И, конечно, воля брата священна...

— Если только,—подхватилъ Степанъ Федоровичъ:—она облечена въ законныя формы...

— Гм!.. Признаюсь, Степанъ Федоровичъ, мнѣ эти законныя формы...

Онъ повертѣлъ пальцами въ воздухѣ.

— Неужели нельзя! спросилъ онъ.

— При законности формъ... да!

— Но вѣдь это...

Шумейко горячился.

— Можетъ быть,—посовѣтовалъ адвокатъ,—ты вступилъ бы въ сдѣлку? А?

— Позови его!

Степанъ Федоровичъ осторожно позвалъ Сергѣева. Но Сергѣевъ пришелъ въ такое волненіе, что долго не могъ сказать ни слова. Наконецъ, онъ произнесъ:

— Не мнѣ деньги... И никому отдать я ихъ не могу... Хоть, можетъ, мнѣ тоже хотѣлось бы жить въ такихъ кабинетахъ... Я не подлецъ, милостивые государи!

Шумейко и адвокатъ переглянулись.

— А, вотъ что!—пропѣлъ Шумейко:—Ну, это другое дѣло. Простите, г. Сергѣевъ.

Онъ поклонился, слегка качнувшись всѣмъ тѣломъ, заложивъ руки за спину. Сергѣевъ ушелъ.

— Дѣло дрянь—сказалъ адвокатъ.

— Н-нѣтъ! возразилъ Шумейко, и лицо его просіяло.—На этой почвѣ можно стоять. А тебѣ скажу, дорогой Степанъ Федоровичъ, что напрасно ты поддерживаешь знакомство съ такими чудаками; какъ Сергѣевъ. Всѣ эти старыя связи... — прибавилъ онъ, сострадательно улыбаясь.

— Да, да!

— То-то? До свиданія. Нужно ковать желѣзо... Извини, что отвлекъ тебя отъ священныхъ обязанностей хозяина... Поклонись Кромскому.

Степанъ Федоровичъ, съ свѣчкой въ рукѣ, проводилъ его до крыльца.

VI

Всѣ бросились къ Степану Федоровичу.

— Ну, что, какъ? О наслѣдствѣ?

— Много?

— Онъ теперь дѣла свои поправитъ...

— Ого!

Степанъ Федоровичъ сдержанно улыбался.

— Поклонился тебѣ,—шепнулъ онъ Кромскому.

Кромскій мотнулъ головой.

— Ѣсть, братъ, страсть хочется!

— Господа!

Двери распахнулись. Столъ былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью. Въ бронзовыхъ канделябрахъ горѣли пуки свѣчъ. Рюмки и стаканы сверкали. Бутылки были разставлены, между судками, букетами цвѣтовъ и пирамидами грушъ, яблокъ и винограда.

— Господа!

Марья Ивановна заняла мѣсто хозяйки. Возлѣ нея сѣли Степанъ Федоровичъ и Кромскій. Въ концѣ стола— Сергѣевъ. Степанъ Федоровичъ постоянно подливалъ Марьѣ Ивановнѣ вина. Она храбро пила. Тараканов говорилъ о Спенсерѣ и Дарвинѣ. Полѣновъ объ Оффенбахѣ. Хохотъ не переставалъ.

— Дай дѣвочкѣ еще вина!—говорилъ Кромскій Степану Федоровичу. Напоимъ дѣвочку!

— А потомъ я ее домой подвезу... а?.. Пьяненькую? а?—прибавлялъ онъ.

Марья Ивановна краснѣла и, поднося къ губамъ бокалъ, влюбленно смотрѣла на Степана Федоровича. Онъ шепталъ:

— Моя?

Она опускала вѣки въ знакъ утвердительнаго отвѣта. Но Сергѣевъ ничего не пилъ, и его лицо пугало ее.

— Степанъ Федоровичъ, пьемъ ваше здоровье! крикнулъ Таракановъ. Слово за вами!

Степанъ Федоровичъ улыбнулся.

— Просимъ, просимъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Скажи! посовѣтовалъ Кромскій.

Степанъ Федоровичъ взялъ бокалъ и всталъ.

— Пожалуй, скажу.

— Очень хорошо, очень хорошо!

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и, закинувъ голову, началъ:

— Мы живемъ въ тяжелое время. Удушлива атмосфера, которою мы дышимъ. Рѣку нашей общественной жизни вдругъ запрудили плотиной непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, и она, повидимому, готова обратиться вспять. Но если послѣднее случится, то всѣ плоды нашей молодой цивилизаціи—наши суды, наше земство, наше крестьянское самоуправленіе, наша городская автономія, наша адвокатура, наша печать, наши банки—погибнутъ. Такъ гибнутъ во время наводненій водяныя мельницы, причемъ мельники разоряются. Господа, мы мельники. Мы неустанно мелемъ муку общаго блага, и намъ слѣдуетъ позаботиться, чтобъ наводненіе не разорило насъ. Но какъ это сдѣлать? Разберемъ плотину, которая грозить намъ бѣдствіемъ. Вооружимся мы, либеральные элементы, противъ элементовъ, чуждыхъ нашей общественности...

Ораторъ остановился. Кровь шумѣла въ его головѣ. Онъ смотрѣлъ на Сергѣева, и злое чувство кипѣло въ немъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь этотъ странный другъ его юности? Онъ горячо продолжалъ:

— Но если въ насъ не хватитъ мужества на активную дѣятельность, то скажемъ, по крайней мѣрѣ, что мы не имѣемъ ничего общаго съ людьми, тормозящими нашъ прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ пора заявить, отбросивши симпатіи, не провѣренныя критикой разсудка, что насъ нельзя смѣшивать съ кѣмъ попало;

намъ пора заявить, что мы требуемъ немногого, что мы уважаемъ собственность и нравственность. Намъ потому это нужно заявить, что иначе, вмѣстѣ съ плевелами будетъ вырвана и пшеница, и намъ нечего будетъ молоть. Поэтому я предлагаю тостъ за всякаго, кто станетъ способствовать скорѣйшему очищенію засорившагося русла нашей общественной жизни!

Крики одобренія оглушили оратора. Всѣ чокались съ нимъ. Тараканов хотѣлъ говорить. Полѣновъ тоже просилъ слова. Въ суматохѣ опрокинули бутылку съ краснымъ виномъ, и оно текло по скатерти. Кромскій подъ шумокъ шепнулъ что-то Марьѣ Ивановнѣ. Она прикрыла его губы рукой и потянулась съ бокаломъ къ Степану Федоровичу.

Вдругъ кулакъ съ трескомъ опустился на столъ.

— Только два слова!—крикнулъ Сергѣевъ.

— Буду кратокъ,—началъ Сергѣевъ.—И не къ вамъ рѣчь моя. То, что сейчасъ сказалъ Алмазовъ, избавляетъ меня отъ необходимости точить съ вами лясы. Я—къ Протопоповой. Марья Ивановна! Неужели вы останетесь въ этой компаніи? Я всегда съ горестью слѣдилъ за вашими шалостями, но извинялъ это молодостью, думалъ, что ваша дурь пройдетъ. Такою дурью считалъ я и то, что вы приняли приглашеніе Алмазова. Однако, все же я былъ съ вами и берегъ васъ. Но теперь, когда я долженъ уйти отъ этихъ господъ—мѣсто ли вамъ здѣсь? Бросьте ихъ! Уйдемъ: тина засосетъ и развратитъ. Уйдемъ—требую этого, и имѣю право требовать, потому что я... вашъ женихъ, Марья Ивановна!..

Марья Ивановна посмотрѣла на Степана Федоровича, блѣднаго и съ злой улыбкой на слипшихся губахъ, приложила руку ко лбу, постояла съ секунду въ нерѣшимости и сказала:

— Не пойду!

— Браво, браво! закричалъ Кромскій. Ай да дѣвочка!

И за нимъ закричали голоса:

— Ай да дѣвочка!

Сергѣевъ обвелъ всѣхъ вспыхнувшими глазами, гордо поднялъ голову и вышелъ.

На улицѣ было тихо. Влажный мракъ слегка рѣдѣлъ на небосклонѣ. Спящій городъ, казалось, былъ покрытъ чернымъ сукномъ. Дождь все моросилъ.

Ноябрь 1879
Слово, Янв. 1880

2

НОЧЬ

Было темно. Окно мутно смотрѣло изъ сумрака, какъ глазъ. Грохотъ экипажей стихъ; и городъ заснулъ въ холодной мглѣ апрѣльской ночи.

Орловъ думалъ о томъ, что никто не услышитъ выстрѣла.

Безмолвіе и тьма.

Слѣпая сила налегла на міръ.

Курокъ щелкнулъ. Холодное дуло приникло къ виску.

Городъ чернѣлся изъ окна пятаго этажа, какъ бездна.

О, какъ Орловъ ненавидѣлъ его! Въ жертву ему онъ принесъ свою молодость. И не онъ одинъ. Много было жертвъ и много было страданій, разбитыхъ надеждъ, растерзанныхъ жизней. Жертвенникъ никогда не оставался праздным.

— Умри!!...

Но когда Орловъ хотѣлъ спустить курокъ, тоска наполнила его грудь и зажгла въ мозгу яркіе образы; предъ нимъ промчались видѣнія, съ мольбой во взорѣ, съ протянутыми руками, прекрасныя и любящія.

Молодой человѣкъ опустилъ револьверъ.

Полоска свѣта прорѣзалась на горизонтѣ.

Онъ поднялъ голову, всматриваясь въ даль.

Что тамъ?

Равнина. Цѣпи холмовъ напряглись, какъ жилы на тѣлѣ великана. Рѣки развѣтвляются. Выступаютъ лѣса и поля. Бѣлѣются города, какъ военные лагери, и муравейниками кажутся сѣрыя деревни. Стелется дымъ пожаровъ. Поѣзда, какъ пьявки, ползутъ по рельсамъ, увозя за-границу хлѣбъ.

Орлову чудится, что онъ наклонился надъ равниной, и она такъ близко, что онъ видитъ людей. Съ безчисленнымъ множествомъ головъ и рукъ, народъ растянулся по всей необъятной площади, наполняя воздухъ шумомъ своего дыханія...

Не этотъ ли народъ вынесъ на своихъ плечахъ тысячелѣтнюю русскую страду? Унывалъ ли онъ?

Видъ полудикаго, темнаго, исполинскаго существа, тоскливо размышляющаго о кускѣ хлѣба, воскресилъ въ сердцѣ Орлова потухавшее пламя...

Слезы душили его. Кровь его теплѣла, сердце билось согласно съ милльонами другихъ сердецъ, нервы сплетались съ нервами всѣхъ, онъ становился атомомъ огромнаго цѣлаго, ничтожною частью общественнаго организма, горломъ того смиреннаго животнаго, которое ему грезилось, и боли котораго заставляли его трепетать и жаждать крика...

Разсвѣло.

Револьверъ упалъ къ ногамъ Орлова.

Онъ остался жить.

Слово, май, 1880.

3

ГРЕЗА

Павелъ Иванычъ Гусевъ сидѣлъ въ креслѣ послѣ хорошаго домашняго обѣда, положивъ короткія руки на животъ и уронивъ на грудь большую голову, съ двойнымъ жирнымъ подбородкомъ.

Было тихо въ домѣ, маленькомъ, деревянномъ, какихъ много за Таврическимъ садомъ. Жена Павла Иваныча безшумно, какъ тѣнь, сновала по комнатамъ, укрощая дѣтей, которыя и безъ того вели себя отмѣнно благонравно, и лицо ея, желтое и въ мелкихъ морщинкахъ, выражало почти ужасъ, а губы, безкровныя и подвижныя, шептали угрозы.

Благоговѣйной тишиной окружали счастливаго отца семейства его домочадцы.

А онъ дремалъ.

Ему грезилась его молодость, и яркія картины обступали его, выплывая изъ сумрака прошлаго.

Почти у самаго моря раскинулся городокъ Тихій. Мѣсто плоское, ни деревца вокругъ, только степь. Пять церковокъ бѣлѣются, какъ фарфоровыя игрушки, подъ яснымъ небомъ. Въ каменныхъ лавкахъ, надъ дверями

которыхъ волнуются куски кумача, спятъ купцы. Греки, съ желто-смуглыми лицами, играютъ на улицахъ въ шашки. Плетется старуха въ безобразныхъ лохмотьяхъ и ведетъ за руку голую дѣвочку съ дикими глазенками. Вездѣ закрыты ставни. Лѣнь окутала и повила городокъ; нѣтъ человѣка, который не зѣвалъ бы и не кисъ въ эти мучительные дни лѣтней истомы благословеннаго юга.

Но въ чистенькомъ домикѣ, съ цвѣтниками, поливаемыми утромъ и вечеромъ и освѣжительно благоухающими, когда съ моря потянетъ вѣтерокъ, бодрствуетъ живое существо.

Павелъ Иванычъ смотритъ въ окно на пыльную улицу, гдѣ курица вырыла ямку и купается въ ней; или нетерпѣливо вскочитъ, ходитъ по комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ; подъ нимъ скрипятъ половицы, а посуда звенитъ въ высокомъ желтомъ шкафу; онъ останавливается, задумывается, охорашивается передъ зеркаломъ и поглаживаетъ усики, и опять ходитъ, и опять смотритъ на улицу...

Но бьетъ желанный часъ. Кресты на церквахъ искрятся багровымъ огнемъ. Ползутъ облака съ золотисто-розовыми краями, и сѣрая сухая земля начинаетъ алѣть...

Павелъ Иванычъ торопливо хватается за шляпу и черезъ пять минутъ онъ уже въ домикѣ и его ласково встрѣчаютъ.

Сердце его усиленно бьется, глаза блестятъ, горятъ щеки, дрожитъ голосъ...

Раичка Муханова была простая дѣвушка. На первый взглядъ ничего не было въ ней особеннаго. Нарядно она не одѣвалась. Мудреныхъ словъ не произносила, не увлекалась модными писателями. Книги читала долго, со стороны можно было подумать, что онѣ ей въ тягость, и она надъ ними изнываетъ. Шекспира она читала цѣлый годъ. Многое ее и совсѣмъ не интересо-

вало. У ней были подруги, и она ихъ любила, но любовь никогда не выражалась пламенно. Онѣ повѣряли ей свои „тайны“, но у ней тайнъ не было, а если-бъ и были, она не стала бы выдавать ихъ. Отецъ и мать думали, что у ней холодная натура и изъ нея выйдетъ жена и мать семейства. Она улыбалась, когда они заговаривали о замужествѣ, и отмалчивалась. Мать разсказывала, что Раичка иногда напролетъ просиживаетъ ночи у окна и смотритъ вдаль. Почти некрасивое лицо, съ большимъ лбомъ, открытыми висками и блѣдной линіей тонкаго рта. Но что-то нѣжное и хорошее въ глазахъ. Ноздри узкаго прямого носа тонко очерчены. Русые волоса.

Раичка вела себя ровно, не кокетничала, не робѣла, и съ ней Павлу Иванычу было легко и свободно.

Онъ полюбилъ ее незамѣтно; и когда пришлось ему уѣхать изъ Тихаго на недѣлю, онъ такъ тосковалъ, сердце его такъ рвалось къ Раичкѣ, что онъ удивился, радостный испугъ охватилъ его. Но онъ не посмѣлъ ей сказать объ этомъ, первая любовь робка.

А Раичка любила его? Можетъ быть. Глаза ея съ лаской останавливались на немъ. Отчего бы и не полюбить его? Ему было всего двадцать два года, онъ еще не ожирѣлъ, не оплѣшивѣлъ, умѣлъ говорить красно и благородно. Ей было, во всякомъ случаѣ, не скучно съ нимъ. Неразговорчивая съ другими, она толковала съ нимъ по цѣлымъ часамъ.

Съ нимъ она переставала быть одинокой. Къ бесѣдамъ ихъ съ недоумѣніемъ прислушивались родители Раички—отецъ съ сѣдой бородой, крючковатымъ носомъ и красивыми карими глазами, и мать, пожилая дама, полная, съ припухшими вѣками, съ усмѣшкой перекошеннаго рта.

— По какому праву вы, господа, судите да рядите обо всемъ?—вмѣшивался старикъ.—Поживите сначала, наберитесь опытности, чтобъ васъ уважали... Научитесь

копѣйку добывать! Хоть этакой домишка постройте! Чтобъ онъ вашъ былъ... Эхъ вы! Мечтатели!

Онъ вставалъ и, посмѣиваясь, уходилъ въ садикъ, понуривъ красивую голову и ступая неразгибающимися ногами, въ тяжелыхъ сапогахъ.

Раичка, умная головка, улыбалась только на слова отца; нельзя было, вмѣсто отвѣта, вынуть изъ груди сердце и показать, какія чувства согрѣваютъ его, и нельзя было объяснить, какъ эти чувства наполнили его собою, и почему просятся наружу. Инстинктъ, что ли? Но какъ онъ сложился? Откуда сѣмя его было занесено въ далекій южный городокъ съ лѣнивымъ праздднымъ людомъ, равнодушно влекущимъ бремя своей незатѣйливой жизни вплоть до могилы! Какимъ языкомъ должна была говорить жизнь, чтобъ быть услышанной, и какимъ чуткимъ ухомъ надо было обладать, чтобъ услышать ея жалобы и откликнуться на нихъ? Въ семнадцать-то лѣтъ?! Ахъ, Раичка!

Они вмѣстѣ гуляли. Необъятность и красота природы проникала ихъ поэтической радостью, къ которой примѣшивалась неопредѣленная тоска, сладкое, щемящее чувство...

Пѣнятся волны и мѣрно плещутъ въ песчаный берегъ. Трещатъ раковины, шуршитъ песокъ. Бѣлые гребни волнъ толпятся и бѣгутъ, ширится даль, небо сливается съ моремъ. Вѣтеръ играетъ шелковыми лентами на соломенной шляпѣ, летятъ соленые брызги.

— Хорошо!

Раичка спрашиваетъ:

— Павелъ Ивановичъ, видите—корабль? На самомъ горизонтѣ? Неужто не видите?

Павелъ Ивановичъ смотритъ, напрягаетъ зрѣніе.

— А, вижу, вижу!

— А видите, еще за нимъ, какъ паутинка, голубенькая этакая черточка, мачта... Видите?

Павелъ Ивановичъ прикладываетъ къ глазамъ руку, дѣлаетъ шагъ впередъ, и у него не хватаетъ храбрости соврать.

— Нѣтъ, не вижу.

Раичка смотритъ въ туманную даль и говоритъ:

— Хотѣлось бы мнѣ быть вотъ теперь на томъ кораблѣ... на самомъ дальнемъ... Ахъ Павелъ Ивановичъ!

— Зачѣмъ?

— Объяснить не могу... Но, конечно, что за желаніе! Сама не знаю... Вырваться хочется.

— Откуда?

— Павелъ Ивановичъ! У меня скучная жизнь!

Онъ съ тревогой беретъ ее за руку, и они продолжаютъ идти по берегу, а море раскидывается передъ ними необъятное, таинственное, синее, золотое, опаловое.

— Скучная жизнь!— повторяетъ Раичка.

Павелъ Ивановичъ не соглашается. Правда, ей недостаетъ чего-то. Но—это во власти Раички...

Они въ степи.

Трава отливаетъ бархатомъ, и по ней разливается горяче-янтарнымъ блескомъ заходящее солнце. Въ туманныхъ, свѣтящихся багровымъ огнемъ даляхъ сверкаютъ золотыми точками волы и чумаки безконечнаго обоза, который тянется, какъ гигантская змѣя. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе звенья этой живой, туго изгибающейся цѣпи, и наконецъ, можно видѣть людей, освѣщенныхъ заревомъ заката — въ широкихъ, пропитанныхъ дегтемъ штанахъ и чоботахъ, въ смушковыхъ шапкахъ—и раскачивающіяся головы круторогихъ животныхъ. А небо, синее-синее, уже вспыхнуло и тѣшитъ глазъ мягкостью и гармоніею розовыхъ и пурпуровыхъ красокъ, лиловымъ золотомъ облаковъ, зеленымъ серебромъ пронизей между ними.

Странный былъ взглядъ у Раички на природу. Она говорила:

— Природа сдѣлала человѣка злымъ... Онъ ближняго давитъ—благодаря природѣ...

Павелъ Ивановичъ споритъ съ нею. Чувство красоты—прогрессивное чувство, гдѣ нѣтъ его, нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ идеала, нѣтъ высокаго. Раичка молчала. Этого она не понимала.

Раичка жаловалась на праздность. Газеты раздражали ее, принося извѣстія о мірѣ, непохожемъ на тотъ, въ которомъ она жила.

...Былъ осенній вечеръ. На балкончикъ, погруженный въ сумракъ ночи, падалъ изъ окна свѣтъ, а сквозь виноградную листву мерцали звѣзды. Клумбы еще были полны цвѣтовъ. Лѣто кончалось, надо было ждать непогоды, когда побурѣвшіе листья закружатся въ аллеяхъ съ меланхолическимъ шорохомъ.

Раичка и Павелъ Ивановичъ сидѣли рядомъ на скамейкѣ.

Въ голосѣ Раички, больше чѣмъ когда-нибудь, звучала суровая нота.

— Вы—мужчина, и вамъ легче устроиться, — говорила она. — Долго вы будете киснуть въ нашемъ городѣ да ухаживать за барышнями? Я знаю, что вы ничего не дѣлаете. Не къ лицу вамъ. А? А тамъ силы нужны, братья изнемогаютъ... Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нехорошо!

Бѣдная проповѣдница! Сердце его сжалось. Онъ глянулъ во мракъ сада, какъ будто въ бездну, которую показывали ему въ перспективѣ, и ему жаль стало тихаго и мирнаго уголка, гдѣ онъ привыкъ жить въ мечтахъ—вдвоемъ съ нею.

— Чего вы требуете отъ меня?—сказалъ онъ.

— Будьте послѣдовательны,—отвѣчала она.

— Раиса! Послушайте! Вы мѣшаете!..

— Я?

— Вы. Всѣ помыслы мои—о васъ...

Въ окнѣ виднѣлась внутренность комнаты. Лампа ярко освѣщала лица стариковъ, стоявшихъ у преддиваннаго стола, покрытаго красной салфеткой. Старикъ смотрѣлъ на жену съ выраженіемъ удивленія и почти гордости, а старуха радостно качала головой, держа въ рукѣ массивное золотое кольцо съ крупнымъ бриллiантомъ. На столѣ лежали еще золотыя и серебряныя вещицы и маленькіе вѣсы.

— Вы любите меня,—начала Раичка:—папаша и мамаша тоже очень любятъ меня. Но я не могу жить. Мнѣ жаль ихъ, но я ихъ должна бросить. Мнѣ эти заклады спать не даютъ... Это кольцо жидовка сегодня принесла и плакала, разставаясь съ нимъ... Я ненавижу... Ахъ, Павелъ Ивановичъ, уѣзжайте поскорѣе! И какъ только устроитесь—въ Одессѣ, или Кіевѣ, или Петербургѣ—напишите, я пріѣду!

Голова его шла кругомъ; ночь дышала ему въ лицо, навѣвая истому. Онъ поцѣловалъ у Раички руку...

Бывала ли когда-нибудь болѣе блаженная минута въ его жизни? Она не повторилась.

Онъ уѣхалъ. Раичка махнула ему платкомъ и крикнула:

— До скораго свиданія!

Спустя мѣсяцъ, онъ написалъ ей отрезвляющее письмо.

Она не отвѣтила.

А время шло.

Павлу Иванычу тридцать шесть лѣтъ. Одиннадцать лѣтъ ужъ онъ въ Петербургѣ. Онъ остепенился и женатъ на особѣ, которая старше его лѣтъ на десять, но у которой свой домикъ. Она влюблена въ него и считаетъ его знаменитымъ писателемъ: Павелъ Ива-

нычъ осуществилъ мечту своей юности. Сотрудничаетъ онъ въ одной газетѣ, не то либеральной, не то подлой, и, повидимому, доволенъ собою и своею обстановкой. Онъ судитъ обо всемъ авторитетно и обращается къ обществу съ поученіями съ высоты фельетона. И весело шутитъ.

Но по временамъ что-то начинаетъ безпокоить его. Онъ обманулъ Раичку, струсилъ. Что съ нею? Гдѣ она?

Въ эти минуты раскаянія, внезапно овладѣвающаго имъ, былое выныряетъ передъ нимъ въ ослѣпительномъ заревѣ недостижимаго идеала, оно кажется ему потерянным раемъ, и душа его тоскуетъ, а приличная мѣщанская проза его настоящаго давитъ его страшнымъ гнетомъ, мучитъ, преслѣдуетъ, душитъ, какъ кошмаръ, онъ проклинаетъ ее, эту вѣчную каторгу, на которую самъ обрекъ себя, позорно убѣжавъ съ другого пути, узкаго, но озареннаго радугой великой любви и, можетъ быть, великаго страданія.

Минуты эти стали повторяться чаще съ тѣхъ поръ, какъ въ одной пустынной улицѣ Петербурга, въ поздній часъ, онъ встрѣтился съ женщиной, которая напомнила ему Раичку. Женщина была одѣта въ черное. Сердце его сильно забилось, и онъ бросился за нею. Она подозрительно оглянулась, и ускорила шагъ. Она, Раичка! Павелъ Иванычъ прибавилъ шагу. Но она вошла въ ворота проходного дома, и исчезла.

И теперь некстати посѣтила его эта греза о прошломъ и сожалѣніе о томъ, что благоразумная судьба устроила все иначе. Рѣсницы его сомкнутыхъ глазъ намокли отъ слезъ. Онъ поднялъ голову и, чтобъ разсѣяться, рѣшилъ пройтись по Таврическому саду.

Но за дверьми кабинета послышался шорохъ юбокъ, осторожный и робкій, точно кто подкрадывался. Павелъ Иванычъ насторожилъ ухо. Шорохъ смолкъ. Павелъ Иванычъ подумалъ, что слухъ обманулъ его и повернулся въ креслѣ. Шорохъ возобновился, и гораздо смѣ-

лѣе. Павелъ Иванычъ, прищурившись, сталъ смотрѣть на двери. Вдругъ въ замочной скважинѣ сверкнуло любящее око его жены. Онъ поспѣшно сомкнулъ опять вѣки и сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ спать.

Май, 1881.
„Устои“ 1881.

4

ДВѢ ПОДРУГИ

Май начался, но было холодно. Въ Петербургѣ странный май. Погода стояла ясная.

Въ семь часовъ вечера по Кирочной шла молодая дѣвушка.

На ней было темное платье, щегольскія ботинки, синяя кофта съ шелковой бахромой и стеклярусомъ, шляпка съ бѣлымъ перомъ.

Высокія деревья тихо шумѣли за оградой.

— Таврическій садъ?—спросила она.

Ей отвѣчали: „да“.

Она пошла скорѣе.

Нарядныя дѣти, въ обществѣ боннъ и полногрудыхъ кормилицъ, входили въ ворота и выходили.

Прямо высилась густая сырая аллея. Солнечный свѣтъ косо лежалъ на дорожкѣ.

Дѣвушка вынула изъ кармана клочокъ, гдѣ карандашомъ былъ набросанъ планъ и знакомою рукою нарисованы двѣ головки, сливающія губы въ поцѣлуй.

Пальцы зябли. Но, несмотря на холодъ, въ кустахъ, на лужайкѣ, щелкалъ соловей.

Она все шла, ожидая, что налѣво будетъ горка, а на горкѣ скамейка.

Въ Борзнѣ также шумѣли деревья, и солнце, низко лежа на пурпурномъ облакѣ, казалось, ласково смотрѣло сквозь листву бесѣдки. Руки нѣжно сплетались съ руками... Отчего тотъ мигъ не сталъ вѣчностью?

Въ неправильной рамѣ огромнаго просвѣта показались бѣлыя стѣны низенькаго Таврическаго дворца, опрокинутаго въ стальной глади пруда.

...Скамья была свободна, и дѣвушка заняла ее.

Доносилась музыка. Вороны хрипѣли. Сизая дымка стлалась по лужайкѣ. Дѣтей уводили. Въ тѣни историческихъ дубовъ, на сквозныхъ скамейкахъ, мерещились пары въ золотыхъ кафтанахъ и фижмахъ...

Прямо сіялъ закатъ. Облака, дымчатыя съ багровымъ отливомъ, расползались надъ холоднымъ солнцемъ. Въ свѣтло-зеленой лазури клубились золотыя тучки, а въ самомъ низу, на янтарномъ фонѣ, за сѣтью вѣтокъ, чернѣли силуэты крышъ. Стволы далекихъ деревьевъ казались розовыми.

„Что задержало его?“

Она терялась въ предположеніяхъ.

На горку поднялся молодой человѣкъ въ коротенькомъ пальто. Онъ сказалъ:

— Марфа Сергѣевна!

— Что вамъ?

— Я отъ Занкевича, съ письмецомъ, — пояснилъ онъ.

Голубова поблѣднѣла. Она видѣла, какъ плоскіе пальцы молодого человѣка достали изъ широкого кармана лоснящійся конвертъ съ лиловой облаткой, взяла и съ испугомъ смотрѣла на адресъ.

— Онъ боленъ?

— Не могу знать.

Пробѣжавъ письмо, Голубова повернулась, и ея гла-

за были широко раскрыты. Занкевичъ уѣхалъ заграницу.

Она заплакала. Когда она подняла голову, молодого человѣка уже не было.

Небо потухало. Надъ янтарной полосой меркли лиловыя облака. Блѣднорозовый сумракъ обливалъ предметы.

Голубова сиротливо сидѣла на скамейкѣ.

Безпредѣльной далью вставало передъ ней черное будущее. Слезы медленно капали на шелкъ бахромы.

Въ саду еще гуляли.

Въ аллеѣ, межъ деревьями мелькала женская фигура. Она быстро приближалась. На ней былъ толстый пледъ и простенькая шляпка.

Она взбѣжала, сѣла на скамейку и достала кожаную папиросницу. Пледъ распахнулся, на затылокъ выбились золотыя косы. Лицо было блѣдное, худое, съ выраженіемъ гнѣвнаго состраданія, съ рѣзкой линіей розовыхъ губъ.

Голубова быстро подвинулась къ ней и радостно сказала:

— Саша, милая, здравствуй!.. Вотъ такъ судьба... И не думала, и не гадала!

— Марфенька?—произнесла Саша. Она стала жать ей руку.

Онѣ поцѣловались, Голубова заплакала.

— Ну, чего же ты? — спросила Саша. — Ахъ, какъ ты измѣнилась, Марфенька... Выросла... Ну, чего же ты? А?

Она закашлялась, гляда на подругу, изъ глазъ которой слезы текли ручьемъ.

— Ты, Сашечка, тоже измѣнилась, сказала Голубова.

Онѣ долго смотрѣли другъ на друга.

Саша высвободила руку.

— Давно въ Петербургѣ? — спросила она, зажигая спичку.

— Полгода. Но какъ было грустно, Сашечка!—прибавила она.

Болтливое возбужденіе охватило ее. Была потребность подѣлиться горемъ: она заговорила о себѣ, объ измѣнѣ любовника... она злилась, и голосъ ея дрожалъ.

Саша курила, затягиваясь.

— У тебя нервы,—замѣтила подруга.

— Правда! Ахъ, Сашечка, что же мнѣ дѣлать?! — начала она съ новыми слезами.

Саша сказала:

— И ты разлюби.

— Я утоплюсь,—произнесла Голубова, бросая взглядъ на прудъ.

— Глупо сдѣлаешь,—возразила подруга.

Небо потухло. На мѣстѣ заката блѣднѣло желтое зарево. Слабо рокоталъ городъ.

— Сашечка,—начала Голубова:—ты еще не знаешь, что такое горе... Она приложила платокъ къ лицу.

— Можетъ быть.

— Ахъ, нѣтъ ужаснѣе судьбы разбитаго сердца!..

— Красивое выраженіе, прошептала подруга, думая о страданіяхъ своихъ и чужихъ. Сколько слезъ, стоновъ, безвѣстныхъ, замершихъ въ каменныхъ мѣшкахъ, ледяныхъ тундрахъ, и сколько пресѣченныхъ жизней!!

Знакомыя лица, съ суровымъ взглядомъ застывшихъ глазъ, блѣдныя, измученныя, прошли передъ нею. Протяжной скорбью наполнилась усталая грудь. И ея милый мужъ среди нихъ!..

Она горестно глянула по сторонамъ. Деревья, какъ косматые гиганты, одѣтые въ траурные плащи, цѣпенѣли въ своей унылой недвижности.

Она встала и произнесла:

— Ну, прощай...

Марфенька встрепенулась.

— Ты ужь уходишь?—вскричала она съ сожалѣніемъ.—Посидимъ еще... Скажи мнѣ что-нибудь о себѣ... Ну, что-жъ ты?.. Учишься на доктора?.. Нѣтъ?.. На педагогическихъ курсахъ?..

— Прощай.

— Подожди,—крикнула Марфенька, нѣжно беря ее за плечо:—Заходи ко мнѣ... Мамаша обрадуется...

— Э, некогда!—отвѣчала Саша, плотно кутаясь въ плэдъ.

— Ну, такъ... я тебя провожу домой...

— Милая, извини, но я... я иду въ другое мѣсто...

— Все равно, я тебя провожу, возбужденно смѣясь сквозь слезы и дрожа отъ холода, заявила Марфенька:— Ну, хоть до садовыхъ воротъ... По крайней мѣрѣ, какъ ты... счастлива въ самомъ дѣлѣ? а?

— По своему,—прошептала Саша угрюмо.

Подруга съ завистью посмотрѣла на нее.

Онѣ спустились съ горки и потонули въ безмолвномъ сумракѣ аллеи.

Соловей робко щелкалъ.

Декабрь 1880.
„Молва“, 1881

5

ДАЛИЛА

Вспыхнули звѣзды. Брызнулъ лунный блескъ, разсыпался на листвѣ серебряными пятнами. Отъ дома выросла тѣнь...

Молодая дѣвушка сидѣла у низенькаго окна, опираясь на локоть, держа подбородокъ въ ладони, и смотрѣла въ глубину сада, гдѣ лунный свѣтъ бѣлѣлъ въ узкихъ прогалинахъ, межъ кустами, межъ деревьями, спокойно простершими сонныя вѣтки.

На подоконникъ упала ея слезинка, тихо, какъ дождевая капля.

Но шелестъ раздался за деревьями. Дѣвушка встрепенулась, высунулась изъ окна до половины, и онъ увидѣлъ ее—ея свѣтлое платье и овалъ лица въ черныхъ локонахъ и тихо подошелъ.

Она прошептала: „Гриша!“ Руки ея, тонкія и круглыя, голыя до локтей, обвили его шею, а горячія губы прижались къ его губамъ.

— Дорогой мой соколикъ! милый! Ты пришелъ-таки? Гриша!

Смуглое лицо ея сіяло красотой, въ прозрачномъ сумракѣ ночи любовно глядѣли ея большіе глаза, пол-

ные слезъ, узкія плечи были чуть приподняты, голова склонена на бокъ.

— Почему-жъ ты меня не забылъ? продолжала она шутливо и робко.

Онъ гладилъ ея руки, смотрѣлъ на нее и молчалъ.

Это былъ юноша средняго роста. Изъ-подъ темной шапочки падали свѣтлые волосы. Взглядъ блестѣлъ, жидкая бородка шла клиномъ. Углы губъ, при улыбкѣ, поднимались.

— Гриша, такъ завтра? спросила она, нагибаясь къ нему.

— Завтра!

— И тебѣ не жаль?

Она положила обѣ руки на его плечи.

— Гриша!

— Что, Соня?

Онъ почувствовалъ тепло ея дыханія.

— Останься на недѣлю... Обдумай!

— Я ужъ обдумалъ,—отвѣчалъ онъ, ловя поцѣлуй.— Не можетъ быть возврата! Соня, стонъ кругомъ! Судьба, Соня!

— Гриша, подожди!—начала Соня, кладя его руку себѣ на грудь.—Хорошо такъ? А стонъ всегда. А мнѣ какое дѣло? А это что такое?

Она показала ему на мизинцѣ колечко съ темнымъ камешкомъ.

— Вспомнилъ? Мы еще на *вы* были... ты говорилъ, какъ мы заживемъ славно... я все думала съ тѣхъ поръ... Отецъ не согласится?.. Фактъ на лицо—такъ ужъ ничего не скажешь... Правда, Гриша?

— Правда... Мы молоды, и хочется намъ жить... Но имѣемъ ли право, Соня? (Отчего у тебя такъ сердце бьется)?

— Милый! Дурачекъ мой! Оттого, что бьется. Отчего-жъ ты избираешь такую дорогу?

— Э, стара пѣсня, Соня!—

— Ты недоволенъ?—Гришуха, милый! Не могу я... болитъ душа... въ груди ледъ... Дорогой!.. Согрѣй!

Она посмотрѣла ему въ глаза. Локонъ—мягкій и душистый—пробѣжалъ по его лицу. Губы загорѣлись, умъ помутился.

— Останешься?

— Нѣтъ!

Она отстранилась отъ него и стояла неподвижно, потупивъ рѣсницы.

— Прощай, Соня!

Она повернулась къ нему и протянула руку.

— Вся твоя!

— Соня!

— А Уходи.

Но онъ не ушелъ.

— Соня, сила есть выше тебя.

— Выше меня? капризно произнесла она.

Луна взошла. Какъ палевой дымъ, висѣли прозрачныя облака. Далеко шумѣла водяная мельница.

— Можетъ быть! недовѣрчиво начала Соня. Знаешь... Мнѣ отъ бабушки достался хуторъ... — Она поправила волосы, обнаживъ локоть кокетливымъ движеніемъ руки вверхъ:—Песчанка... Въ пяти верстахъ отъ желѣзной дороги... лѣсъ... рѣчка, съ желтымъ дномъ... Отлично купаться!... Мебель такая пузатая, смѣшная... Но уютно. А на стѣнахъ картинки. Есть модныя—тридцатыхъ годовъ... или двадцатыхъ... Милая старушка была бабушка! Угощала отличнымъ вареньемъ и грибами въ сметанѣ... Есть тамъ еще садъ... большой!.. Много фруктовыхъ деревьевъ... Розъ много, сирени, черемухъ, всего. Соловьи такъ и гремятъ—всю весну... Ахъ! Гришуха! Мнѣ снилось вчера, что мы съ тобой въ Песчанкѣ. Я такъ живо это видѣла! Идемъ радостные, по опушкѣ лѣса, солнце заходитъ...

— Гриша, милый! — заговорила она, встрепенувшись:—вѣдь пріятно помечтать... хоть во снѣ... Правда?...

Онъ вздохнулъ.

— Гришечка! — сказала она вкрадчиво, садясь на подоконникъ, обнимая молодого человѣка за шею и наклоняясь къ нему.—Ну, вообрази милый!... Ну, ты только себѣ вообрази!...

— Я погибъ!—произнесъ онъ, пьянѣя отъ ея прикосновенія.

— И зачѣмъ же на недѣлю,—на два часа.

— Пора, Соня!...

— Не пущу!—страстнымъ шопотомъ сказала она.

Онъ понурилъ голову.

— Слово далъ...

— О, милый!..

Онъ поднялъ глаза. Волоса ея разсыпались по плечамъ. Лобъ блѣднѣлъ, облитый луннымъ сіяньемъ. Длинныя рѣсницы кидали на щеки мягкія тѣни. Губы алѣли надъ маленькимъ подбородкомъ — изящнымъ и нѣжнымъ. И поворотъ ея тѣла—стройнаго, воздушнаго, змѣинаго—будилъ желаніе.

— Цѣлуй!

Онъ поцѣловалъ.

— Слышишь?

— Я останусь...

Она обняла его и горячимъ шепотомъ ожгла его слухъ.

— Ко мнѣ... Иди...

— Сонечка...

— Иди!

Онъ влѣзъ въ окно.

Ночь смотрѣла въ спальню дѣвушки.

— Запереть?

Подкравшись, она повернула ключъ въ дверяхъ съ легкимъ звономъ...

— Тсс...

. . . . . .

Звѣзды потухали. Щебетали птицы.

Розовымъ руномъ разсыпала заря свой бодрящій свѣтъ, зажигались золотые лучи солнца...

Дома Гриша разбудилъ Гвоздева и объяснилъ, какой оборотъ приняли его дѣла. Бунтарь долго скребъ лохматую голову и, на увѣреніе пріятеля, что онъ всегда будетъ сочувствовать, отвѣчалъ, блеснувъ рыжими глазками:

— Убирайся ты, мерзецъ!

Вставъ и набравъ воды въ ротъ, онъ началъ умываться.

Одѣвшись, онъ напился чаю, съѣлъ цѣлую булку. Онъ вовсе не обращалъ вниманія на пріятеля. Но когда во дворъ въѣхала подвода, Гвоздевъ произнесъ:

— Не тово?.. Не раздумалъ?.. Эй, ты?

— Прости, не могу...

— Ну, счастливо оставаться!

Они поцѣловались. Гвоздевъ на порогѣ сказалъ:

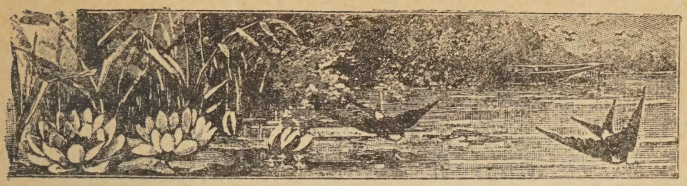
— А я всегда за тебя горой стоялъ! Хвастунъ, говорили, краснобай... Брехалъ я имъ на тебя... Дескать золото—не человѣкъ... Прощай!

— Пріѣзжай на свадьбу.

— Ла-дно,—протянулъ Гвоздевъ.

Онъ взялъ котомочку, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ, не оглянувшись...

Январь, 1881.
Откликъ, 1881.



ПРОВОДЫ.

Сѣрое небо низко нависло надъ мокрой землей. Дождь моросилъ утомительный, скучный, и невысокая цѣпь глинистыхъ холмовъ, тянувшаяся поодаль, струила желтые потоки воды на луга. Безнадежно-тоскливыя тучи ползли непрерывно, клубами, какъ дымъ...

Поѣздъ стоялъ у платформы, и немного было вагоновъ. Пробилъ первый звонокъ, никто не торопился садиться. И двери зала, гдѣ чистая публика, и двери зала, гдѣ черный народъ, не распахнулись подъ напоромъ пассажировъ. Странная тишина царила кругомъ.

Слышался только плачъ грудного ребенка въ одномъ изъ вагоновъ, да на платформѣ неподвижно стояла кучка людей, устремивъ глаза на рѣшетчатыя окна, откуда глядѣли блѣдныя лица ссыльныхъ и каторжныхъ... Печальный былъ поѣздъ.

Въ числѣ провожавшихъ были простыя бабы, дѣвки, два-три мужика, мастеровой въ тепломъ картузѣ съ разорваннымъ на-двое козырькомъ и некрасивая дама съ заплаканными глазами, вся въ черномъ — черная шляпка, черный зонтикъ, накидка, перчатки. Въ рукѣ она держала бѣлый платокъ.

Конвойный офицеръ, въ походной формѣ, стоялъ у

вагона, гдѣ сидѣли солдаты, и задумчиво смотрѣлъ на холмы. Жандармъ зѣвалъ. Можно было перебрасываться словами, и никто не мѣшалъ провожающимъ разговаривать съ осужденными. Но всѣ напряженно молчали. Только все слышался плачъ, неугомонный плачъ грудного ребенка. Онъ надрывалъ душу. Время тянулось мучительно долго. И каждый, въ сердечной истомѣ, вздыхалъ порою, но робко, словно боялся выдать свое горе. Дрожали губы у мастерового. Дама сквозь слезы смотрѣла на угрюмаго юношу—своего сына.

Онъ былъ бѣлокуръ и въ очкахъ—умное, злое лицо. За что ссылали его?.. Не все ли равно? Онъ осужденъ, и жаль его, и жаль эту бѣдную мать, на которую онъ глядитъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

Въ другомъ рѣшетчатомъ окнѣ виднѣлось лицо въ военныхъ усахъ. Никто не пришелъ провожать. Онъ одинокъ. На лбу у него межъ бровями прорѣзалась морщина, и враждебно смотрѣлъ онъ на людей, стоявшихъ на платформѣ.

А вотъ за рѣшеткой стройная дѣвушка. Какъ воскъ ея лицо, и на него изъ-подъ платочка выбились темныя пряди волосъ. Глаза горятъ лихорадочнымъ огнемъ. Это—убійца, она зарѣзала жениха. Дѣвки и бабы провожаютъ землячку.

Много еще смотрѣло лицъ изъ оконъ на унылую платформу. Дождь продолжалъ моросить, моросить безъ конца, утомительный, скучный, и невысокая цѣпь глинистыхъ холмовъ, тянувшаяся поодаль, струила желтые потоки воды на луга. Безнадежно-тоскливыя тучи ползли непрерывно, клубами, какъ дымъ...

Вдругъ раздался второй звонокъ, и всѣ вздрогнули. Разомъ заговорили и провожающіе, и ссыльные. Они не плакали, но слезы дрожали въ ихъ голосахъ...

— Смотри, пиши мнѣ, Коля!..

— Голубчикъ, милый нашъ, прощай!..

— Прощайте, Груня!..

— Прощайте, не поминайте лихомъ!..

Медленно шло время послѣ перваго звонка, быстро понеслось оно теперь. Всѣмъ хотѣлось сказать другъ другу, какъ можно больше, какъ можно сердечнѣе, теплѣе... и словъ было такъ много—печальныхъ словъ.

Послѣдній раздался звонокъ. Оберъ-кондукторъ приложилъ свистокъ къ губамъ, — двинулся поѣздъ. Медлительно ползъ онъ по рельсамъ съ мѣрнымъ лязгомъ и стукомъ колесъ, которыя вертѣлись скорѣе и скорѣе. Платформа опустѣла, въ мокрыхъ доскахъ отразилось сѣрое небо.

Но дама въ черномъ долго шла по платформѣ, въ надеждѣ, что тамъ, гдѣ поѣздъ переходитъ на другіе рельсы и закругляется, она еще разъ увидитъ сына. Она шла и плакала, и махала платкомъ, улыбаясь сквозь слезы, боясь огорчить скорбнымъ видомъ угрюмаго юношу. Увидѣла ли она его въ послѣдній разъ? И если увидѣла, замѣтила ли она слезы, которыя также текли изъ глазъ его?

Поѣздъ ушелъ и давно скрылся въ туманѣ дождливаго дня, а она все стояла на краю платформы, уронивъ руки, устремивъ въ даль глаза, оцѣпенѣвъ отъ горя...

Іюль 1886.
„Заря“, 1886.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Бунтъ Ивана Иваныча	1
Всходы	51
Искра Божія	106
Личное счастье	212
Родина	222
Старый садъ	226
Повѣсти Лаптева:	
1. На чистоту	260
2. Ночь	272
3. Греза	274
4. Двѣ подруги	283
5. Далила	288
Проводы	293

№ 970/83

(12)

Р. 30 К.
кв. № 4935/56

ЛЕНКНИГА
Магазин № 34
6 р.

30

84-6

~~294034/879~~
179918/1279

Л
10 3

Л
10-6

93
1873/4 3